

ЧЕТВЁРТАЯ ВЛАСТЬ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

НАЦИСТСКАЯ
ПРОПАГАНДА
И ЕЁ
НАСЛЕДНИКИ

Константин Кеворкян

Константин Кеворкян

**Четвёртая власть Третьего
Рейха. Нацистская
пропаганда и её наследники**

«Книжный мир»

Кеворкян К. Э.

Четвёртая власть Третьего Рейха. Нацистская пропаганда и её наследники / К. Э. Кеворкян — «Книжный мир»,

Когда отгремели последние залпы Второй мировой войны, союзники – США, Великобритания и СССР – сполна воспользовались материальным и интеллектуальным наследием нацистской Германии. И это относится не только к вывозу трофейной техники или конструкторов ракет и новейших образцов оружия. Послевоенный мир использовал и другие достижения Третьего рейха, в частности – наработки в области агитации и пропаганды. Ведь это именно новаторство фашистских бонз в области пропаганды позволило им не просто удержать население Германии в подчинении, но и внушить немцам экзальтированную любовь и преданность к своим фюрерам и ненависть к «врагам рейха». Как удалось нацистам достичь власти практически «демократическим» путем? Почему Германия, в которой были так сильны позиции коммунистов и социал-демократов, склонилась перед НСДАП? Как удалось нацистам «влюбить» в себя немецкий народ? Почему даже в последние месяцы войны немцы сохраняли веру в Гитлера и надежду на победу? Что из приемов нацистской пропаганды до сих пор используется современным капиталистическим обществом? Какую роль играет пропаганда в подготовке войн? Об этом и о многом другом – в книге К. Кеворкяна, посвященной феномену нацистской пропаганды и шире – вопросам социального управления народными массами.

© Кеворкян К. Э.

© Книжный мир

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
1. Вступление. Происхождение пропаганды	9
2. Ранний этап. Пропаганда в «Майн Кампф»	17
3. Политика перед приходом к власти. Победа	30
4. Работа по формированию системы. Поджог Рейхстага	36
5. Министерство пропаганды	41
Часть II	47
6. Понятие Родины	47
7. Доктрина чистоты крови	51
8. Образ вождя	57
Часть III	64
9. Наглядная агитация	64
10. Массовые мероприятия	72
11. Работа с аудиторией	82
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Константин Кеворкян
Четвёртая власть Третьего Рейха.
Нацистская пропаганда и её наследники

*Моим родителям – «детям войны», пережившим оккупацию
Харькова 1941–1943 гг., Людмиле Геннадиевне Кеворкян и Эрванту
Тиграновичу Кеворкяну посвящаю*

© К.Э. Кеворкян, 2020

© И. Хисамов, предисловие 2020

© Книжный мир, 2020

Предисловие

Ничто сверхчеловеческое нам не чуждо

Книгу под названием «Константин Кеворкян» я читаю как Талмуд – справа налево. Сначала он представлялся мне как талантливый и яростный публицист на темы послемайданной Украины. Эта тема, собственно говоря, нас и свела, уже почти три года Константин является колумнистом нашего издания «Украина. ру».

С течением времени и в результате нашего крепнущего общения я выяснил, что названная тема ему изначально не присуща. Она возникла вследствие личной драмы, вызванной, в свою очередь, общеукраинской трагедией. До переворота 2014 года Кеворкян был заметным человеком в Харькове, депутатом городского совета, руководителем и лицом популярного видеоканала «Первая столица». После Майдана, против которого он открыто выступал, Константин вынужден был покинуть Украину.

Я знаю много политиков и журналистов, эмигрировавших из Украины. Большинство из них отличает лютая ненависть к нынешнему режиму, что политически и человечески понятно. Но это иногда мешает понимать вещи. Кеворкян другой. Он копает глубже и видит дальше. А почему он копает глубже, я понял после того, как прочел его книгу. Вот эту самую, которую вы держите в руках.

Первым делом, я был крайне удивлен тем, что книжка-то написана еще в 2009 году, за пять лет до Майдана и переворота. Когда вся эта беда произошла, уже не требовалось большого ума, чтобы обнаружить и описать движущие силы, истоки и составные части. Да, конечно, Сорос и Госдеп, технологии цветных революций и прочий Джин Шарп с переходом в кровавую бойню. За всем этим дизайном мрачной глыбой увиделся inferнальный опыт становления гитлеровской Германии, да и сам этот дизайн вырос из геббельсовской шинели.

Между тем, подсказок было сколько угодно. Их поняли немногие. Сам Константин в предисловии к первому изданию сообщает, что решил написать эту книгу после того как увидел марш молодых нацистов в Харькове. Они были украшены эсэсовскими эмблемами, зиговали и кричали «Слава Украине» на манер «Хайль Гитлер». Марш был скромным, человек на шестьдесят. Что-то подобненькое видели жители многих городов Европы, Америки и даже России. Какие-то из них разгоняла полиция, но в большинстве случаев власти предпочитали не мараться. Дескать, кто же в молодости радикалом не был, и чем бы дитя не тешилось.

Кеворкян раньше других понял серьезность проблемы, потому что хорошо ее знал. Явление гитлеровского нацизма он исследовал как ученый-историк. И свое академическое знание обратил в прекрасное чтение для широкой публики. Тут есть все что нужно – интересные истории, неожиданные ракурсы, доселе неизвестные факты, есть ирония и юмор. Зато нет пафоса и проповедей. При этом порочная, крайне опасная для человечества сущность нацизма выявлена предельно отчетливо. Более того, из книги выходит, что эта идеология и в новом веке вовсе не утратила своего разрушительного потенциала.

Не слишком ли сильно сказано? Ведь все аналогии хромают. Украина сегодня – это не Германия тогда. Это слабый маргинальный режим в стране со слабеющей экономикой. Военной опасности представлять не способен. Глобальных идей не сочинил. То есть, там была трагедия, здесь – фарс и анахронизм. Канцлер Германии Ангела Меркель стала инициатором массового притока мигрантов с Востока в Европу, главными идеями западного мира стали толерантность, мультикультурализм и политкорректность. И куда нашим со свидомым рылом в европейский калашный ряд? Этого не должно быть, это противоестественно и скоро кончится – как только Трамп поймет, что Россия ему не опасна, а значит, Украина не нужна. И даже вроде бы уже понял.

Все так, да не так. Вполне возможно, что нацистский анахронизм Украины вдруг окажется мейнстримом – вернее, впишется в некий новый мировой порядок. Или хаос. Уж как получится. История ведь движется по спирали. Футурологи в голос заявляют, что взрывное развитие технологий очень скоро поставит под вопрос все современные институты власти. В корне изменятся отношения человека и государства.

Двадцатый век был триумфом гуманизма. Человек звучит гордо, всё во имя человека, все во благо человека. А бога никакого нет. Во имя человека было убито людей едва ли не больше, чем во имя бога в предшествующие века. Эволюционный гуманизм Гитлера исходил из посылки, что Дарвин прав, человек появился в результате эволюции и естественного отбора. Но и сами люди продолжают развиваться, и в этом развитии немцы обошли всех, а стало быть, имеют право на мировое господство. Победивший в России в 1917 году социалистический гуманизм утверждал приоритет общества, коллектива над отдельной личностью. Либеральный гуманизм признает личность отдельного человека вершиной всего: покупатель или избиратель всегда прав.

Нацисты были самыми последовательными в проведении своей идеи. Объектом их любви и заботы был весь немецкий народ, предметом ненависти и презрения – все остальные. Немецкому народу все это нравилось. «Говорят о моем голосе, моем даре гипнотизера, моих качествах оратора, – сказал Адольф Гитлер в одном из интервью. – Чушь! Мой секрет куда проще: в головах немцев царил беспорядок, а я упростил для них все проблемы».

Самым же изощренным в манипуляциях общественным сознанием оказался либерализм. Корпорации научились навязывать покупателю любые товары и услуги – в том числе, совершенно ненужные и вредные. Они придумывают новые потребности и болезни, чтобы продавать свои продукты и лекарства, они создают тренды, манеры поведения и даже образ жизни. А покупатель думает, что это он умен и прав. То же и с избирателем. Пресса и Голливуд создают и фиксируют такую реальность, при которой избиратель будет голосовать так, как надо тем же корпорациям и представляющим их политикам.

Однако при всех различиях каждой из этих ветвей гуманизма приходилось иметь дело с человеком. Государствам нужны были трудящиеся и солдаты, и чем больше, тем лучше. Все виды пропаганды и рекламы имели главной целью поддержание и повышение лояльности. А что делать, если трудящиеся и воины уже не нужны, если роботы и алгоритмы вытеснят людей из всех сфер производства товаров, услуг и даже творчества? Впрочем, когда это случится, ничего уже не поделаешь. Потому уже сейчас лучшие умы человечества думают над тем, как с этой новой реальностью сладить. И делают это в тихих ситуационных комнатах правительств, военных и разведывательных ведомств, а также аффилированных с ними мозговых центров.

Немецкий философ Фридрих Ницше изложил идею сверхчеловека, который способностями и волей превосходит обычных людей, как те – обезьяну. Сегодня это уже почти возможно технически. Очень скоро будут получены приспособления для радикального расширения ментальных и физических возможностей человека, увеличения продолжительности жизни и так далее. Но как себе представить миллиарды сверхчеловеков, живущих по тысяче лет на пособие по безработице?

Не надо представлять. Все эти улучшения поначалу будут стоить огромных денег, а потом богачи, которые получают такие возможности, закроют доступ остальным. И эта новая суперэлита станет править ими как пастух овцами. Если, конечно, дело будет идти как сейчас – по пути глобального рынка и по законам либеральной демократии. То есть, сама либеральная демократия незаметно обратится в свою противоположность. А нацистская теория о сверхчеловеках и недочеловеках получит подтверждение в практике, которая критерий истины.

Так вот, все люди доброй воли должны как можно раньше понять, к чему дело идет, и попробовать создать альтернативу, заключить новый, более актуальный и справедливый социальный контракт. И тем обезопасить себя от самого кошмарного тоталитаризма.

В качестве эпиграфа к книге я предложил бы следующую фраз^{аз}у:

«Освенцим должен служить кроваво-красным предупреждающим знаком, а не черным занавесом, скрывающим от нас целые сегменты человеческого горизонта. Эволюционный гуманизм сыграл важную роль в формировании современной культуры и, очевидно, сыграет даже более значительную роль в формировании XXI века». Это написал всемирно известный израильский историк Юваль Ной Харари. Словом, люди, будьте бдительны.

Искандер Хисамов,

главный редактор издания «Украина. ру»

Часть I

От конгрегации до министерства

1. Вступление. Происхождение пропаганды

Мы все подвержены в той или иной степени чужому влиянию. Это может быть мнение родителей, просмотренные нами новости или собственные рассуждения, когда мы, сами того не подозревая, приходим к выводам, к которым нас старательно подталкивали неизвестные доброжелатели. Тысячи очень неглупых людей ежедневно работают над тем, чтобы влиять на наше мнение – рекламисты, политологи, социологи. Несть им числа! Но цель всегда конкретна – убедить нас в необходимости купить тот или иной товар, избрать некоего кандидата, заставить нас поверить в то, что путь, которым идет государство, правильный, и правители наши мудры.

Надо сказать, что представительская демократия, а именно в таком обществе мы живем, подразумевает в качестве методов воздействия на своих граждан обработку их сознания. Американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон, в частности, пишут: «Те, кто контролируют взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие» (1)¹. Нынешняя пропаганда включает в себя искусное использование образов, лозунгов и символов, играет на наших предрассудках и эмоциях, а высшим пилотажем считается распространение какой-либо точки зрения таким образом, чтобы получатель этого обращения приходил к «добровольному» принятию продиктованной позиции, как если бы она была его собственной. А потому среди специалистов, занимающихся проблемой манипуляции сознанием, никогда не иссякнет страстный интерес к феномену нацистского государства, которое всего лишь за двенадцать лет своего существования построило удивительно эффективную систему управления людьми, заслужило их бесконечную преданность и обратило эти факторы в реальные военные, политические и экономические успехи.

Однако ученые, как правило, либо увязают в анализе информационных технологий режима, то есть обращаются к чисто внешней стороне вопроса, либо погружаются в глубины философии психоанализа, пытаясь понять причины массового сумасшествия целого народа. В результате мы получаем лишь обрывки сведений, которые сводятся в основном к конкретным обвинениям: концлагеря, национализм, жестокие убийства врагов и конкурентов, преследования евреев, бесноватый фюрер и т. д. Но эти конкретные обвинения совершенно не объясняют, чем подкупил «бесноватый фюрер» такой рассудительный и осторожный народ как немцы.

«Историк воссоздаст объективную картину в том случае, если проникнет в психологию людей, на которых ориентировались документы, с кем эти люди были косвенно связаны» (2). Иначе говоря, для понимания феномена нацистской пропаганды нам необходимо рассмотреть ВЕСЬ комплекс жизни общества: его историю, культуру, образование, науку, искусство, все то, что определяет нашу каждодневную жизнь.

Вряд ли такая задача под силу одному человеку, но и наша задача много скромнее: осмыслить – где имеет значение личная роль Гитлера / Геббельса в деле оболванивания масс, а что было заложено самой историей немецкого народа².

---

¹ Здесь и далее см. примечания в конце книги.

² «Если целая страна допустила, чтобы ею правил тиран, вину за это нельзя возлагать на одного тирана», – сказал в разгар Второй мировой войны У. Черчилль.

Но самое главное, мы должны определить актуальность тех достижений в сфере пропаганды и манипуляции сознанием, которые, по мнению специалистов, «следует считать выдающимися, не имеющими аналогов в мировой истории» (3), как они используются сегодня и кто станет их следующей жертвой.

В ноябре 1936 года в своей резиденции, что находилась высоко в Альпийских горах, Гитлер встретился с одним из самых влиятельных церковных иерархов Германии – кардиналом Фаульхабером. После окончания этой продолжительной и конфиденциальной беседы, оставшись среди своих, Гитлер долго молчал, глядя в окно, наблюдал за сгущавшимися сумерками. И, наконец, сказал: «Для меня существует две возможности: либо добиться полного осуществления своих планов, либо потерпеть неудачу. Добьюсь – стану одним из величайших людей в истории, потерплю неудачу – буду отвергнут и проклят» (4).

Как мы знаем из истории, фюрер проиграл битву, и сегодня его имя является синонимом жестокости, геноцида, войны. Но была одна баталия, из которой Гитлер и его приспешники вышли победителями. Более того, их наследие с благодарностью принято потомками, им восхищаются и творчески развивают. Речь идет о сфере нацистской пропаганды.

Для начала давайте определимся с самим термином «пропаганда» в понимании современных ученых. Итак, «Пропаганда – распространение политических, научных, философских и других идей в обществе с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов. В более узком смысле – именно политических или идеологических идей» (5).

Значение пропаганды было осмыслено еще в глубокой древности. Так, в древнекитайском «Трактате о военном искусстве» Сунь Цзы указывалось на важность психологической обработки противника и укрепления боевого духа собственных солдат. От пламенных речей Фемистокла в защиту родной Эллады до «боговдохновенных» призывов отбить у сарацинов Святую землю, которые стали началом Крестовых походов, – все это яркие примеры действенного пропагандистского воздействия на массы. Но рождение пропаганды в современном смысле этого слова можно отнести лишь к эпохе Реформации, точнее, предшествовавшей ей технологической революции в области распространения информации – изобретение печатного станка.

«Через полстолетия после своего появления книгопечатание становится все более важным орудием информационно-психологических войн. К 1500 году имелось более 1100 типографий более чем в 200 городах, было издано 36 тысяч книг различных названий общим тиражом в 12 миллионов экземпляров. К началу Реформации в 1517 году в Германии было издано 37 новых сочинений, в 1523 уже 498» (6).

Острая политическая и идеологическая борьба той эпохи диктовала небывалый спрос на соответствующую литературу и изобразительный ряд (те же гравюры часто имели пропагандистский характер и выпускались весьма крупными тиражами). В общем, начало Реформации – тот знаменитый день, когда Лютер прибил свои тезисы к дверям Виттенбергской церкви – можно объявить днем рождения пропаганды, если бы не одно «но». Никакого хрестоматийного прибивания тезисов и прочих эффектных жестов не было – это всего лишь легенда, запущенная протестантскими реформаторами в тех же пропагандистских целях. На самом деле, как свидетельствует ученик Лютера Агрикола: «В 1517 году Лютер предложил к обсуждению, по старинному университетскому обычаю, в городе Виттенберге на Эльбе несколько тезисов, но сделал это очень скромно, не желая кого-либо обвинить или очернить» (7). Хотя сам факт появления этой пафосной легенды все-таки свидетельствует в пользу определенного дня рождения пропаганды.

Но как бы то ни было, в целях борьбы с новой ересью в период Тридцатилетней войны в Риме решили создать пропагандистский центр папства. Он возник 6 января 1622 года и назывался «Конгрегация распространения веры» (*Congregatia propaganda de fide*). С этого начинается жизнь и сам термин «пропаганда» (от латинского *propaganda* – распространять). Если вас спро-

сят – можете блеснуть эрудицией. То есть, по сути – пропаганда является средством сообщения «истины» невежественным людям. В протестантских странах, как результат яростного противостояния и неприятия всего, идущего из папского Рима, само слово «пропаганда» приобрело отрицательное значение, но у католиков оно имеет дополнительный положительный оттенок (сходный с «образованием» или «проповедованием»).

Результаты кровавой Тридцатилетней войны (когда погибло $\frac{3}{4}$ населения Чехии и $\frac{2}{3}$ населения Германии) оказались определяющими для судеб Европы на многие столетия.

Во-первых, Вестфальским миром была закреплена политическая раздробленность Германии, что существенно задержало ее становление как национального государства, обусловило перманентную борьбу за объединение ее земель вплоть до падения Берлинской стены.

Во-вторых, «на основе срединного географического положения немецкого народа рано развились комплексы окруженности и необходимости обороны. Самым значительным наследием войны было травмирующее чувство незащищенности и глубоко запрятанный страх перед хаосом любого рода. В этом незабываемом историческом опыте берут свое начало такие необыкновенно содержательные для немецкого сознания категории, как порядок, дисциплина и строгая самодисциплина, поклонение государству как сдерживателю зла» (8). Чем-то этот мрачный опыт согласуется с теми выводами, которые сделал русский народ после эпохи Смутного времени.

И, наконец, в-третьих, произошли важнейшие идеологические изменения – появился такой важнейший фактор, как протестантская этика. «Вся метафизика, вся идеологическая подоснова Запада связана с кальвинистской идеей о предопределенности – Христос пошел на крест не за всех, а только за избранных. На этой идее строились потом все социальные и расовые доктрины» (9). Психолог Э. Фромм указывал: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм» (10).

Осознание себя как единственных носителей истины до сих пор является определяющим для многих миллионов представителей западной цивилизации, и этот тезис до сих пор служит ареной ожесточенной политической и пропагандистской войны. А. Тойнби писал: «Расовое чувство, которое на Западе исходило в основном от западных переселенцев за границей, имеет также религиозные основания в тех слоях, которые придерживаются протестантских верований. Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим Заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики» (11). Уже в XVI столетии между католическими и протестантскими церковными деятелями случился крайне любопытный теологический спор об американских индейцах. Католики установили, что «у индейцев есть душа» и они полноценные люди. Протестанты же считали, что индейцы – низший вид, т. к. они неспособны освоить ценности рационального мышления, и, соответственно, на них не распространялись «права человека» (12).

«Колонизация и необходимый для ее оправдания расизм (которого не существовало в средневековой Европе) заставили отойти от христианского представления о человеке. Пришлось позаимствовать идею «избранного народа», а затем дойти до расовой теории Гобино» (13). Впрочем, о графе де Гобино мы еще поговорим.

Войнами той эпохи рожден также используемый до сих пор такой тезис пропаганды, как обвинения другой стороны в претензиях на мировое господство (в ходе упомянутой Тридцатилетней войны – габсбургский и антигабсбургский блоки). Ну и различные зверства, которые использует враждебная сторона для подавления инакомыслия, – тот же мрачный миф об испанской инквизиции, которым искусно пользовались протестантские пропагандисты, дабы

подорвать идеологическое влияние католической церкви. Хотя историки знают: именно в католических странах по решению инквизиции «охота на ведьм» прекратилась на целое столетие раньше, чем в тех частях Европы, где победила Реформация. Однако в нашей памяти до сих пор сидят картинки из школьных учебников: злобные испанские инквизиторы и их несчастные молодые жертвы³.

После Тридцатилетней войны в Европе неуклонно начала возрастать роль Пруссии, настойчиво претендовавшей на роль объединителя распыленных «Вестфальской системой» германских земель, и буквально через сто лет, при Фридрихе Великом, это небольшое государство превратилось в одного из важнейших игроков на европейском континенте. «По мнению немецких историков, Фридрих II был первым германским императором (королем. – К.К.), создавшим настоящую пропагандистскую машину. Возможно, это еще одна из причин того, что этого исторического персонажа так любил Гитлер. Помимо того, что Фридрих регулярно публиковал статьи с разъяснением своей политики, он обязывал делать то же самое и своих влиятельных сановников. В своей работе «Главные принципы войны» король писал: «Если война ведется в нейтральной стране, то главное заключается в том, чтобы завоевать доверие и дружбу населения. Надо представлять неприятеля в самом черном виде и обвинять его во всяческих замыслах против страны» (14).

Другой культовой фигурой эпохи Просвещения стал Ж.Ж. Руссо – современник «Старого Фрица». Тезис о «Природном равенстве» людей из книг Руссо перекочевал и в Декларацию прав человека Французской революции, и в Декларацию независимости США и превратился в неоспоримый символ веры вплоть до сегодняшнего дня. Со всеми этими «Свобода, Равенство, Братство», начертанными на знаменах республиканской, а затем и наполеоновской Франции, была разгромлена феодальная Европа, а амбициозная Пруссия на некоторое время почти потеряла свой государственный суверенитет.

Ее идеологическое возрождение связано с именем немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте. В 1807 году в Берлинском университете, где он возглавлял кафедру философии, Фихте стал читать свои знаменитые «Речи к немецкой нации». Согласно этому учению, романские народы (в особенности французы) и евреи, являются упадочническими расами и только германской нации дарована возможность возродиться. Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начинается расцвет новой исторической эпохи. Этот квасной (или пивной?) патриотизм имел громадный успех у аудитории, носившей профессора в буквальном смысле на руках, и до сих пор «Речи» являются образцом патриотической фразеологии.

Освобождением от французского владычества Пруссия обязана не только гибели наполеоновской армии в России, но и мощным подъемом национального движения в 1813 году – одному из наиболее мифологизированных периодов в немецкой истории. Недаром именно к этим патриотическим чувствам взывал Геббельс, закончив свою знаменитую речь о тотальной войне в феврале 1943 года словами: «Вставай, народ, иди на бой и обрети свободу». Получивший в устах шефа пропаганды новую силу, лозунг первоначально был призывом ко всем немцам во время освободительной войны 1813 года. Да, собственно, и последний кинофильм эпохи Третьего рейха, который вышел на экраны в апреле 1945 года – «Кольберг» – из той же антинаполеоновской оперы. После победы над наполеоновской Францией Пруссия, наряду с Россией и Австрией, стала одной из самых могущественных держав континентальной Европы, вплотную приблизившись к своей заветной цели – полному доминированию в германоязычном мире. А поскольку XIX век был веком науки, то и изыски, облеченные в научную форму и дававшие пропагандистские обоснования для этих амбиций, не заставили себя долго ждать.

---

³ Наглядный пример, как искусственно сформированная картина действительности внедряется в сознание отдельных индивидов с помощью книг, театральных представлений, кинофильмов, передач телевидения и т. д.

Фридрих Шлегель, немецкий ученый, который проявлял повышенный интерес к культурам Востока, нашел в индийских сказаниях упоминания о далеких северных землях, в частности о священной горе Меру, которая располагалась в районе Северного полюса. Уже в 1819 году Шлегель ввел в научный обиход слово «ариец», которое являлось синонимом этнической группы, в которую входили и германцы, и индийцы (индоевропейцы). Вообще-то об арийцах говорил еще Геродот, но Шлегель значительно усилил смысл корня «ари», который он провозгласил этимологически родственным со словом «честь» (15). Вследствие чего в общественном мнении распространилось представление об арийцах как об аристократической расе господ. И уже его ученик Христиан Лассен сделал вывод, который навсегда закрепил идеологическое значение слова «ариец». Он противопоставил «комплексный талант арийцев» семитам, у которых отсутствовала гармония души, а иудейская религия сама по себе была эгоистичной и замкнутой (16).

То есть, как мы видим, расизм и антисемитизм гитлеровского режима имеют глубокие корни. Национальное возрождение плюс имеющая мощный религиозный подтекст психология избранной нации – конечно, от всего этого еще очень далеко до крематориев и концлагерей, но обыденность и высокопарность научных рассуждений навсегда сохраняются в их фундаментах. Научное племя породило новую породу убийц – убийцы, убежденные в своей правоте самой наукой. Кристофер Браунинг в своем исследовании «Совершенно нормальные люди» изучал мотивацию тех, кто принимал участие в массовых казнях в Польше, Украине и Прибалтике. Обнаруженные факты и свидетельства позволили ему сделать вывод о том, что каратели в большинстве своем были «идейными преступниками». «Самое страшное в этике расизма – отнюдь не ее экстремизм, а ее будничность, не ее чудовищная жестокость, а ее возвышенный идеализм» (17).

Но вернемся в XIX век, когда вся Европа увлеклась, как бы сейчас сказали, «национальным возрождением», то есть с наслаждением припала к вновь открытому источнику арийской духовности. А именно к фундаментальному труду графа де Гобино «Очерк о неравенстве человеческих рас» (Париж, 1853), которая еще больше углубила политическое значение слова «ариец». Цвет кожи служил для Гобино основанием для выделения трех основных рас: белой, желтой и черной. Внутри белой расы высшее место занимают «арийцы». В этом же труде Гобино впервые указал и на непосредственную связь между арийской и нордической расами.

Мы так подробно останавливаемся на учении о расах и их наследственных качествах, поскольку оно является основополагающим для понимания государственной политики Третьего рейха. Собственно, один из идеологов нацизма Вальтер Дарре в 1936 году так прямо и сказал: «Признание факта наследования человеческих качеств – это суть национал-социализма». Так что модная наука генетика была «продажной девкой» не только империализма, но и нацизма – вот откуда у послевоенных советских руководителей появилась удивляющая нас сегодня глубочайшая неприязнь к этому импортному фрукту.

Итак, учения Руссо о равенстве и Гобино о неравенстве противостояли друг другу в конце XIX – начале XX века. И здесь мы переходим к легендарной фигуре человека, ставшего живым мостиком между Гобино и Гитлером. Хьюстон Стюарт Чемберлен – автор работы «Основы девятнадцатого века» (Вена, 1899). По его мнению, для объяснения сути XIX века, прежде всего, требовалось установить, что лучшее современная ему цивилизация взяла из древности. Чемберлен утверждал, что были заимствованы три следующих явления: греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса. Наследовали достояние античности евреи, германцы («две чистые расы») и полукровки романского происхождения. Но одни лишь германцы были достойны этого прекрасного наследия. Евреи сделались приемниками римского расового хаоса; арийская же раса оказалась в ответе за духовное спасение человечества (18).

В момент написания своей эпохальной работы Чемберлен видел в «тевтонах» единственную надежду на спасение человечества. Причем, в понятие «тевтоны» Чемберлен включал, кроме германских народов, и кельтов, и славян. Но, конечно же, прежде всего немцев.

Его работы произвели фурор в Германии. Он стал личным другом кайзера Вильгельма II, женился на дочери великого немецкого композитора Рихарда Вагнера Еве, перебрался на постоянное место жительства в Германию, и, можно предположить, не без влияния его идей о высокой миссии германцев честолюбивый кайзер Вильгельм II ввязался в мировую войну.

Чемберлен одним из первых всемирно известных интеллектуалов Германии предсказал Гитлеру большое будущее. Будущий фюрер германского народа познакомился с престарелым Чемберленом в 1923 году. Хотя философ был болен и разочарован поражением своей второй родины, его буквально потрясло красноречие молодого Адольфа. После долгого разговора наедине с Гитлером впервые за очень долгое время практически парализованный и измученный болезнью Чемберлен смог спокойно и глубоко заснуть. Позже он написал Гитлеру благодарственное письмо: «Я ожидал встретить фанатика, однако мое чувство говорит мне, что Гитлер – это нечто иное, нечто более творческое, и что он, несмотря на его ощутимую силу воли, не является человеком насилия. Теперь, – продолжает автор письма, – я, наконец, спокоен, и состояние моей души сразу переменялось. То, что Германия в часы своей величайшей нужды рождает такого человека, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность» (19).

А пока лучшие умы Германии осмысливали ее национальную судьбу и историческое предназначение, на другом конце Земли, в Северной Америке, в Филадельфии, в 1843 году неприметный молодой человек по имени Волни Палмер открыл первое рекламное агентство. Как правильно разместить рекламу, как максимально удачно продать продукт покупателю и множество других коммерческих вопросов стали объектом самого пристального внимания стремительно развивавшейся торговой нации. Уже в начале 1890-х годов в американских университетах начали появляться новые учебные курсы, называвшиеся «Принципы рекламы», «Умение продавать» и «Оптовая и розничная торговля». Были изданы академические учебники с названиями вроде «Реклама и ее психологические законы», «Психология в рекламе», и все они обещали научить искусству убеждения – по крайней мере, применительно к рекламе и продажам. Палмер занимался вопросами, которые не слишком интересовали «высокодуховный» и презирующий американских выскочек Старый свет. За что он вскоре и поплатился.

Странная вещь. Появляются новые приборы, технологии, навыки, но общий уровень знаний отдельного индивидуума неуклонно ползет вниз. Отсутствие привычки к чтению, серьезной музыке, а порою (почему бы нет) к изысканной пище и винам и многие другие признаки современной жизни массового человека – только внешняя сторона бездонной деинтеллектуализации общества. Современный человек разучился критически, самостоятельно мыслить. Сейчас идет тотальное оглушение всего человечества, и, что самое страшное, в первую очередь в бездонную глупость скатывается и то, что называет себя элитой нации – интеллигенция. Носительница образования для последующих поколений сама себе снижает планку знаний, плодит неучей, и возвращенные интеллигенцией самонадеянные невежды правят невежественными массами. Такое случалось и прежде и приводило как к крушению государств, так и к уничтожению правящих ими элит. Едко пишет об этом феномене историк Юрий Мухин: «Весьма наглядна в этом отношении история Первой мировой войны, когда неспособные правители – все эти Гогенцоллерны, Романовы, Габсбурги, перемешавшиеся между собой до вырождения, – сначала угробили миллионы своих подданных, а затем и собственные империи. Они так и не поняли, что мир политики ныне неразрывно связан с миром информационным».

Информационное противостояние в годы Первой мировой стало одним из трех главных орудий войны (наряду с военным и экономическим воздействием на врага). Это сегодня очевидно, что противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя, а пропаганда является главным родом войск в любой войне; это сегодня мы на собственном

опыте могли убедиться, что «пятая колонна» предателей является более действенными пропагандистами, нежели официальные пропагандисты противника. Но в начале XX века простая истина, что, поскольку ложь для обмана противника естественна в любой войне, то они профессионально необходимы и в военной пропаганде, оказалась выше понимания правителей дряхлых полуфеодальных империй.

Передовые технологии западных союзников в информационной войне наглядно подтвердили наступление новой эпохи – власти общественного мнения, точнее, власти тех, кто умеет этим общественным мнением манипулировать.

«Оперировать истиной» – вот основной принцип руководителя пропагандистской машины союзников лорда Нортклифа. Оперирование, считал он, могло иметь шансы на успех, «если пропаганда задолго предшествует событиям реальной политики». Нортклиф был вхож в правительство, общался с самим премьером, находился в курсе всех его политических предположений, что, в свою очередь, помогало планировать долгосрочные проекты: «Пропаганда должна расчистить путь политике и формировать общественное мнение незаметным образом» (20). Принципиально новым в пропаганде западных союзников представляется то, что она стремилась не только произвести угнетающее моральное впечатление на германскую армию и народ – подобные схемы очевидны и использовались в войнах почти всегда. Но всеобъемлющий охват тем для пропаганды, неожиданность технологических приемов, работа с общественным мнением всего мира через средства массовой информации – все это стало революцией в сфере воздействия на массовое сознание. Немцев старались знакомить с преимуществами военного положения союзников, с громадным превосходством их военных запасов, с их научными открытиями. Одновременно перед немцами западные пропагандисты рисовали радужную картину того, что будет представлять собой мир после войны; при помощи пропаганды немцам внушалось, что в тот же самый момент, когда они избавятся от своего правительства, союзники предоставят им широкую возможность возрождения и нового государственного строительства. Что им нечего опасаться разрушения и уничтожения державы, что война велась лишь против кайзера и правящего дома Германии, но не против германского народа. Разве что в объединенную Европу не зазывали.

Конечно, пропаганда союзников отражалась на дисциплине как в немецкой, так и в австрийской действующих армиях. Во время наступления при Пиаве австриякам пришлось даже выделить пулеметные отряды для предупреждения массового дезертирства. Так что рассказы о Сталине, впервые применившим такую драконовскую меру как заградотряды для поддержания воинской дисциплины – не более чем байки. При упомянутом наступлении среди чехословацких отрядов началось восстание. Его немедленно и жестко подавили немецкие и венгерские части, и об этом кровавом инциденте все участвовавшие в нем стороны помнили весьма долго. Таковы свойства исторической памяти – искать в прошлом корни сегодняшних проблем. К слову сказать, во время Первой мировой войны пропаганда широко использовала также и исторический материал, для чего историки и журналисты придавали минувшим событиям ту или иную окраску, а то и просто фальсифицировали прошлое в соответствии с требованиями момента.

В числе прочих отличался этим и популярный итальянский журналист Бенито Муссолини, редактор газеты «Пополо д'Италия». Оппонируя своим противникам, Муссолини разработал очень эффектную публицистическую манеру письма, энергичную и язвительную, способную прикрыть слабость любого аргумента. Стиль, который он рекомендовал всем журналистам, должен быть всегда «волнующим» и «взрывным». И многие, как мы знаем, до сих пор этими наработками пользуются, поскольку воинствующий патриотизм всегда в цене. Тот же Муссолини к концу 1917 года увеличил тираж своей газеты до 60 000 экземпляров, получил множество заказов на рекламу, что увеличило доход издания почти в 8 раз (21).

Информационная война Германией была проиграна. Фактически руководивший в тот период немецкой армией генерал Людендорф писал: «Армия не нашла себе союзника в лице сильной, идущей из глубины страны пропаганды. Одерживая победы на полях сражений, Германия оказалась бессильной в борьбе с психикой неприятельских народов». Порою мысли немецкого служаки напрямую перекликаются с директивами лорда Нортклифа: «Хорошо поставленная пропаганда должна далеко обгонять развитие политических событий. Она должна расчищать дорогу для политики и подготавливать общественное мнение незаметно для него самого. Прежде чем политические намерения превратятся в действия, надо убедить мир в их необходимости и моральной оправданности» (22).

Спустя полтора десятка лет после вышеописанных событий Йозеф Геббельс с горечью констатировал: «Английская пропаганда обратила против нас весь мир. Никто не думал, что они способны на это. Эксперты считают их планирование и исполнение блестящими. Английская пропаганда была ограничена несколькими главными девизами. С дьявольской порочностью они систематически распространялись по всему миру и вбивались в мозги миллионам людей... Они говорили об отрубленных руках детей, выколотых глазах, изнасилованных женщинах и пытках стариков. Долгие годы антигерманской пропагандистской кампании убедили весь мир, что немцы – это нация варваров, нецивилизованных и бесчеловечных, и что моральная и культурная обязанность всего остального населения Земли – уничтожить Германию и сломить ее мощь. Только тогда в мире воцарится мир и дружба. Это сделало для всего мира легким присоединение к Англии в ее битве с Германией» (23).

14 августа 1918 года Верховное командование германской армии дало знать императору, что оно не может надеяться «сломить боевой дух наших противников с помощью оружия» (из письма генерала Людендорфа кайзеру Вильгельму II). Чтобы обеспечить упорядоченное отступление, Людендорф настаивал на перемирии. Немецкий генералитет сознательно скрывал от немцев военный аспект поражения, что дало позже возможность переложить ответственность на «внутреннего врага», якобы ударившего армии в спину. Однако, если следовать истине, сначала случился келейный факт признания военного поражения, и только потом наступил хаос в самой Германии – Ноябрьская революция, отречение кайзера и создание так называемой Веймарской республики.

Но широкие массы о письме генерала кайзеру, естественно, ничего не знали. Более того, многие немецкие патриоты были искренне убеждены, что их выстраданную победу украли и державе срочно нужен спаситель, который избавит нацию от незаслуженного унижения. Что необходим «фюрер» (вождь), и он скоро появится как мессия. Наиболее экзальтированные представляли его неким воплощением мистического Рыцаря со знаменитой гравюры Альбрехта Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол» (24).

Одним из выброшенных на обочину жизни взрывной волной Ноябрьской революции оказался молодой фронтовик, неоднократно отмеченный наградами за храбрость, художник-любитель, свежее испеченный инструктор по пропаганде Адольф Гитлер. Он уже поднабрал в публичных выступлениях (правда, только в пределах родной казармы), однако, по его словам, прекрасно понимал «какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Пропаганда является тем же орудием борьбы, а в руках знатока этого дела – самым страшным из орудий» (25).

И он был готов к его применению.

2. Ранний этап. Пропаганда в «Майн Кампф»

Итак, после Первой мировой войны началась новая эпоха. Молодые государства появились на карте Европы в результате распада старых империй; передовые технологии, доведенные до совершенства в боях с противником, специалисты стали приспосабливать к гражданским нуждам; множество женщин, во время войны занятых на производстве, не желали больше быть изолированными в своих семьях, но стремились к активной общественной жизни. И еще – во время войны миллионы людей в буквальном смысле на собственной шкуре убедились в эффективности воздействия пропагандистских технологий, а значит, листовки, профессиональные агитаторы, организованные кампании в СМИ стали неотъемлемой частью пейзажа послевоенной европейской политики.

Новая эпоха дала основание исследователю Рудольфу Зульцману заявить: «Пропаганда стала теперь средством ведения войны, применение которого никак не регулируется нормами международного права. (По сути, борьба за свободу обмена информацией это борьба за право вести свою пропаганду. – К.К.) Пропаганда подобна снаряду, снабженному множеством дистанционных взрывателей, заставляющих его взрываться по прошествии многих десятилетий и разбрасывать вокруг себя питательную среду для бесчисленных укоров и обид, мешающих нормализации международных отношений» (1).

Взрыватели застарелых исторических обид можно привести в действие в любое время. Даже в наше, казалось бы, глобализированное общество достаточно легко запустить вирус недоверия между народами. Достаточно вспомнить какое-нибудь историческое недоразумение, а еще лучше реальную трагедию, приписать ее злой воле соседей и все – «долг памяти» необходимо отплатить, «жертвы вызывают об отмищении», «справедливость должна быть восстановлена». Если такие политические номера удаются даже у нынешних политических карликов, то можно только представить каков был эффект, когда за дело брались такие мастера демагогии, как Муссолини или Гитлер.

На фронтах Первой мировой войны Гитлер зарекомендовал себя как храбрый солдат. Еще 2 декабря 1914 года его наградили Железным крестом II класса, позднее – «Крестом за военные заслуги» 3-го класса с мечами, затем – полковым дипломом за выдающуюся храбрость в бою при Фонтене, служебным знаком отличия 3 класса и, наконец, 4 августа 1918 года – Железным крестом I класса (2). По иронии судьбы, своей высшей военной наградой – упомянутым Железным крестом, которым Гитлер всю жизнь искренне гордился, он был обязан офицеру-еврею. Военские начальники отмечали, что Гитлер был подтянутым, ловким, бесстрашным и хладнокровным солдатом. Кроме феноменального для скупой на поощрения германской армии количества боевых наград он имел на своем счету и серьезное ранение. Каково же было возмущение этого, без сомнения, храброго фронтовика, когда в конце ноября, вернувшись после госпиталя в Мюнхен, Гитлер увидел, что государство, которому он беззаветно служил, находится в стадии распада и революционного брожения. Это было время, когда коммунисты провозгласили в Баварии Советскую республику.

Романтическое время иллюзий, когда вдохновители баварской революции поэты Эрнст Толлер и Эрих Мюзам опубликовали указ, в котором говорилось о превращении мира в «луг, усеянный цветами», где «каждый может срывать свою долю», а также упразднился труд, субординация и правовая мысль. Местным газетам, к слову, предписывалось публиковать на первых страницах рядом с последними революционными декретами стихотворения Гельдерлина или Шиллера. Для защиты Баварской Советской республики была создана Красная армия, в которую устремились русские военнопленные, и даже в батальоне, где служил Гитлер, чинили суд Советы солдатских уполномоченных.

Впрочем, любая революция чревата борьбой и эксцессами. Центром контрреволюционных сил Мюнхена стала штаб-квартира ордена «Туле» в отеле «Четыре времени года». Что это за организация, мы расскажем позже, пока лишь заметим, что именно на орден «Туле» обрушились репрессии коммунистов после убийства контрреволюционерами председателя совета министров Баварской Советской республики: несколько членов ордена «Туле» расстреляли как заложников. На этом, можно сказать, Баварская Советская республика и скончалась. Ее раздавили армейские части при поддержке вооруженных добровольцев – немцы не захотели повторить опыт коммунистической революции в России. Карательные отряды немецкой армии расстреляли несколько десятков русских военнопленных, уничтожили санитарную колонну армии Советов, десятки мюнхенских рабочих были убиты, а позже пойманы и казнены руководители Баварской Советской республики – Курт Эгльхофер, Густав Ландауэр и Евгений Левине. Бавария навсегда получила прививку от коммунистических экспериментов и до сих пор считается в Германии оплотом консервативных сил.

После уничтожения власти Советов начались репрессии. Гитлер, во время революции находившийся в Мюнхене, получил задание по розыску унтер-офицеров и рядовых, поддерживавших коммунистические Советы. Он добросовестно проинформировал следственную комиссию, созданную в его II пехотном полку, об известных ему фактах и людях.

У нас бы такого считали «стукачом», однако Гитлер именно так воспринял свой солдатский долг в новых условиях и старался максимально честно его выполнять. На подобном добровольном сотрудничестве до сих пор держится полицейский аппарат в западных странах.

Сведения, предоставленные Гитлером, сочли весьма важными, а его самого – ценным кадром и определили на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования армии. Там, в целях борьбы с коммунистическим влиянием, для солдат были организованы курсы «политического инструктажа», которые посещал Адольф Гитлер, и вскоре он получил назначение в один из полков, дислоцированных в Мюнхене. Гитлер так и не стал по окончании курсов офицером. Несмотря на необычно большое для своего воинского звания количество наград, он оставался в конце войны всего лишь ефрейтором, а потому не мог быть «офицером-учителем», но лишь – «доверенным сотрудником» в отделе «прессы и пропаганды» (позже в «отделе просвещения») (3).

«Так мне предоставили возможность, – пишет Гитлер, – выступать перед более многочисленной аудиторией» (4). Перед которой, добавим от себя, он начал оттачивать свое мастерство пропагандиста и стал развивать в себе ораторские способности, которые очень скоро оказались востребованными.

Страна была шокирована несправедливыми на взгляд немцев условиями Версальского мира. В самом деле, совсем недавно -1 марта 1918 года – Германия, как ей казалось, находилась на пороге грандиозной победы. В этот день пал Киев, Людендорф оккупировал Украину и тем самым создал основу колонии-сателлита рейха (режим Центральной Рады и Гетманат). Кайзер стал герцогом Курляндии, в состав которой вошли Литва и Эстония, управляемые местным немецким меньшинством, а в апреле немецкие войска заняли Финляндию. 7 мая 1918 года Германия продиктовала Румынии условия мирного договора. Немецкие войска захватили Крым, запланированный для германского заселения, а в сентябре солдаты добрались до бакинских нефтяных скважин, готовясь сделать рывок в Закавказье, чтобы занять стратегические позиции на границе с Центральной Азией. И вдруг – неожиданный крах на Западном фронте и последовавшая за ним Ноябрьская революция в Германии.

Согласно условиям Версальского договора, Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, захваченные ею во время франко-прусской войны, Бельгии – часть своей территории, Дании – часть Шлезвига. Восстановленной Польше прирезали территории, ранее захваченные немцами при ее разделах, политическая ответственность за развязывание Первой мировой войны ложилась на Германию, а начальный взнос по репарациям (5 миллиардов марок

золотом) необходимо было внести в период с 1919 по 1921 год. Германию фактически разоружили⁴ и так далее. Например, по предложенному вдогонку Версальскому договору «Плану Юнга», Германия выплачивала бы репарации на сумму 2 миллиона золотых марок ежегодно вплоть до 1965 года (5).

Нацистское движение рождено в 1920 году народным отчаянием и уходило корнями в широко распространенное желание противостоять политике Веймарской республики, направленной на буквальное выполнение всех требований победителей. Множество патриотических движений и обществ мучительно искали выход из сложившейся ситуации, которая грозила, по их мнению, самому существованию германской нации. Одним из самых влиятельных в этом пестром водовороте считалось общество «Туле».

Общество «Туле» – созданный после Первой мировой войны в Мюнхене по образцу масонских лож орден. Его официальные цели – изучение и популяризация древнегерманской литературы и культуры. Почему-то все подобные общества начинают с культуры и литературы. Но, безусловно, задачи ставились значительно шире. Общество проповедовало крайний национализм, расовый мистицизм, оккультизм и антисемитизм и являлось филиалом Тевтонского ордена, чьи отделения были разбросаны по всей Германии. Пусть вас не смущает странное сочетание поэтичного слова «орден» и бюрократического «отделения» – рыцарские ордена уже давно не являются военизированными структурами, а, скорее, сообществами избранных. Вот и доньше продолжает свою деятельность в разных странах родственник Тевтонскому ордену рыцарей-госпитальеров (Мальтийский). Помнится, мне также предлагали вступить в подобную организацию, то есть и в Украине они уже имеются. И, между прочим, активно действуют.

Туле – так называлась легендарная земля, о которой сообщал греческий географ Пифей и которая представлялась немецким ученым прародиной древней германской расы. Ее местонахождение исследователи определяли по-разному – как Норвегию (и в целом Скандинавию), Исландию и даже один из Шетландских островов. Общество «Туле» широко использовало мистические символы, например свастику, и сложные, тщательно разработанные магические ритуалы. Девиз общества: «Помни, что ты – немец. Держи свою кровь в чистоте!» Основатель ордена Рудольф фон Зеботтендорф привлек к деятельности организации около 250 человек в самом Мюнхене и более полутора тысяч по всей Баварии. Среди них имелись влиятельные журналисты, писатели, поэты, преподаватели университетов, армейские офицеры. В списках «Туле» числились будущие видные деятели национал-социализма: Дитрих Эккарт, Рудольф Гесс, Альфред Розенберг. Стараясь найти опору в широких народных массах, члены общества вели переговоры с основателем маленькой Немецкой рабочей партии слесарем Антоном Дрекслером о том, чтобы через него наладить связь с рабочим классом и распространять свои идеи среди пролетариата. И это были отнюдь не пустые мечты.

Как известно – кому война, а кому мать родна. Послевоенный полураспад государства предоставлял кучке дельцов фантастические возможности обогащения. «Люди это видели и негодовали. Четкое ощущение взаимосвязи между стремительными карьерами капиталистов и массовым обнищанием породило у пострадавших такое чувство, что они подвергаются социальному издевательству, и это чувство переходило в неослабевающее ожесточение» (6). К тому же компромиссный характер парламентских режимов, их слабость в принятии решений и частый паралич власти не обладали притягательной силой для миллионов молодых мужчин, усвоивших после кровопролитной войны миф о боевом братстве и эффективном военном управлении.

К тому времени в партии слесаря Антона Дрекслера появилось новое лицо – Адольф Гитлер, который в качестве наблюдателя от своего ведомства зашел на партийное собрание и, не

---

⁴ Вооруженные силы Германии ограничивались сотысячной армией добровольцев, которым запрещалось иметь на вооружении танки и самолеты.

удержавшись в роли стороннего слушателя, выступил перед присутствующими. Темперамент оратора произвел столь сильное впечатление на Дрекслера, что тот немедленно ввел его в руководство Немецкой рабочей партии (позже переименованной в Национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП)). В новом названии партии можно усмотреть желание, не теряя продиктованную орденом Туле националистическую ориентацию, усилить привлекательную для рабочих социалистическую фразеологию. Уже в начале политической деятельности партии Гитлер заявил, что «главное не в том, чтобы привлечь на свою сторону жаждущее лишь порядка и спокойствия бюргерство, чья политическая позиция продиктована, прежде всего, трусостью, но в том, чтобы воодушевить своими идеями рабочих» (7).

Духовным отцом национал-социализма часто называют Дитриха Эккарта, который был на двадцать один год старше Гитлера и которому будущий фюрер посвятил библию национал-социализма, свою книгу «Майн Кампф». Остроумный журналист Эккарт вел богемный образ жизни и, как следствие, пристрастился к спиртному и морфию. Он писал пьесы, некоторые из них принесли ему широкую известность в узких кругах: «Генрих VI», «Лягушачий король», «Отец семейства», «Генрих Гогенштауфен», а также названная им «делом всей жизни» трагедия «Лоренцаччио». Какое-то время Эккарт даже находился в психиатрической клинике, где ему удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержащихся там больных (8). Он умер в декабре 1923 года от белой горячки.

Другие персонажи свежеепеченной Национал-социалистической рабочей партии представляются нам не менее колоритными фигурами. Например, будущий идеолог движения Альфред Розенберг являлся эмигрантом из России, говорил по-русски лучше, чем по-немецки, и еще в 1917 году в Москве получил диплом архитектора. Что символично – за проект крематория. Розенберг был одержим намерением создать новую расовую мораль, новую элиту, новый эстетический идеал. Забегая вперед, отметим – это ему вполне удалось.

Храбрый фронтовик и ярый гомосексуалист Эрнст Рём обеспечил движению поддержку военных и ветеранов, вроде будущего «наци № 2» Германа Геринга, героя Первой мировой войны, воздушного аса, последнего командира легендарной эскадрильи «Рихтгофен», национальной святыни германских ВВС. Из фронтовиков были также Рудольф Гесс, бывший научный ассистент у всемирно известного геополитика, профессора Мюнхенского университета Хаусхофера, и будущий министр иностранных дел Иоахим Риббентроп (хотя открыто он примкнул к движению позже). Риббентроп во время Первой мировой воевал на Восточном фронте, заслужил Железный крест, имел несколько ранений, в том числе тяжелое.

И прочие ветераны НСДАП оказались не лишены человеческих достоинств. Известно, что будущий глава смертоносных СС и палач Европы Генрих Гиммлер был лично фантастически честен и презирал роскошь. Даже в эпоху расцвета Третьего рейха он получал относительно небольшое жалованье – около 24 тысяч марок в год, которые тратил экономно, а поездки своих пожилых родителей на служебном транспорте СС оплачивал из собственного кармана.

Любопытно, что в свое время отец Гиммлера предпринял выдающееся путешествие на санях через царскую Россию – аж до Новой Земли, и он никогда не мог забыть свое впечатление от бескрайних русских просторов. В школе папа будущего рейхсфюрера СС часто рисовал мелом карту на доске и доказывал невозможность завоевания России с запада.

«Россия – это открытый треугольник, – говорил ученикам Гиммлер-старший. – Кто бы ни пытался напасть на нее с запада, сумеет захватить лишь огромные снежные пустоши и неизбежно повторит печальную судьбу Наполеона» (9). Но для чего существует чужой опыт – чтобы его никто никогда не учитывал.

Однако пока перед юной партией стояли куда более актуальные задачи, нежели военные завоевания. Позже Гитлер в книге «Моя борьба» вспоминал о первоочередных шагах национал-социалистов: «Только на путях пропаганды можно было создать первое небольшое ядро,

проникшееся идеями нашего нового учения, и затем можно было подобрать тот человеческий материал, из которого позднее должны были создаваться первые элементы организации» (10).

В начале 1920 года Гитлер, как человек ответственный в партии за пропагандистскую работу, сразу же приступил к организации крупнейшего митинга, о котором столь малочисленная партия раньше и не мечтала. И митинг состоялся 24 февраля 1920 года в известном в Мюнхене пивном заведении «Хофброй-хаус» на две тысячи посадочных мест (политические собрания часто проходили и проходят в Германии в тамошних огромных пивных). В ходе своего выступления Гитлер впервые огласил сочиненные штатным экономистом партии Готфридом Федером двадцать пять пунктов программы Национал-социалистической рабочей партии Германии. Многие пункты партийной программы отвечали настроениям низших классов и подразумевали, например, отмену нетрудовых доходов, национализацию трестов, дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством, ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей и т. д. В заключение собрания присутствующими единогласно была принята резолюция против решения властей передать еврейской общине в Мюнхене 40 тонн пшеничной муки для выпечки мацы, «в то время как 10 000 тяжелобольных не имеют хлеба» (11).

Да, уже тогда еврейская тема Гитлером эксплуатировалась по полной партийной программе. В свои выступления он даже вставлял словечки на идиш и веселил публику нарочитым еврейским акцентом: «Это интернационал диктатуры еврейских биржевиков. У этого народа общее происхождение, общая религия и общий язык – «ви таки знаете, это язык жестов» (12).

Гитлер, несомненно, понимал то, «что называют общественным мнением, скорее заслуживает имя общественных чувств» (Дизраэли). Частью пропаганды НСДАП стала точно организованная, детально отточенная реализация научно обоснованного психологами Ле Боном и МакДугаллом пренебрежения массой, и квалифицированный пропагандист Адольф Гитлер с этими трудами был знаком. Ле Бон определял массу как субстанцию, полностью подверженную чужому влиянию, легковверную и некритичную толпу. Он утверждал, что индивид в толпе перестает ощущать себя сознательной личностью, и делал вывод: тот, кто хочет воздействовать на массу, должен рисовать картину бытия сильными мазками, преувеличивать и всегда повторять одно и то же. В том же ряду находится положение МакДугалла о том, что уровень толпы определяется ее наименее образованными представителями.

Гитлер считал, что людям нужны не только идеи, но и символы, которые всколыхнули бы их веру. Нарядность и красочность должны привлекать массы, как и акты насилия, которые вселяют в них уверенность в своем превосходстве над слабыми.

Для решения первой задачи летом 1920 года Гитлер выдвинул идею, которую можно назвать блестящей. По его мнению, партии не хватало эмблемы, флага, символа, то есть того, что четко отражало бы цели новой организации и завладело бы воображением народа. Так с герба ордена Туле была извлечена свастика, которая со временем стала одним из главных символов нацистской пропаганды.

Ну, и, как говорится, «добро должно быть с кулаками». По поручению партии ранее имевший судимость часовщик Эмиль Морис стал сколачивать отряды боевиков. 3 августа 1921 года в структуре нацистской партии возник «гимнастический и спортивный отдел». 5 октября «гимнасты» и «спортсмены» получили новое название – «штурмовые отряды» (СА). Позже Гитлер так определял цель их появления: «Начиная с 1920 года, совершались непрерывные нападения на собрания и на ораторов. Чтобы противостоять этому террору, проводить собрания и защищать ораторов и руководителей, из молодых членов партии был создан отряд самозащиты, который назвали штурмовым отрядом» (13).

Возникающий партийный аппарат помогает Гитлеру в его усилиях, и вскоре жалкие, написанные от руки объявления о собраниях меняются на размноженные типографским способом красочные приглашения. Одновременно партия начинает публиковать сведения о своих

митингах в местной националистической газетенке «Мюнхенер беобахтер»⁵. На столики в пивных, где проводились мероприятия, выкладываются проспекты и листовки. Более того, Гитлер решился на неслыханный доселе шаг – взимание входной платы за присутствие на публичных мероприятиях маленькой, неизвестной партии.

Для пополнения партийной казны также выпускались облигации, которые члены партии должны были приобретать и распространять; только в первой половине 1921 года было выпущено не менее 40 000 таких облигаций по десять марок каждая (14). Далее следует приказ по партии – каждый член партии должен завербовать трех новых, а также одного подписчика на «Фёлькишер беобахтер». Порою для добычи денег в ход шли и совсем уже нетрадиционные приемы. Так, бордель на берлинской Тауэнтциенштрассе, по инициативе одного из основателей партии Шойбнера-Рихтера, служил национальному делу, переводя свои доходы в адрес штаб-квартиры партии в Мюнхене (15).

Все эти весьма энергичные меры скоро дали зримый результат. Если в конце января 1922 года партия насчитывала всего 6000 членов, то в ноябре следующего их число уже превышает 55000. О том, что партия уже вошла в широкое сознание, косвенно свидетельствовало и распространившееся прозвище партийцев – «наци» – сокращенная форма от «национал-социалист», а для баварцев уменьшительно-ласкательное от имени Игнац, что носило доверительно-фамильярный оттенок (16).

Гитлер продолжал следить и за тем, чтобы партия продолжала вызывать симпатии у широких слоев трудящихся. Все сторонники Движения (слово официально писалось с большой буквы) приходили на митинги без галстуков и воротничков и одевались весьма скромно, дабы тем самым вызывать доверие к себе простых рабочих. Кроме того, чтобы показать массовость, демократичность и доступность партии, всячески популяризировались хоровые декламации патриотических стихов и политических речевок, что создавало у присутствующих ощущение силы Движения и его сплоченности в достижении поставленных задач.

Сам Гитлер, выступая в дискуссиях, всегда говорил свободно, без подготовки, но заранее приказывал членам партии подавать определенные реплики, которые, создавая впечатление живой реакции на выступление, придавали силу его высказываниям. Не довольствуясь достигнутым, он послал несколько своих человек на курсы ораторского мастерства, организованных левыми партиями для своих членов. Смысл разведки состоял в том, чтобы узнать темы выступлений оппонентов в дискуссиях и во время выступления давать им достойный отпор.

Так из усилий нескольких людей родилась мощная политическая сила, деяния которой во многом определили историю XX века. К тому времени признанным лидером партии, ее неутомимым двигателем и мозговым центром стал Адольф Гитлер. Генерал Людендорф, центральная фигура правого политического лагеря Германии той эпохи, искренне восхищался Гитлером и был готов к союзу с неожиданно мощным партнером: «Он единственный человек, обладающий политическим чутьем», – сказал генерал о ефрейторе (17). Когда французский философ Бертран де Жувенель спросил Гитлера о причинах его успеха, тот ответил: «Говорят о моем голосе, моем даре гипнотизера, моих качествах оратора. Чушь! Мой секрет куда проще: в головах немцев царил беспорядок, а я упростил для них все проблемы» (18).

В 1924 году американский исследователь Уолтер Липманн в своей прославленной работе «Общественное мнение» определил, что «всем процессом восприятия управляют стереотипы – предвзятые мнения». Для закрепления в сознании масс стереотипов пропаганда использует многократное, настойчивое повторение одних и тех же слов, фраз, которые, в конце концов, становятся символами. В наши дни это заклинания вроде «свобода слова», «демократия», недавно – «перестройка», «общечеловеческие ценности». Постоянное воспроизведение сфаб-

⁵ Позже выкупленной нацистами и переименованной в «Фёлькишер беобахтер» («Народный обозреватель»).

рикованных стереотипов создает предпосылки для их некритического восприятия и усвоения аудиторией как некой объективно существующей реальности (19).

Еще в начале 20-х годов прошлого века нацистские идеологи начали планомерно создавать пропагандистские стереотипы: «обездоленного и преданного немца», «еврея-ростовщика», «кровопийцы и банкира», «марксиста-разрушителя нравственных начал и семьи», «негроидных народов – французов и итальянцев», «англичан – душителей немецких национальных интересов». Гитлер откровенно заявлял: «Все искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен и т. д. Вот эту самую простую, но великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным способом» (20).

И сам Гитлер в огромной степени обладал даром всех великих демагогов – умением сводить сложные вопросы к пламенным призывам и крылатым фразам. «В ранние годы он владел голосом, речью и аудиторией так, как не получится никогда и ни у кого», – вспоминал бывший пресс-секретарь Гитлера Эрнст Ханфштангль (21).

«Гитлер прошел быстрым уверенным шагом, безусловно выдававшим в нем бывшего военного, – описывает Ханфштангль одно из собраний. – Первые десять минут он излагал историю последних трех-четырех лет, очень грамотно аргументируя свою позицию. Негромким сдержанным голосом он нарисовал картину происходившего в Германии с ноября 1918 года: крах монархии и Версальский мир, основание республики после бесславного поражения в войне, понимание ошибочности международного марксизма и пацифизма, вечная классовая борьба и в результате – безнадежная патовая ситуация с работодателями и рабочими, с националистами и социалистами. Когда он чувствовал, что аудитории интересна тема его речи, он слегка отодвигал левую ногу в сторону, как солдат, стоящий по стойке «вольно», и начинал активно жестикулировать, демонстрируя богатейший арсенал жестов. В его речи не было того лая и криков, которые выработались у него позже, у него был потрясающий насмешливый юмор, который, обличая, не был оскорбительным. По мере приближения к основной теме своей речи он стал говорить быстрее, его руки отмечали главные моменты тезисов и антитезисов, сопровождая взлеты и падения его интонации, усиливая масштабность проблем и подчеркивая основные идеи. Иногда ему возражали. Тогда Гитлер слегка подымал правую руку, будто ловя мяч, или сгибал руки и одним-двумя словами возвращал аудиторию на свою сторону. В паре метров от меня сидела молодая женщина, ее глаза были прикованы к говорящему. Словно в религиозном экстазе, она перестала быть собой и полностью попала под колдовство абсолютной веры Гитлера в будущее величие Германии» (22).

Довольно часто Гитлер заканчивал свое выступление произнесением клятвы верности, которую участники собрания должны повторять следом за ним, или же, впевнив глаза в потолок зала, скандировал: «Германия! Германия! Германия!», пока то же самое не начинал хором повторять весь зал (23).

Пытаясь понять, почему Гитлер столь сильно влиял на свое окружение, известный психолог Э. Фромм называет несколько причин: непоколебимая уверенность в своих идеях; простота речи; актерское дарование; совершенное владение тембром и эмоциональными оттенками своего голоса; неподдельность эмоций; исключительная память; умение рассуждать на любую тему (24). Можно добавить, что все эти качества у него были тщательно тренированы, отретпированы и приспособлены к пропагандистской работе.

Кроме того, Гитлер заботился о том, что сегодня бы назвали пиаром. Фотограф Генрих Гофман (в будущем близкий друг Гитлера) получает редакционное задание впервые сфотографировать таинственного вождя и сталкивается с неожиданными трудностями: «Гитлер имеет серьезные основания для того, чтобы не разрешать себя фотографировать. Это один из множества ходов в той политической игре, которую он ведет, и то, что он прячется от фотографов,

дает поразительные результаты. Все о нем слышали и читали, но никто еще не видел, как он выглядит. Люди заинтригованы, они сгорают от любопытства, вот почему они валом валят на его митинги. Приходят из любопытства, а уходят членами его движения» (25). Не гнушался будущий вождь нации и общения с простыми смертными. «В ранние годы, когда Гитлер еще не был так хорошо известен в Германии, он часто останавливал свою машину, чтобы протянуть небольшую сумму денег или пачку сигарет молодым бродягам. Однажды он заметил человека, идущего в одиночестве под проливным дождем, и, остановив машину, отдал незнакомцу свой плащ» (26).

Но, конечно, целью подобных демаршей являлась не дешевая благотворительность. «Задачей пропаганды является неустанная забота о том, чтобы завоевывать все новых и новых сторонников данных идей. Задачей же организации всегда будет неустанная забота об отборе наиболее ценных из сторонников движения с целью превращения их в членов партии. Вот почему пропаганда не обязана специально заботиться о том, насколько завоеванные ею сторонники являются людьми способными, людьми понимающими, людьми с интеллектом. Организация же, наоборот, специально занята тем, что из всей массы сторонников она самым тщательным образом отбирает именно те элементы, которые действительно способны обеспечить победу движению» («Майн Кампф») (27).

Как видим, фюрер весьма четко ставил задачи и расставлял приоритеты: «Первейшая задача пропаганды завоевывать симпатии тех людей, из числа которых впоследствии составит организация. Первейшая задача организации завоевать тех людей, которые пригодны для дальнейшего ведения пропаганды. Вторая задача пропаганды – подорвать веру в существующий порядок вещей и пропитать людей верой в новое учение. Вторая задача организации – борьба за власть, чтобы таким путем обеспечить окончательный успех данного учения» (28).

И еще одно любопытное откровение фюрера, характеризующее его внимание к проблеме кадров: «Когда я говорю с людьми, – как-то обмолвился он в узком кругу, – особенно не входящими в партию или с теми, кто собирается порвать с нами по той или иной причине, я всегда говорю так, будто с их решением связана судьба нации. Что они могут показать пример многим, кто последует за нами. Каждый человек, богатый или бедный, где-то внутри себя ощущает некоторую незавершенность. Жизнь полна тягостных разочарований, с которыми люди не могут справиться. Где-то внутри них дремлет готовность рискнуть последним, отважиться на поступок, который сможет изменить их жизни. Они готовы потратить последние деньги на лотерейный билет. Моя задача направить эти стремления в политическое русло. В сущности, каждое политическое движение основывается на желании своих сторонников, мужчин и женщин, лучшей жизни не только для себя, но и для своих и чужих детей. Это не только вопрос денег. Кроме того, немцы чтят историю. Миллионы их соотечественников погибли в войне, и когда я взываю к этим жертвам, высекается первая искра. Чем скромнее человек, тем сильнее его стремление ассоциировать себя с вещами большими, чем он сам» (29).

Тем более, в Германии того времени действительно наблюдался патриотический подъем, связанный с очередным обострением немецко-французских отношений. В 1923 году в обеспечение репарационных выплат Франция оккупировала главный промышленный район Германии – Рурскую область. Вступавшие в Рурскую область французские войска столкнулись с пассивным сопротивлением немецкого народа. Их встречали на улицах огромные скопления людей, с неприязнью и ожесточением певших патриотическую «Вахту на Рейне». Вскоре французские войска расстреляли из пулеметов демонстрацию рабочих на территории завода Круппа в Эссене. Погибло тринадцать немцев, и свыше тридцати ранено. В похоронах жертв оккупационного произвола участвовало свыше полумиллиона человек.

Кроме того, перед французским военным судом предстал молодой нацист, некто Лео Шлагетер. Несмотря на предупреждение французских властей, что саботажников будут казнить, Лео организовал взрыв на железной дороге. Казнь юного нациста-саботажника вызвала

возмущение в Германии – сограждане Лео задавали себе вопрос, насколько правомерно убийство немецкого гражданина на немецкой территории в мирное время.

Шлагетер, вступивший в нацистскую партию годом раньше, стал для нацистов одним из первых героев в их пантеоне мучеников. Ну и конечно, герои требуют отмщения. Вальтер Кадов, который выдал Лео французским властям, через некоторое время был убит неизвестными. Согласно официальной нацистской историографии, акт возмездия совершили Рудольф Гесс и Мартин Борман.

Драматические события в Рурской области, наряду с новыми экономическими ультиматумами союзников, спровоцировали экономический крах и невиданную в истории Германии инфляцию. К 30 ноября 1923 года эмиссия достигла 4000 квинтильонов (миллиард миллиардов) марок. Банки брали 35 процентов в день за кредит, а выдавали вкладчикам только 18 за год. Мелкие вкладчики и владельцы правительственных облигаций потеряли все.

В то же время правительство, землевладельцы, которые погасили все свои полисы, промышленники, которые, возвращая свои долги бесполезными бумажками, становились абсолютными собственниками основного капитала, оказались в громадном выигрыше. Это стало одним из самых больших и грубых перераспределений богатства в истории XX века, сравнимого только с приватизацией на постсоветском пространстве. Для миллионов жертв Большой инфляции ее наследством явилась неугасимая ненависть к Веймарской республике, к ее истеблишменту, к Версальскому договору, к союзникам и ко всем тем, кто был с ними связан в Германии. Лозунг Гитлера «Долой предателей Отечества, долой ноябрьских преступников!» нашел сотни тысяч преданных сторонников. Немецкий средний класс изменил свою ориентацию – с демократической на националистическую.

Понятия «Родина», «патриотизм», «национальное возрождение» всегда являются беспримысличными доводами в устах манипулятора сознанием. Но не менее важно найти для них объединяющую, точную и ёмкую формулировку. В 1923 году немецкий писатель-националист (и, кстати, большой почитатель Достоевского) Артур Мёллер ван дер Брук использовал термин «Третий рейх» для названия своей книги⁶. Симпатизируя расовой доктрине, Мёллер призывал немцев поддержать теорию превосходства нордической расы. Будущее, говорил он, целиком лежит в неразрывном союзе между Пруссией и остальной Германией. Он призывал соотечественников вернуться к сути примитивных и классических времен и продемонстрировать свое презрение к западному рационализму. Германия должна стать авторитарным государством с полностью централизованной, контролируемой и плановой экономикой. Все эти идеи и были изложены в его главной работе «Третий рейх» (1923).

Гитлер мгновенно оценил пропагандистскую привлекательность нового термина – «Третий рейх». Это название нравилось ему и потому, что имело некую мистическую связь со Средневековьем, когда «третье царство» считалось тысячелетним. Идея национального возрождения, не связанная с западным рационализмом, своим уникальным путем идущего от самой истории германского народа витала в воздухе. Немцы – нация высокообразованная, знающая и понимающая интеллектуализм, и если уж немецкая философия (явление мировое, как и «русская литература», «итальянская опера» и т. д.) склоняется к таким выводам, то, предполагал обыватель, так оно и есть.

Разочаровавшись в современном ему обществе, Мёллер в 1925 году покончил жизнь самоубийством. Вообще, национал-социализм во многом был движением разочарованных Веймарской республикой интеллектуалов. Отто Штрассер, родной брат одного из лидеров нацистской партии Грегора Штрассера, считал, что «ни один будущий историк не может понять и объяснить Третий рейх, не прочитав «Закат Европы» и «Пруссачество и социализм»

---

⁶ Первый рейх – это Священная Римская империя, Второй, соответственно, Германская империя Гогенцоллернов.

Освальда Шпенглера, «Народ без пространства» и «Неунаследованное наследство» Ханса Гримма и другие подобные труды» (30).

Большинство людей склонны к подражательному поведению, ориентируясь в своих поступках на действия авторитетных для них лидеров мнений. Им свойственно брать пример с тех, кого они «уважают», в данном случае, научной и интеллектуальной элиты нации. Но главное, чтобы к определенному выводу общество пришло как бы по собственному разумению, в результате развития собственных интеллектуальных возможностей.

Как замечает Г. Шиллер: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незамеченной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно» (31). Для примера можно вспомнить и тезис о неизбежном распаде «последней империи» – СССР – только «потому, что все империи распались». Если, под воздействием полученных от лидеров мнения и распространенных средствами массовой информации сигналов, человек перестраивает свои воззрения и начинает действовать по новой программе – манипуляция состоялась. Часто это происходит потому, что просто окунуться в бурный поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал. «Чужим умом живет средний человек, по крайней мере, в сфере идеологии, стандартов потребления и желаемого образа жизни» (32). Вот почему сегодня СМИ считаются самым мощным и эффективным средством господства над людьми, «четвертая власть» – это больше, чем власть в государственном значении этого слова.

И, конечно, направляемые определенной политической волей СМИ издревле этим пользуются. До сих пор выдающимся успехом пропагандистского влияния СМИ считается неожиданная победа консерваторов на выборах в 1925 году в Англии. Тогда несколько миллионов избирателей за несколько дней до выборов круто изменили свои намерения в результате дезинформации, которую распространила английская пресса⁷. Последующее разоблачение не имело эффекта – ведь никто не докажет, что именно эта фальшивка повлияла на избирателей, а дело сделано.

Кстати, о Коминтерне. Необходимо помнить, что двадцатые годы были в Германии временами ожесточенного соперничества с коммунистами. Победившая революция в России стала наглядным примером построения бесклассового общества по рецептам Карла Маркса. Понятное дело, что на родине основателя марксизма борьба за воплощение его наследия на практике приняла особо ожесточенный характер. Один из ранних призывов НСДАП гласил: «Вы хотите сперва увидеть в каждом городе тысячи людей повешенными на фонарях? Вы хотите сперва дожидаться, чтобы, как в России, в каждом городе начала действовать большевистская «чрезвычайка»? Вы хотите сперва пройти по трупам ваших жен и детей?» (33). Гитлер весьма эффективно начал использовать страх перед красным террором, настаивая снова и снова, что коммунисты в России уже уничтожили около 30 миллионов человек.

Хотя тот факт, что в его цифре произвольно прибавлен один ноль, ни в коем случае не уменьшает трагизма человеческих потерь на бескрайних просторах бывшей Российской империи.

В своих поездках «Гитлер всегда имел наготове карту города. Эти предосторожности не были чрезмерными, т. к. коммунисты постоянно ждали нас, готовые атаковать, и два раза в Кёльне и Бреслау после неправильного поворота мы попадали на улицы с красными флагами, которые приходилось преодолевать сквозь кулаки и крики толпы. Не нужно забывать, насколько были сильны коммунисты в те годы. В «красных» городах, типа Хемница, люди даже не осмеливались наряжать рождественские елки из страха быть атакованными фанатиками» (34).

---

⁷ Т.н. «Письмо Коминтерна», в котором якобы московские коммунисты рассуждали о желательности победы лейбористов.

Красные имели в своем арсенале и значительную поддержку деятелей культуры, в лице так называемого «культур-большевизма». Получивший распространение модернизм и такие его направления как экспрессионизм, творческие объединения вроде «Голубого всадника», «Дада» и другие традиционно пользовались симпатиями левой интеллигенции. Это была эпоха расцвета немецкого театра, и пользовавшиеся широчайшей популярностью театральные постановки провокационно увлеклись такими темами, как отцеубийство, кровосмешение и преступления (35). Защитная реакция консерваторов, оборонявших традиционные ценности народа, была не менее страстной и одновременно пронизанной мучительным страхом перед анархией и коммунистической революцией. И, конечно же, это политическое, культурное и мировоззренческое противостояние выплескивалось на улицы. Женщина-врач, работавшая в больнице одного саксонского фабричного городка, вспоминала о тех временах: «Когда вечером после собраний к нам поступали раненые, я сразу же видела, к какой партии принадлежал пострадавший, даже если он был уже раздет и лежал в кровати: пациенты с черепными ранами, нанесенными пивными кружками или ножками от стульев, были нацисты, с ножевыми ранами в груди – коммунисты» (36).

Но все же упрямая статистика, обобщенная за четырехлетний период (1919–1922), свидетельствует о том, что, невзирая на страхи обывателей и прессы перед коммунистами, именно правые вели несоизмеримо более кровавую политику. Так, в 1922 году 354 убийства были совершены правыми, и только двадцать два – левыми. Виновные за каждое убийство стороны левых, предстали перед судом, десять были казнены, а другие двадцать восемь были осуждены в среднем на пятнадцать лет. Из убийств, совершенных правыми, 326 вообще остались нераскрыты, пятьдесят убийц признали себя виновными, но из них больше половины суды оправдали; двадцать четыре получили в среднем по четыре месяца каждый (37). Это наглядно демонстрирует, на чьей стороне было государство и правящий класс Германии: безусловно, правых – традиционалистов, народников, консерваторов.

Весь лагерь националистов объединяла мощная фигура генерала Людендорфа – национального героя прошедшей войны. Человека незаурядного, гордившегося собственным скромным происхождением (в свое время он отказался от предложения кайзера возвести его в дворянство) и уже имевшего в подручных такого первоклассного демагога и организатора, коим являлся Гитлер.

Людендорф хотел революции одновременно социальной и национальной. В том была основная идея последовавшего 9 ноября 1923 года «пивного путча». Его целью стала попытка захватить власть сначала в Баварии, а потом распространить ее на всю Германию. Однако во время шествия колонны путчистов, возглавляемых Гитлером и Людендорфом, полиция открыла по демонстрантам огонь. Напрасно выскочивший навстречу полиции Юлиус Штрайхер (казненный в 1946 году по приговору Нюрнбергского трибунала) зывал: «Не стреляйте, идет его превосходительство Людендорф!» Полицейские в основном стреляли по ногам, но именно рикошетирующие пули и осколки гранитной брусчатки привели к большому числу опасных ранений. 14 национал-социалистов остались лежать убитыми на Одеон-сплац. Еще двое погибли в отряде Рёма, окруженного неподалеку баварской полицией. Позже в Третьем рейхе всех их возведут в ранг мучеников. Еще больше оказалось раненых. Среди них Геринг, которого дважды ранили в живот. Благодаря своей военной выучке, старые солдаты бросились ничком на землю при звуке пулеметных выстрелов. Среди пострадавших очутился и Гитлер. И только Людендорф, которого полицейские старались ни в коем случае не поранить, величественно продолжал идти вперед, пока не оказался среди полицейских, встретивших его весьма почтительно. И уж совсем никто не подозревал, что благодаря этой опереточной попытке восстановления было сохранено единство империи и предотвращен запланированный на ближайшие дни куда более серьезно подготовленный государственный переворот баварских сепаратистов (38).

Если вы хотите завоевать популярность среди широких масс, создайте себе имидж борца за справедливость, преследуемого властями. Знаменитый «пивной путч», организованный с целью захватить власть, закончился провалом для заговорщиков, но обернулся грандиозным пропагандистским триумфом для партии и ее лидера, о которых до того мало кто знал за пределами Баварии и прилегающих земель.

Суд над организаторами «пивного путча» Гитлером и Людендорфом для СМИ стал событием общенациональной важности. С первого дня судебных заседаний риторика будущего фюрера нации начала творить чудеса. Судьи вслух восхищались смелым «изменником». «Да он просто колоссальный парень, этот Гитлер!», – заметил один из них в разговоре с коллегой (39). Не молчала и патриотическая общественность. К примеру, в Байройте, музыкальной столице Германии, началась акция по сбору подписей, во время которой 10 тысяч подписавшихся требовали освобождения Гитлера. Как вы понимаете, жители сего изысканного аристократического городка были вовсе не пролетарии и крестьяне.

В конце концов, Гитлера приговорили к пяти годам заключения в крепости, что являлось минимальным наказанием по статье «измена родине». И все же общественность требовала от суда смягчить приговор. Лишь с большим трудом председателю суда удалось уговорить трех заседателей вообще признать подсудимых виновными, да и то после того, как он заверил их, что Гитлер может рассчитывать на досрочное помилование. После оглашения вердикта Гитлер появился в окне суда бурно приветствовавшей его толпе, а в зале за его спиной высились горы цветов. Людендорф, которого оправдали, негодовал: «Я воспринимаю это оправдание как позор. Мой почетный мундир и мои ордена этого не заслужили!» (40).

В июле 1922 года Гитлер уже сидел в тюрьме – четыре недели, за то, что он и его люди сорвали собрание Баварского союза, так что он в какой-то степени был готов к «тяжким испытаниям», но то, что его ожидало, превзошло все предположения. В тюрьме Ландсберг заключенных отлично кормили, в, так сказать, узилище имелся собственный оркестр, издавалась газета, у особо важных заключенных были свои денщики. Уюта ради, на стенах камер висели нацистские плакаты и картинки. В общем зале красовался большой флаг со свастикой. Заключенным выдавали пол-литра вина, либо одну кружку пива, а в особо жаркие дни позволяли насладиться еще одной дополнительной кружкой пива.

Гансу Келленбаху, болевшему малярией, врач разрешил выпивать один стакан водки в день, и это приятное обстоятельство использовали другие заключенные – сторонники Гитлера начали проносить спиртное в тюрьму. Заключенные Крибель, Гесс, Фрик, а также их посетители Готфрид Федер, Генрих Гиммлер, Генрих Гофман, Дитрих Эккарт собирались в большом зале для дружеского общения; немногочисленные одиночные камеры заранее резервировались для самых шумных участников, редко остававшихся трезвыми (41). А на тридцатипятилетие Гитлера цветы и подарки от почитателей заполнили несколько комнат в крепости и его личная камера, по словам одного очевидца, «напоминала магазин для деликатесов». Символично, что именно в тюрьме Ландсберг были позже казнены двенадцать его последователей, осужденных на Нюрнбергском процессе (42).

Короче, вся атмосфера предполагала занятия творчеством, и Гитлер взялся за написание книги, которая в будущем позволила ему считаться писателем и жить с авторских гонораров – «Майн Кампф» («Моя борьба»). Нет никакого сомнения, что Гитлер не только сам писал свои речи, но и весь текст «Майн Кампф». Федерализм – главный внутренний враг государства. Германия должна строиться на расовом принципе и объединять всех немцев, необходимо установить диктаторскую власть фюрера, нужно свести счеты с Францией и увеличить свою территорию на Востоке за счет России – таковы основные тезисы сего монументального произведения, на сегодняшний день запрещенного во многих странах, в том числе и ФРГ. Но это не мешает политтехнологам всего мира припадать, словно к роднику живой воды, к тому разделу книги, что посвящена проблемам пропаганды.

Если верить патеру Штемпфле, который дважды правил всю рукопись «Майн Кампф», лишь одна глава написана фюрером без особых заимствований из других источников, а именно посвященная вопросам пропаганды. Ну, во-первых, таких глав две, а во-вторых, читая «Майн Кампф» легко обнаружить источники, использованные Гитлером для формулирования своего взгляда на пропаганду: это уже упомянутые нами Ле Бон «Психология масс» и МакДугалл «Коллективный разум». Плюс его собственный недюжинный опыт.

«Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарней должен быть ее идейный уровень: Всякая пропаганда, если она хочет быть успешной, должна ограничиваться лишь немногими пунктами и излагать эти пункты кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов» (43) (помните все эти «500 дней» или «10 шагов навстречу людям»?).

«Задача пропаганды состоит не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, насколько справедливы позиции всех участвующих в войне сторон, а в том, чтобы доказать свою собственную исключительную правоту» (44) («Наше дело правое – враг будет разбит»).

«Народ говорит «да» или «нет»; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или неправ! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости» (45) («Юле – волю!»).

Кардинал Пачелли (с 1939 года – папа Пий XII) в 1925–1930 годах жил в Германии. Его нунциатура в Мюнхене находилась на той же улице и напротив резиденции нацистов, т. н. «Коричневого дома». Когда он прочел «Майн Кампф», он сказал о Гитлере прислуживавшей ему сестре Пескалине: «Это существо полностью владеет собой. Все, что говорит и пишет, носит отпечаток его эгоизма; этот человек перешагнет через трупы. Я не могу понять, почему столько людей в Германии, даже среди лучших, не видят этого или, по крайней мере, не извлекают никаких уроков из того, что он говорит и пишет» (46).

Уже в июле 1924 года на книгу поступило 3000 заказов. За время существования режима «Майн Кампф» издана общим тиражом в 6250 тысяч экземпляров, принесла автору внушительный авторский доход и донесла до политикума важнейшее решение, которое принял Гитлер за время своего пребывания в тюрьме – за власть можно и нужно бороться легальным путем. Но для легальной избирательной борьбы необходимо навести порядок в собственной партии, которая за время отсутствия лидера попыталась расколоться, и нужны деньги, много денег.

Его освободили 20 декабря 1924 года, и он, истосковавшийся по музыке Вагнера, устремился прямо к дому своего друга (и прекрасного пианиста) Эрнста Ханфштангля и приказал ему: «Играй Libestod!» (заключительная ария из оперы «Тристан и Изольда», часто исполняемая как концертное произведение). На следующее утро он купил себе «мерседес» за 26 000 марок и с этого момента, пока не стал канцлером, настойчиво пытался обогнать любой автомобиль на дороге (47).

Пока Гитлер находился в Ландсберге, в Германии наступили большие перемены. Новый президент Рейхсбанка доктор Ялмар Шахт стабилизировал валюту вводом обеспеченной золотом и конвертируемой за границей рейхсмарки, остановил выпуск бумажных денег и сократил правительственные расходы. Германская экономика, а в сущности, и вся мировая экономика вошли в более спокойный период.

На короткий период времени события обернулись против Гитлера. В новой экономической ситуации ему требовалось срочно укрепить организацию, добиться первых весомых успехов, и на правах серьезного партнера выйти со своими предложениями на большой бизнес.

Из текста плаката, приглашающего на собрание 27 февраля 1925 года: «Будет выступать товарищ Адольф Гитлер на тему: «Будущее Германии и наше движение». Входная плата для оплаты зала и плакатов – 1 марка. Остаток пойдет на создание боевого фонда движения. Евреям вход запрещен» (48).

3. Политика перед приходом к власти. Победа

После путча Гитлер приобрел общенациональную известность. В глазах многих он был героем и патриотом, и он не мог не воспользоваться сложившейся ситуацией. Хотя, по мнению недоброжелателей, фюрер выглядел излишне эксцентричным, однако в большой политике «утопические и иррациональные конечные цели Гитлер всегда подчинял реалистичной целесообразности» (1).

«Задача пропаганды – вербовать сторонников; задача организации вербовать членов партии» – написал он в тюрьме, и, следовательно, по выходу лидера на свободу работа закипела. В качестве первоочередной задачи перед соратниками ставилась вербовка новых членов, которые платили бы партийные взносы. Усилия не прошли даром, что сразу отразилось на росте новых членов НСДАП⁸.

При этом Гитлер принял важное решение. Он отказался от роста партии любой ценой, и новые местные организации отныне станут создаваться лишь тогда, когда для них будет найден одаренный и лично убежденный в правоте Движения руководитель. Одновременно метод Гитлера всегда заключался в том, чтобы отказывать своим последователям в какой-либо реальной доле в принятии решений на высшем уровне, но давать им бескрайний простор для бешеной деятельности на местах (включая насилие).

Вторая задача состояла в том, чтобы создать разветвленную партийную структуру по аналогии с существующей системой государственной власти и общественными институтами. Страна была поделена на области (гау), приблизительно соответствовавшие 34 избирательным округам по выборам в рейхстаг. Политическая организация состояла из двух политотделов: ПО-1 предназначался для борьбы с республиканским строем и состоял из подразделов внешних сношений, профсоюзов и печати рейха.

ПО-2 занимался строительством разветвленной партийной структуры. К нему относились подразделения сельского хозяйства, юстиции, экономики, внутренних дел и некоторых других. Кроме двух ПО существовал особый отдел пропаганды со своей особой структурой.

Неотступной задачей нацистов стало не давать правительству справиться с политическим кризисом, возбуждать массы против власти, сбрасывать один за другим неустойчивые кабинеты, добиваться роспуска ослабленного рейхстага и наращивать голоса в предвыборных кампаниях.

За короткое время НСДАП приобрела репутацию динамичной боевой партии. Часто нестандартные креативные ходы рождались просто-таки экспромтом. Ханфштангль вспоминает: «В другой раз в доме Генриха Гофмана, его друга-фотографа, я начал играть футбольные марши, выученные мной в Гарварде. Я рассказал Гитлеру все о болельщиках и маршах, контрмаршах и продуманном подстёгивании истерического энтузиазма публики. Я рассказал ему о тысячах зрителей, которые в унисон ревели «Гарвард, Гарвард, Гарвард, Ра-Ра-Ра!», и о гипнотическом эффекте таких вещей. Я сыграл ему некоторые марши Сузы и потом свой собственный, «Фалара», чтобы показать, как можно аранжировать немецкие мелодии и придать им тот бодрый ритм, характерный для американской духовой музыки. Гитлер практически захлебывался от энтузиазма. «Это то, что надо, Ханфштангль, то, что нам нужно для движения, превосходно!» И он стал вышагивать туда-сюда по комнате, как участница парада. После этого он заставил штурмовые отряды упражняться в таких действиях. За несколько лет я даже сам написал около дюжины маршей, в том числе и тот, который исполняли колонны коричневорубашечников, проходя парадом у Бранденбургских ворот в день своего прихода к власти. «Ра-Ра-Ра!» стало «Зиг хайль, зиг хайль!», но его источником был именно гимн Гарварда» (2).

---

⁸ 1925 год – 27 тыс. членов партии, 1926-й – 49 тыс., 1927-й – 72 тыс., 1928-й – 108 тыс., 1929-й – 178 тыс.

Не брезговали нацисты и прямым плагиатом понравившихся мелодий. Так на музыку советского «Марша авиаторов» они положили текст своей «Песни молодых немецких рабочих»:

*«Скоро затихнет волнение на серых улицах,
Мы – последний вызов свободы.
Не должны больше кутить бюрократы!
Пролетарий: сражайся рядом, за работу и за хлеб.
Теперь твердо берите судьбу в ваши руки,
Это сделаем жестким ударом фронта.
Положит конец всей тирании евреев
Коричневая армия немецкой революции!» (3)*

Естественно, в политическую деятельность активно вовлекалась молодежь, для идеологической обработки которой была создана специальная организация. Подростки в возрасте от десяти до пятнадцати лет приглашались в организацию под названием «Немецкая молодежь». «Гитлерюгенд» («Гитлеровская молодежь») объединял юношей в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет и имел свои секции (культуры, школьного образования, печати, пропаганды, оборонительных видов спорта и др.). Для девочек существовала «Лига немецких девушек», а для дам постарше – национал-социалистические союзы женщин. Студенты, преподаватели, служащие учреждений, врачи, адвокаты, учителя имели свои нацистские организации, а для художников и других деятелей культуры учрежден особый «Национальный культурный союз».

Нацистские организации давали много материальных и моральных привилегий для своих членов, начиная с бесплатной еды, пива, «служебных» командировок и кончая безнаказанностью за совершенные преступления. «Ораторы самого последнего разряда получают за выступление 50 марок. Ораторы с университетским дипломом – от 50 до 300 марок. Геббельс берет по 500 марок за выступление. «Вожди» из мюнхенского «Коричневого дома» получают тысячу, две за прочитанный доклад. В соответствии с этим находятся разъездные и командировочные» (4).

В капиталистическом мире 1929 год почти до конца своего третьего квартала протекал под знаком надежд и видимости растущего процветания. Были написаны целые книги, в которых доказывалось, что наука и становящийся все более организованным деловой мир справились наконец-то с таким явлением, как экономический кризис. «По-видимому, мы уже навсегда покончили с экономическими циклами, какими мы их знали прежде», – заявил в сентябре 1929 года президент нью-йоркской биржи (5). А в октябре на Уолл-стрит обрушился внезапный жестокий шторм, обваливший всю мировую экономику и вошедший во всемирную историю под названием «Великая депрессия».

В Германии, второй раз за короткий период времени, высокий уровень инфляции наряду с высоким уровнем безработицы многих сделал нищими. Большое число мужчин чувствовали себя униженными, потому что не могли содержать семьи. Люди мучительно искали выход, и его им настойчиво подсказывали – в 1930 году «Майн Кампф» была напечатана в формате, который подозрительно напоминал наиболее распространенный формат Библии. Цена всего 8 марок (6).

Социальное напряжение неумолимо нарастало. Для нацистов снова пришла пора активных публичных действий. В 1929 году заместитель фюрера Рудольф Гесс на встрече с промышленниками в Гамбурге молча вынул из портфеля две пачки фотографий. В одной была серия фотографий с демонстрациями коммунистов, в другой – фотографии на тему: «СА маршируют». Гесс раздал фотографии и сказал буквально следующее: «Вы видели, господа, силы разрушения, которые угрожают уничтожить ваши конторы, фабрики, все ваше богатство. Я

показал вам также, как создается власть порядка. Мы фанатично стремимся искоренить дух бунта. К сожалению, одного стремления мало, необходимы еще и материальные предпосылки. СА бедны, вся организация бедна. Откуда появятся сапоги, форма, флаги, барабаны – словом, все снаряжение, которое необходимо для сегодняшнего политического стиля, если нет денег? Их должны дать те, кто ими владеет, чтобы, в конце концов, не потерять то, чем они владеют» (7). И они их дали. Причем в числе дарителей числились знаменитый издатель книг по искусству Хуго Брукман из Мюнхена и всемирно известный производитель роялей из Берлина Карл Бехштейн.

На рубеже 1929-1930-х годов в Германии в результате кризиса сложились два мощных политических движения. Лишь две – из более чем сорока немецких партий – имели много членов и получали много голосов: пользующаяся поддержкой промышленников, в том числе американских, НСДАП и финансируемая из Советской России КПП⁹. Кроме того, на левом фланге продолжалось ожесточенное соперничество между коммунистами и социал-демократами. Сегодня многие историки склонны утверждать, дескать, именно Сталин виноват, что левые не объединились в единый фронт для противодействия нацистам. Но не стоит сваливать вину только на одного Сталина. Нетерпимую позицию по отношению к социал-демократам занимали также такие видные коммунисты, как Зиновьев, Бухарин и Бела Кун. Именно они переименовали социал-демократов в «социал-фашистов» (8).

На процессе после «пивного путча» генерал Людендорф сказал: «Марксизм нельзя убить из винтовки – его можно победить, только дав народу другую идеологию». Еще в 1925 году на генерала Людендорфа от имени нацистской партии была возложена задача представлять эту новую идеологию на президентских выборах и противостоять «представителю буржуазии» фельдмаршалу Гинденбургу.

Стоит напомнить, что Гинденбург с конца августа 1914-го командовал 8-й германской армией в Восточной Пруссии, где нанес сокрушительное поражение русским армиям под Танненбергом, а с ноября 1914-го он являлся командующим войсками всего Восточного фронта. С августа 1916 года он стал начальником Генштаба, фактически главнокомандующим, получив статус национального героя и прозвище Железный Гинденбург. Оба ветерана Первой мировой войны, культовые фигуры своего времени, схлестнулись в предвыборной схватке. Гитлер обещал Людендорфу полную поддержку, но во втором туре приказал своим людям голосовать за Гинденбурга, полагая, что у того больше шансов на победу (9).

Людендорф не сильно переживал свое политическое поражение, но так никогда и не простил Гитлеру его двуличного поведения. В 1937 году, находясь на смертном одре, он категорически отказался принять фельдмаршальский жезл, пожалованный ему бывшим другом. При этом генерал нехорошо выругался (а как может выругаться немецкий кадровый военный, можно только догадываться) и плюнул на паркет (10). Старый служака имел свое представление о чести, которое сегодня многие теряют в погоне за сенсацией.

Нацисты одними из первых начали использовать сенсационность в политической борьбе. Сенсация в некотором смысле сравнима с рекламой. Только она рекламирует не товары и услуги, а факты, события и личности. Это прекрасно понимал человек, назначенный партией на роль гауляйтера Берлина, – Йозеф Геббельс. Столица Германии считалась вотчиной левых, и поставленная перед ним партийным руководством задача привлечь на свою сторону симпатии избирателей казалась изначально невыполнимой, но Геббельс не унывал.

«Побольше шума – вот самый эффективный метод действий, рекомендуемый оппозиции!» – провозгласил новоназначенный гауляйтер. Геббельс начал со скандала, назначив свой первый митинг в центре «большевистского» района. В феврале 1927 года нацисты расклеили

⁹ Таким образом, Уолл-стрит, инвестируя миллиарды долларов в Германию, действовала вполне логично, подстраховываясь от коммунистической угрозы.

в рабочих кварталах Берлина кроваво-красные плакаты, оформленные «под коммунистов», с крикливыми призывами «готовиться к краху буржуазного государства». То были приглашения на массовый митинг в «Фарус-холл» – общественный центр, расположенный на севере Берлина, в котором коммунисты часто устраивали свои собрания. Сообщалось, что выступит доктор Геббельс с речью на чисто марксистскую тему: «О крушении буржуазного государства». Текст был составлен в стиле прямого обращения к читателю, которого дружески именовали на «ты»: «Ты должен решить эту историческую задачу! Рабочие – это ум и сила общества! Судьба германского народа – в твоих руках!» (11)

Мероприятие, как и планировалось, закончилось грандиозным побоищем, о котором много шумела пресса. Позже Геббельс писал: «Я до сих пор помню сцену, которую не забуду никогда; на подиуме стоял молодой человек из СА, которого я не знал. Он бросал свои снаряды в наступающую красную толпу. Внезапно пивная бутылка, брошенная издали, ударила его по голове. Широкая струя крови потекла по его лицу. Он с криком рухнул. Но через несколько секунд снова поднялся, схватил со стола бутылку с водой и швырнул ее в холл, где она разбилась о голову его противника» (12).

В результате скандала, закончившегося с прибытием полиции, тысячи берлинцев, которые никогда не слыхали о партии Гитлера и ее целях, теперь узнали о ее существовании. На следующее утро об инциденте и о нацистах кричали все крупные заголовки во всех берлинских газетах. И хотя отзывы оказались враждебными – дело было сделано. За несколько последующих дней 2600 человек подали заявления о приеме в нацистскую партию, а еще 500 человек изъявили желание вступить в штурмовые отряды.

В борьбе за красный Берлин Геббельс выдвинул эффектный девиз «Адольф Гитлер пожрет Карла Маркса», под которым вывел своих людей на улицы. В конце 1920-х годов берлинские улицы принадлежали коммунистам. Нацисты со своими лозунгами и знаменами осмеливались появляться только на грузовиках, с которых штурмовики хором выкрикивали лозунги. Со временем, в результате десятков уличных боев и множества убитых, улица очутилась под контролем нацистов, и непосредственная заслуга в этом принадлежала главному вдохновителю коричневого наступления – «маленькому доктору» (как называли Геббельса соратники).

Иногда столичный гауляйтер даже проявлял своеобразное чувство юмора. Так, чтобы сорвать премьеру знаменитого антивоенного фильма «На Западном фронте без перемен» (по роману Э.М. Ремарка), подручные Геббельса неожиданно запустили в зрительный зал белых мышей и ужей. Элегантная публика, собравшаяся на премьеру, оказалась шокирована и напугана. А на улице тем временем проходила многотысячная демонстрация нацистов, протестующих против показа фильма. В конце концов, власти фильм запретили.

А если было необходимо для дела, Геббельс спокойно и нагло врал. Так в июне 1932 года он публично утверждал: «Мы не получаем никаких средств ни от банков, ни от фондовых бирж, ни от олигархов. Как партия рабочих мы вынуждены финансировать сами себя» (13). Однако, как один из ведущих политических руководителей партии, Геббельс понимал, что каждое слово этой тирады – ложь. Люди осведомленные знали, что через молодого человека по имени Отто Дитрих (он стал впоследствии пресс-секретарем Гитлера), у которого имелись семейные связи в Руре, Гитлер познакомился с миллионером Эмилем Кирдорфом. Кирдорф вместе с крупнейшим магнатом Фрицем Тиссенем стал оказывать нацистам весьма солидную финансовую поддержку, что серьезно подтолкнуло развитие партии.

Затраты нацистской партии на последнем этапе перед ее приходом к власти (на пропаганду, на СА, на выборные кампании, аппарат, предвыборную борьбу, авиарейсы и т. д.) составили около 300 миллионов марок. Впрочем, некоторые исследователи оценивают расходы в более скромную сумму – от 70 до 90 миллионов марок (14). Но и это немалая цифра.

Одним из решающих моментов в борьбе Гитлера за власть стал его доклад в «святая святых» промышленных кругов – Дюссельдорфском индустриальном клубе в «Парк-отель». Позже Тиссен подтвердил: «Я действительно связал Гитлера со всеми рейнско-вестфальскими промышленниками» (15). «7 января 1932 года Гитлер произнес речь, длившуюся почти два с половиной часа в «Индустриклубе» в Дюссельдорфе. Речь произвела глубокое впечатление на собравшихся промышленников, и в результате в кассу национал-социалистической партии хлынули крупные вливания из промышленных концернов» (16). Два основных тезиса его речи состояли в том, что:

1. Установление сильной власти в Германии обеспечит небывалый расцвет германской экономики и откроет путь к мировому доминированию немецкого капитала. «Государство силы создаст предпосылки для дальнейшего расцвета экономики».

2. Установление сильной власти обезопасит немецких промышленников от коммунистической угрозы.

Страх перед красными действовал безотказно. В 1932 году под антикоммунистическими лозунгами нацисты умудрились развернуть борьбу даже против правительства антикоммуниста фон Папена. Центральный орган НСДАП «Фёлькишер беобахтер» после выборов 1932 года выпускал статьи под заголовками типа «"Заслуга" Папена: увеличивается число парламентариев-коммунистов» или «Пестование Папеном коммунистов вселяет тревогу всему миру» (17).

Тем более удивительно знать, что единственное обращение нацистов к народу по радио (до их прихода к власти) было резко антикапиталистическим. Произнес ее заместитель Гитлера по партийным вопросам Грегор Штрассер, с которым Гитлер имел серьезнейшие идеологические разногласия. Но обычный немец, слушавший эту речь, знал лишь то, что Штрассер являлся вторым человеком в партии. И, в общем-то, слова Штрассера до сих пор звучат по-социалистически актуально: «Народ протестует против экономической системы, которая мыслит лишь в категориях денежных купюр, прибылей, дивидендов и которая забыла думать о работе, о созидании. Народ добивается от государства, чтобы оно снова обеспечило людям честную оплату за честный труд» (18). Как знакомы нам, сегодняшним, эти старые песни о главном.

На волне обнищания населения и мирового кризиса в результате очередных парламентских выборов 1932 года нацисты стали, наконец, самой большой политической силой в рейхстаге. В день открытия вновь избранного парламента 230 национал-социалистических депутатов – все в сапогах и форменных коричневых рубашках – вошли в полукруглый зал парламента, где шло заседание, которое открыла пожилая Клара Цеткин (старейший депутат рейхстага, коммунистка) и через несколько минут Герман Геринг, получив перевес в 63 голоса, совершенно легально был избран председателем рейхстага.

Незадолго до парламентских выборов прошли и выборы президента, на которых уже во второй раз победил Гинденбург, причем во втором туре ему противостоял сам Гитлер. Не помогло фюреру даже то, что после первого тура голосования в его поддержку выступили в специальном обращении около 50 известных лиц – представители знати, генералы и профессора. Однако широкое признание позволило ему начать политический торг с властями и попытаться занять пост канцлера.

Гитлера представили Гинденбургу. Тот не произвел на рейхспрезидента никакого впечатления. «Этого человека назначить канцлером? Я сделаю его почтмейстером – пусть лижет марки с моим изображением», – холодно заметил старый вояка (19). Единственное, чего удалось добиться Гитлеру, – это отмены запрета на деятельность штурмовых отрядов, введенного властями после очередного уличного побоища.

После отмены запрета на СА сразу возобновились столкновения на улицах, то есть продолжилась эскалация того хаоса, к которому так стремились нацисты. За пять недель до 20 июля (выборов в рейхстаг) только в Пруссии произошло почти 500 столкновений, в которых 99

человек были убиты и 1125 ранены (20). А 17 июля в гамбургском районе Альтона в ответ на провокационное шествие 7000 национал-социалистов по улицам рабочего района коммунисты открыли по ним огонь с крыш и из окон домов. За этим последовало сражение возле тут же сооруженных баррикад. 17 человек убиты, многие тяжело ранены. Из 68 человек, погибших в июле, 30 были сторонниками коммунистов и 38 – национал-социалистов (21).

Политический кризис и хаос нарастал, и в ноябре 1932 года влиятельные промышленные круги Германии отправили несколько писем Гинденбургу с требованием назначить Гитлера канцлером, прекратить, таким образом, уличные беспорядки и ликвидировать коммунистическую угрозу. Рейхспрезидент уступил нараставшему давлению и санкционировал создание коалиционного правительства – с Гитлером во главе, но вице-канцлером при нем оставил своего ставленника, правого политика фон Папена. Да, Гитлер пришел к власти через законную процедуру, но нельзя говорить о том, что он являлся демократически избранным лидером, о чем сегодня рассуждают многие историки, – Адольф Гитлер канцлером был назначен.

Вечером 30 января 1933 года Гитлер отправился в рейхсканцелярию, чтобы принять парад – факельное шествие, в котором участвовали войска СА, СС и вермахта. Геббельс подготовил настоящий шедевр, и это масштабное проявление энтузиазма показало, что в искусстве пропаганды для него не осталось секретов. Пропагандистская машина нацистов совершила одно из первых своих «чудес». Волю Гинденбурга и стоявшую за ней волю хозяев Германии она изобразила как волю всех немцев. «Этот маленький доктор, – сказал Гитлер стоявшему рядом своему другу Генриху Гофману, – настоящий волшебник. Как только ему удалось за какие-то несколько часов из воздуха сотворить тысячи факелов?» (22) Но такова была необходимость – пышность инаугурации всегда подчеркивает значимость события, что само по себе имеет важную пропагандистскую нагрузку.

Официальная версия гласила, что «Гитлер спас Германию от большевизма». Фактически же Гинденбург лично подвел законные основания под гитлеровский террор и диктатуру. Причины приходы фашистов к власти не в их силе, а в слабости демократии, причем эта слабость заключена в интеллектуальной и духовной слабости «демократической» элиты. Между двумя мировыми войнами система парламентаризма потерпела крах в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Венгрии, Румынии, Австрии, Италии, Греции, Турции, Испании, Португалии и, наконец, в Германии. К 1939 году осталось всего девять государств с парламентской формой правления. Потому дело не в прирожденной злобе какой-то нации. Широкое настроение усталости, презрения и разочарования предвещало расставание с веком либерализма.

Люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на собственном опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого.

4. Работа по формированию системы. Поджог Рейхстага

Уже через несколько часов после назначения Гитлера канцлером два немецких диктора, обращаясь к 20-миллионной германской радиоаудитории, описывали факельное шествие в Берлине, которое организовал Геббельс. Задыхаясь от восторга, подобно спортивным комментаторам, они сообщали: «Крики «Ура!» раздаются снова и снова. Адольф Гитлер стоит у окна. Его оторвали от работы. Лицо Гитлера серьезно, но в его выражении не читается самодовольства победителя.

И все же его глаза сияют при виде пробуждающейся Германии, при виде этого моря людей из всех слоев общества. Хотелось бы, чтобы наши слушатели хоть немного почувствовали атмосферу этого грандиозного зрелища» (1).

Энтузиазм, сопровождавший приход Гитлера к власти, и сегодня вызывает тревогу и недоумение у любого мыслящего человека. Ибо его триумф перечеркивает все попытки выдать захват власти нацистами за несчастный случай в истории, комедию, интриги или мрачный заговор. Победа сил, декларировавших себя как «патриотические», давала народу надежду на выход из затяжного кризиса; люди радовались и наступившей определенности, и тому, что страна избежала гражданской войны. Гитлер, в свою очередь, не замедлил принять величественную позу миротворца и объединителя нации.

По его личному указанию известному своими выходками штурмовику Майковскому, который, возвращаясь с исторического факельного шествия 30 января, был убит неизвестными, возданы посмертные почести вместе с погибшим в ту же ночь сотрудником полиции Цаурицем. Их похороны стали первым государственным актом Третьего рейха. Гробы с телами погибшего полицейского, который был католиком и левым, и штурм-фюрера, нарушителя закона и безбожника, были установлены в Лютеровском соборе (несмотря на протесты церковников), и бывший кронпринц (сын последнего кайзера) возложил к их гробам венки (2).

Далее события развивались с головокружительной скоростью. Три записи в дневнике Геббельса в течение февраля 1933 года последовательно передают этапы перехода власти к нацистам: от обретения рычагов управления до уничтожения оппозиции. Всего один месяц!

«Теперь легко вести борьбу, поскольку все средства государства в нашем распоряжении. Радио и пресса подчиняются нам» (03.02.1933). Органы коммунистической и социал-демократической печати, «которые доставляли нам столько неприятностей, одним ударом сметены с берлинских улиц. Это успокаивает и проливает бальзам на душу» (15.02.1933). И, наконец, – «Рейхстаг горит!.. Теперь надо действовать. Геринг немедленно запрещает всю коммунистическую и социал-демократическую прессу. Коммунистические функционеры будут ночью арестованы» (27.02.1933).

В последнем случае речь идет о знаменитом поджоге здания рейхстага, который нацисты использовали для расправы со своими политическими противниками. Гитлер лично следил за тем, чтобы пропагандистская кампания в прессе носила с самого начала четко выраженный антикоммунистический характер: «В полночь я проводил Гитлера в редакцию «Фёлькишер беобахтер», – писал в своих мемуарах Генрих Гофман. – В кабинетах было пусто. Единственный автор передовиц, оказавшийся на месте, сидел в корректорской. Когда Гитлер вошел, он на скорую руку набрасывал статью о пожаре, чтобы поместить ее на странице местных новостей. Гитлер рассвирепел: «Такое событие должно идти на первой полосе! – крикнул он. – Неужели ваше журналистское чутье вам этого не подсказало?» Гитлер швырнул шинель и фуражку на стул, быстро подошел к письменному столу и набросал передовицу под самым что ни на есть провокационным заголовком: «Коммунисты поджигают Рейхстаг» (3).

Современные историки считают поджог Рейхстага инспирированным самими нацистами, дабы получить повод развязать в стране массовый террор. Так это или нет, но в любом случае

инцидент был использован новой властью на все сто. Доктрина превращения страха в оружие власти принадлежит якобинцам и подробно изложена в сочинениях Марата. Для создания массового страха государство должно пойти на разрушение собственного образа как гаранта права. И тот же Марат сформулировал другой важнейший тезис: для завоевания или удержания власти путем устрашения общества (что и есть смысл слова «террор») необходимо создать обстановку массовой истерии. Если лишить массу ее лидера, она становится легкоуправляемой, и потому обезглавливание оппозиции, как правило, парализует сопротивление. Во времена Великой Французской революции понятие «обезглавливание» имело самый прямой смысл. Но и нацисты недалеко ушли вперед.

После налета на штаб-квартиру коммунистов в «Доме Либкнехта» в Берлине Геринг в качестве министра внутренних дел Пруссии издал сенсационное коммюнике о «множестве обнаруженных там разоблачающих материалов, касающихся планов по организации мировой революции». Связь врагов внутренних с врагами внешними всегда является неубиенным козырем во внешнеполитической игре. Средства массовой информации, направляемые Геббельсом, немедленно подхватили горящую тему. Они быстро довели население Германии до массового психоза – никогда до того коммунистическая угроза не ощущалась немцами столь остро. Жильцы домов даже организовывали дежурства в страхе перед предстоящими грабежами, а крестьяне выставляли охрану у колодцев и родников, боясь, что их отравят! (4). Хотя истинная опасность для общества таилась, конечно же, в другом – в расправе с действующей оппозицией. После поджога Рейхстага в феврале 1933 года было арестовано почти 4000 функционеров Компартии и запрещены все ее печатные издания.

Уже 28 февраля 1933 года, вместе с постановлением по поводу поджога здания Рейхстага (чрезвычайный декрет «О защите народа и государства») рейхстаг принял постановление «Против измены немецкому народу и действий, представляющих собой государственную измену», ставшее важнейшей основой системы господства национал-социалистов и заменявшее правовое государство постоянным чрезвычайным положением. А параграф 3 данного закона определял как «преступление против страны» (не меньше трех месяцев тюрьмы) даже распространение новостей, уже известных за границей, поскольку они «могли бы нанести вред благополучию рейха». Это означало подавление внутри страны нежелательной информации, распространение которой невозможно было предотвратить вне Германии. Таким образом, путь к безграничному влиянию государственной пропаганды на умы оказался полностью открыт.

К марту нацистский переворот по терминологии немецких пропагандистов превратился в «национальную революцию». Английский репортер рассуждал о воздействии, оказываемом на общественное сознание подобными терминологическими подменами.

С точки зрения нормальной политической жизни, нацистский террор ужасал. Как пример можно привести т. н. «Кеппенингские убийства» – резню коммунистов в рабочем пригороде Берлина Кеппенинге. «Там заставляли коммунистов и членов «Рейхсбаннера» – социал-демократов – пить серную кислоту, одну из жертв поджарили на открытом огне, других зверски избивали плетью, а потом приставляли к стенке» (5). В Кеппенинге было убито 30 антифашистов. «Но стоит нам принять к сведению, что все происходившее в Германии в течение нескольких последних недель – не что иное, как национальная революция, как мы должны будем признать, что к этой ситуации не применимы нормальные стандарты политической и парламентской жизни», – следует глубокомысленный вывод английского журналиста (6).

Понятно, что коль речь шла о «Революции», действия, которые в обычное время считаются преступлением, теперь выглядели как неизбежные крайности в целом достаточно умело организованной и бескровной революции, поддержанной народом. Подмена понятий до сих пор является одним из любимейших приемов СМИ. Назвать группу террористов, захвативших театр с сотнями людей, «повстанцами» – и смысл сообщения изменен.

Кроме слова «Революция», излюбленным определением нацистов для своей политической силы было слово «Движение». Филолог Виктор Клемперер обратил внимание, что понятие «Движение» настолько составляет суть нацизма, что он сам называет себя «Движением», а город Мюнхен, где он зародился, именует «столицей Движения». «Буря» (Sturm) – это как бы его первое и последнее слово: начали с образования штурмовых отрядов SA (Sturmabteilungen), а заканчивают фольксштурмом (народным ополчением) – в буквальном смысле близким народу вариантом ландштурма времен войны с Наполеоном (1813). В войсках SS было свое кавалерийское подразделение Reiter-sturm, в сухопутных войсках свои штурмовые части и штурмовые орудия, антиеврейская газета называется «Штюрмер». «Ударные операции» – вот первые героические подвиги SA, а газета Геббельса называется «Атака» («Angriff»). Война должна быть молниеносной (Blitzkrieg)» (7). Рассуждения, может, и отвлеченные, но, наряду со словом «революция», свидетельствующие о внутреннем динамизме, идеологии перемен которую вполне осознанно лидеры национал-социализма пытались привить своим сторонникам. Во многом именно сущностным динамизмом, сумасшедшей скоростью свершений и объясняется тот удивительный факт, что всего за десять с лишним лет нацизм оставил столь глубокий след в истории.

В марте 1933 года по факту избрания нового состава рейхстага (после проведенных внеочередных выборов) был принят «Закон о ликвидации бедственного положения народа и государства», состоявший всего из нескольких пунктов. За правительством было закреплено право принимать законы без одобрения парламентом (ст. 1). Законы эти могут не соответствовать конституции (ст. 2). Канцлер может сам разрабатывать законы и вносить их на одобрение правительства, и они вступали в силу на следующий день после утверждения (ст. 3). Договоры с иностранными государствами не подлежат ратификации парламентом (ст. 4). Срок действия закона на четыре года – до 1 апреля 1937 года (ст. 5), а Закон о предательстве от 21.03.1933 следил за тем, чтобы даже устная критика нового режима подпадала под наказание (тюрьма, в тяжелых случаях – каторжная). Позже – концентрационный лагерь. Например, «главным» концлагерем в Мюнхене стал концлагерь в Дахау, который разместился в бывших корпусах фабрики по производству пороха. Дахау – первый гитлеровский, так сказать, «официальный» и показательный концлагерь.

Еще на первом заседании коалиционного правительства Гитлер сказал, что нельзя запретить коммунистическую партию, ибо она насчитывает 6 миллионов сторонников. Однако до 1934 года власти арестовали 60 000 коммунистов, из них за первые два года диктатуры было убито 2000 человек (8). Естественно, первейший удар был нанесен по тем, кто могли дать вооруженный отпор режиму – «Ротфронткемпфербунду» («Союзу борцов Красного фронта»), военизированным отрядам Коммунистической партии Германии в период Веймарской республики. Они участвовали в многочисленных уличных схватках с нацистскими штурмовиками из СА (некоторые отряды проходили подготовку под руководством советских инструкторов). Лозунгом союза был: «Бей фашистов, где бы ты ни встретил их!» Еще 1 февраля 1933 года (т. е. после прихода Гитлера к власти) гамбургское отделение союза даже выступило с призывом к вооруженным силам: «Недалек тот день, когда наша победоносная Красная армия, которой не требуется защита полиции, с оружием в руках уничтожит смертельных врагов рабочего класса ко всем чертям!» (9). Указом от 24 марта 1933 года Коммунистическая партия Германии и ее вооруженные формирования попали под запрет и вскоре прекратили свое существование. Репрессии продолжались и в последующие годы. К примеру, в 1936 году арестовали еще 11 687 коммунистов и 1374 социал-демократа, в 1937–8068 коммунистов и 733 социал-демократа. Многих из них гитлеровцы убили. За двенадцать лет диктатуры из 300 тысяч членов КПГ 130 тысяч подверглось преследованиям (10).

Вернемся, однако, к упомянутым двумя абзацами выше выборам в рейхстаг, которые состоялись 5 марта 1933 года и уже без участия коммунистов. Явка избирателей на них

достигла рекордных 89 %, однако, несмотря на запугивание и цензуру, менее половины избирателей проголосовали за нацистов (43,9 %). После выборов Геббельс самоуверенно записал в своем дневнике: «Первые результаты. Но что значат теперь цифры. Мы господа и в Рейхе и в Пруссии. Это тем более приятно, что у нас теперь есть возможность выступить против сепаратистского федерализма» (05.03.1933). Как видим, уже тогда «федерализм» в устах некоторых политиков являлся словом ругательным.

Однако Гитлер результатами выборов был удивлен и раздосадован, хотя заголовки газет 6 марта провозглашали: «Наша невероятная победа! Великий триумф! С Адольфом Гитлером в Третий рейх!» Считая националистов, согласившихся поддержать новоиспеченного канцлера, всего чуть более половины всех избирателей (51,8 %) проголосовали за нацистский режим. Стало понятно, что, используя демократические механизмы, долго удерживать власть коричневым не удастся. Начался энергичный прессинг на другие партии, с целью добиться их ликвидации.

22 июня 1933 года Гитлер заявил о роспуске Социал-демократической партии и ее юношеской организации «Соколы». После запрещения СДПГ полиция заняла помещения, принадлежавшие Немецкой национальной партии (ННП) – партнера НСДАП по правительственной коалиции. Все ее местные организации были закрыты, имущество конфисковано. Лидеры ННП поняли «намер»: 27 июня они заявили о самороспуске. На следующий день их примеру последовали руководители Немецкой государственной партии. В начале июля эпидемия «самороспусков» распространилась на все остальные буржуазные партии.

Параллельно с этим штурмовики грабили квартиры, разбойничали, в отдельных случаях отряды СА занимались дикой торговлей людьми, отпуская политических противников на свободу за высокий выкуп. А в покорной прессе этих насильников и убийц подобострастно именovali не иначе, как «коричневое воинство».

Однако если людоедский террор против коммунистов встречал одобрение среди представителей пресловутого среднего класса в Германии и за рубежом, то антисемитские выходки штурмовиков вызвали отвращение. Во всем мире буржуазные СМИ весьма снисходительно трактовали тему репрессий против левых, но участвовавшие нападения на евреев вызвали скандал на грани международных санкций. Показательна в этом отношении статья, занявшая целую полосу в номере «Дейли Экспресс» от 24 марта 1933 года, т. е. всего после семи недель пребывания Гитлера у власти, «Иудея объявляет войну Германии». Речь шла об объявлении полного бойкота Германии (11). Чтобы избежать подобного развития событий финансист Ялмар Шахт срочно встретился с влиятельными евреями в Нью-Йорке, а Геринг даже принес свои извинения ведущему объединению немецких евреев (12).

Для изучения общественного мнения в 1933 году были проведены социологические исследования, и вскоре стало очевидным, что большинство немцев осуждают незаконные нападения на евреев. Да и после поджога Рейхстага, в результате сопротивления со стороны Гинденбурга и рейхсминистра юстиции, Гитлеру пришлось позволить расследованию и судебной процедуре идти своим чередом, что закончилось, как мы помним из истории, оправданием обвиненного в организации поджога болгарского коммуниста Георга Димитрова.

И, тем не менее, решающий перелом произошел довольно быстро. «Патриотическая» интеллигенция, считавшая себя хранительницей национальных святынь, которые преступно попирались космополитическим обществом, воспряла духом и решительно стала на сторону нового режима. Через несколько недель после прихода нацистов к власти, в своей книге, названной «Курфюрстендам», глашатай этих кругов Фридрих Гусонг, не в силах сдерживать себя, воскликнул: «Случилось чудо. Их больше нет... Они претендовали, что являются германским духом, германской культурой, германским настоящим и германским будущим. Они представляли Германию перед всем миром, они говорили от ее имени. Все остальное было греховная, низкая, жалкая подделка, отвратительное мещанство. Они всегда сидели в первом

ряду. Они присуждали рыцарские титулы духа и европейства. Нерешенных проблем для них не существовало. Они «создавали» себя и других. Кто бы им ни служил, его успех был гарантирован. Он появлялся на их сценах, печатался в их журналах, будучи рекламирован по всему миру, его товар рекомендовался, независимо, был ли то сыр или относительность, патентованное лекарство или права человека, демократия или большевизм, пропаганда за аборт или против юридической системы, дурная негритянская музыка или танцы нагишом. Другими словами, никогда не существовала более наглая диктатура, чем диктатура демократической интеллигенции и Zivilisations-lileraten» (13).

Одновременно начался скачкообразный рост НСДАП. Еще в «Майн Кампф» Гитлер предупреждал: «Самой большой опасностью для Движения является чрезмерно быстрый, ненормальный рост числа членов организации. Пока данному движению приходится вести тяжелую борьбу, трусливые и эгоистические элементы старательно избегают его. Но когда победа движения стала фактом или когда близость победы становится уже вполне очевидной, в ряды его организации спешат все» (14).

Борясь с массовым наплывом желающих, заместитель фюрера Гесс 26 июня 1933 года издал постановление о двухгодичном испытательном сроке для новых партийцев, которые на это время получали только членскую карточку, а не партийный билет; они также не имели права носить коричневую рубашку (лишнее подтверждение значения внешней атрибутики в понимании нацистов)¹⁰. Партия действительно стала правящей.

---

¹⁰ По истечении этого срока в 1935 году мы обнаруживаем, что от общего числа партийцев – 20 % являлись чиновниками, 30 % – учителями, служащими – 12 % и 15 % – владельцами собственных предприятий. Всего в НСДАП состояло 7,3 % трудоспособного населения, объединенного строгой партийной дисциплиной.

5. Министерство пропаганды

Мы специально дали довольно подробную картину событий, предшествовавших рождению нацистской пропаганды как государственного феномена, дабы читатель понимал ситуацию, в которой приходилось работать национал-социалистическим пропагандистам, и какие вызовы времени перед ними стояли. Еще несколько отступлений такого рода нас ждет впереди, а сейчас, как говорится, детали.

Никогда в Германии не было крупного политика и государственного мужа, деятельность которого так сильно нуждалась в пропаганде как средстве поддержки, как это происходило при Гитлере в 1933–1945 годах. Современные ему режимы, в частности, советский и итальянский, уже имели мощный механизм государственной пропаганды. Причем, говоря об Италии, можно даже говорить о засилии в правительстве профессионалов от пропаганды. Многие фашистские «иерархи» Италии эпохи Муссолини пришли из мира журналистики, а потому считали своим долгом руководить всяческими новостями. В 1930 году половина министров и половина членов фашистского Большого Совета были журналистами. Двадцать других итальянских газетчиков стали ведущими дипломатами, а шестьдесят восемь оказались в парламенте (1). Так что это скорее корыстный интерес людей, которые ничем другим толком заниматься не могли, а не продуманная государственная политика.

Но вернемся в Германию. Начнем с того, что превосходным пропагандистом был сам вождь НСДАП Адольф Гитлер. Как уже сказано, еще в начале 1920-х годов он досконально понял значение пропаганды и описал его в книге «Майн Кампф»: «Пропаганда – это содержание и форма идеи, дошедшие до широкой массы, а ее правильность измеряется исключительно по ее реальному успеху» (2). Гитлеровские приемы пропаганды состояли в апеллировании к широким массам, в концентрации на немногих вопросах, в постоянных повторениях одного и того же, в настойчивости и терпении в ожидании результатов: «Успех всякой рекламы – и это одинаково относится к коммерческой, и политической рекламе – заложен только в настойчивом, равномерном и длительном ее применении» (3). А Геббельс добавил: «Надо вечно повторять одно и то же в вечно меняющихся условиях. Народ в основе очень консервативен. Его полностью нужно напитать нашим мировоззрением через постоянное повторение» (4). И он же: «Слишком умная пропаганда тоже не пропаганда».

Позже, на основании анализа наследия Гитлера, Геббельса и других ведущих пропагандистов Третьего рейха теоретик журналистики Э. Доффат сформулировал принципы нацистской пропаганды. «Принципов приводилось два – оба со ссылкой на «Майн Кампф» Гитлера. Они гласили:

1) гуманность и красота «не могут находить применения в качестве масштаба пропаганды» (слова в кавычках – цитата из «Майн Кампф»);

2) пропаганда «вечно должна адресоваться только массе», из чего следует, что «она не научное поучение».

«Из этого вытекают, констатировал позже диссертант доктора Доффата, основные законы публицистики:

I основной закон – закон умственного упрощения (простота подачи материала);

II основной закон – закон ограничения материала (его должно быть не много);

III основной закон – закон вдалбливающего повторения (вдалбливая, повторять);

IV основной закон – закон субъективности (представляется лишь одна точка зрения);

V основной закон – закон эмоционального нагнетания (драматизация события)».

При этом объективное выяснение истины квалифицировалось – опять-таки со ссылкой на Гитлера – как «доктринерское простодушие» (5).

И еще – мы сейчас не говорим о коммерческой рекламе, хотя многие приемы обработки массового сознания весьма похожи. Теоретики национал-социализма тоже довольно ясно различали эти понятия. Например, инструкция 1937 года для рекламной группы при Организации национальной экономики гласила: «Термин «пропаганда» применим лишь в политической деятельности. Пропаганда используется политиком, который хочет навязать кому-либо какую-либо идею или подготовить людей к изменению законодательства. Производитель или торговец, желающие продать свой товар, прибегают к рекламе» (6).

Чтобы быть убедительными, новые мировоззренческие установки должны выглядеть как естественная реакция на объективное положение вещей. Геббельс писал: «Лучшая пропаганда – та, которая действует незримо, проникая во все уголки общественной жизни и одновременно оставаясь для общества незаметной» (7), то есть якобы органичной – проистекающей из внутренних потребностей народа.

Интересное наблюдение сделал уже современный французский философ С. Московичи: «Восточный деспотизм отвечает экономической необходимости, ирригации и освоению новых мощностей. Западный же деспотизм отвечает, прежде всего, политической необходимости. Он предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа, пресса, радио и т. п.» (8). Когда в эпоху распада СССР некоторые советские товарищи по партии сосредоточились на расхищении социалистической собственности, их более умные зарубежные партнеры сконцентрировались на решении других задач. Может, и не громогласных, тихих, но значительно более эффективных в дальнейшем использовании – настойчивое проникновение в сферу образования, обработка представителей СМИ, планомерное сотрудничество с творческой интеллигенцией. Постепенно «внешнее подчинение масс уступает внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого нельзя защититься» (9).

В описываемое нами время в том же ключе рассуждал итальянский мыслитель Антонио Грамши. По его мнению, гегемония в обществе предполагает не просто согласие, но желательное (и активное) согласие, при котором граждане желают того же, что необходимо правящему классу. Элита использует «ненасильственное принуждение» (включая массовую или народную культуру) так, чтобы манипулировать подчиненными группами – вроде бы с их согласия, но лишь в интересах крошечной части общества. Позитивно оценивается то, что служит интересам господствующей элиты, и негативно то, что им угрожает. Соответственным образом формируются массовые стереотипы (10).

Современник Антонио Грамши Йозеф Геббельс в своей речи «О пропаганде», произнесенной им на партийном съезде 1934 года, подтвердил ту же самую мысль: «Пропаганда, в конечном итоге, это только средство. Ее цель – привести людей к пониманию, которое поможет им добровольно и без внутреннего сопротивления посвятить себя задачам и целям высшего руководства. Если пропаганда хочет добиться успеха, она должна знать, чего хочет. Она должна держать в уме ясную и твердую цель и искать подходящие средства и способы ее достижения» (11).

Если монарх или рядовой диктатор просто ограничивает свободу слова, то есть лишает оппонентов возможности вводить свою мысль в информационное пространство страны, а население страны – доступа ко всей полноте информации, на основе которой происходит процесс мышления, то нацистский режим активно заполнял информационное пространство ложью. Логическим мышлением современного человека является такое, которое позволяет получить правильный результат только при точных исходных данных. Но если мы вводим в исходные данные заведомо ложную информацию, мы лишаем отдельного человека (а в «идеале» и весь народ) возможности логически (правильно) мыслить.

С живыми существами поступают так, словно они не одушевленные предметы, но всего лишь объекты манипуляции. Когда данный процесс принимает массовый характер, его резуль-

татом становится неуклонное и не осознаваемое снижение статуса человека до уровня легко понукаемого быдла. Разумеется, сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она – манипулирует плебеями). Сначала таковой «элитой» себя искренне считает интеллигенция. Грамши указывал: «Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненным задачам социальной гегемонии и политического управления» (12). Но интеллигенты, как правило, не понимают, что данная система перемелет и их, этот порядок машинизирует, овеществляет любого человека.

Отстаивая свое индивидуальное мнение, мы принимаем на себя ответственность за его правильность. Поддаваясь общему мнению, мы снимаем с себя ответственность. Поэтому режиму необходимо обеспечить доминирование общего мнения. «Дурные мысли», которые могли закрасться в общественное сознание, подавлялись; обществу постоянно навязывались и внушались «правильные» идеи. Нацисты вполне обоснованно считали, что сломить сопротивление внешних противников – достаточно понятная и сравнительно простая задача по сравнению с той сложной игрой, которую приходилось постоянно вести, чтобы преодолеть сопротивление внутри страны. Здесь игра шла на их собственные головы: «Тиран может подобрать и помягчить – и ему будут благодарны. Но манипулятор этой возможности лишен – прозревающий человек приходит в ярость» (13). После краха нацистского режима у Гитлера и Геббельса не было иного пути, кроме самоубийства.

Для того чтобы пропаганда не превратилась в пустой звук и не теряла своего воздействия на население, руководители Германии чутко «держали руку на пульсе общества», а массовые пропагандистские кампании не только сопровождали решения правительства, а зачастую предваряли их. Для систематизации подобной работы 13 марта 1933 года в Третьем рейхе было учреждено легендарное Министерство просвещения и пропаганды (как оно сначала называлось). В ответ на возражения скептиков, недоумевавших по поводу такого вызывающе откровенного названия министерства, Геббельс заявил: «Вокруг пропаганды не должно быть ничего тайного. Мы признаем открыто, что хотим влиять на людей. А для этого самый верный способ – пропаганда» (14).

Внешне самый выдающийся пропагандист XX века был ниже среднего роста, с крупной головой, острыми чертами лица и большим ртом. «Он обладал едким остроумием и был наделен даром ядовитого сарказма, но, несмотря на это, мог быть совершенно очарователен в общении, если того требовала ситуация, – отмечал в своих мемуарах вице-канцлер Франц фон Папен (15). Уже упомянутый нами Ханфштангль, который хоть и являлся недругом «маленького доктора», также отдавал ему должное: «Геббельс был странным маленьким щуплым типом с косолапой походкой, но у него был прекрасно поставленный голос и огромные карие, как у оленя, умные глаза. Геббельс был дерзким, задушевым и бесконечно увертливым. Он давал Гитлеру всякую информацию, которую тот не мог почерпнуть из своих газет, рассказывал всякие непристойные истории как о врагах, так и о друзьях. Я единственный живой человек сегодня, который видел его без ботинка: его правая нога в носке выглядела как кулак, ужасающе» (16). Гейнц Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» оказался по-военному краток: «Доктор Геббельс был, вне всякого сомнения, одним из умнейших людей из личного окружения Гитлера» (17).

Геббельс один из немногих среди нацистской элиты имел ученую степень – доктора литературы Гейдельбергского университета, хотя в фильме «Семнадцать мгновений весны» голос Копеляна ошибочно наделил его всего лишь средним образованием. Все доклады для Геббельса печатали с тройным по размеру шрифтом: проблема очевидна – близорукость. Он вполне отвечал немецким представлениям о трудолюбивом и умелом работнике, был дисциплинирован и требовал того же от своих сотрудников. Как опытный режиссер общественных настроений он обожал доводить до совершенства детали. (И ведь действительно – дьявол таится в мелочах!) Одна из первых инструкций, изданных Геббельсом на посту министра про-

паганды, запрещала кому-либо пользоваться зелеными чернилами и зелеными карандашами – с первого взгляда на бумагу сотрудники видели, какую правку внес сам Геббельс (18). Резиденция министерства до 1941 года находилась в Мюнхене, а потом переместилась в Берлин, в специально отстроенное здание. Интересно, что всего в здании имелось пять подъездов, два из которых предназначались исключительно для министра, его заместителей и высокопоставленных посетителей.

Геббельс досконально изучил американский опыт воздействия на массовое сознание и использовал его для Германии. Но в чем же он состоял? В США через неделю после вступления в Первую мировую войну (14 апреля 1917 года) по распоряжению президента был основан Комитет общественной информации (СРІ). Председателем был известный журналист Джордж Криль. На пропагандистские расходы правительство выделили 7 миллионов долларов. Комитет издавал ежедневную газету «Юнайтед Стейтс официэл буллетин» тиражом 100 тысяч экземпляров, направлял материалы о войне в 16 тысяч газет и журналов, 9 тысяч библиотек, 17 тысяч отделений профсоюзов, 47 тысяч банков и других предприятий, учреждений, 56 тысяч почтовых отделений. К 1918 году комитет имел 110 тысяч так называемых «Четырехминутных ораторов» («краткость – сестра таланта» – К.К.). Пропаганда велась с экранов 17 тысяч кино-театров, сотен театров, эстрад (19). В 1918 году по стране пошли агитпоезда. Много внимания уделялось учету всех каналов, средств воздействия и типов аудитории. В Комитете работали специалисты, которые занимались агитацией и пропагандой среди женщин, молодежи, религиозных групп, фермеров, иммигрантов и т. п. Определяющей чертой в деятельности Комитета было комплексное воздействие на аудиторию с помощью средств печати, кино, иллюстрированных материалов, устной агитации и пропаганды. Значительные успехи пропаганды достигаются только за счет комплексного подхода. Последний момент особенно важен для понимания системы работы многому научившихся у американцев нацистских пропагандистов.

В 1933 году в Министерстве пропаганды собрались лучшие нацистские интеллектуалы (насколько, разумеется, могут быть связаны эти понятия). Его костяк составили бывшие сотрудники управления пропаганды НСДАП, где каждый десятый имел золотой партийный значок. Средний возраст сотрудников составлял 39 лет, большинство из них принадлежало к верхнему слою среднего класса, а половина имела университетские дипломы (20). Ведущим отделом министерства считался не имевший узкой специализации отдел пропаганды. На него возлагалась задача по распространению идеологии НСДАП, партийных документов, правительственной политики, расовых доктрин и т. д. Именно здесь планировались разнообразные государственные агитационные кампании, проводившиеся с большой помпой.

От Министерства внутренних дел Министерству пропаганды достался надзор за печатью и радиовещанием, право утверждать и регламентировать национальные праздники, а также литературная, драматургическая и кинематографическая цензура. От Министерства экономики – особая экономическая деятельность, наподобие организации Лейпцигской и Кенигсбергской ярмарок. Главное почтовое ведомство передало ему сеть агентств, рекламировавших железнодорожные и воздушные линии, равно как и все прочее, связанное с рекламой иностранного туризма. Но самое важное заключалось в том, что, в конце концов, Министерство иностранных дел передало ему право освещать за рубежом события в Германии любыми средствами, какие он сочтет приемлемыми.

Однако Гитлер, верный своему принципу «разделяй и властвуй», несмотря на то, что в 1933 году поручил всю политику в области прессы Министерству пропаганды, диверсифицировал источники поступления информации и дополнительно создал должности «начальника имперской прессы» (Макс Аманн, председатель имперской палаты печати) и «заведующего отделом печати НСДАП» (Отто Дитрих). Дитрих так определял свою деятельность: «Моя работа заключалась в основном в соблюдении гласности и информировании Гитлера по вопросам прессы. Поскольку отделение прессы МИДа имело дело с иностранными корреспон-

дентами и поскольку ОКВ во время войны также взяло на себя многие функции чиновников прессы, диспуты по вопросам юрисдикции не прекращались никогда» (21).

Более того, Гитлер пытался еще и самолично следить за состоянием дел в прессе. Его рабочий день начинался с доклада Ламмерса, главы канцелярии, и Функа, который в то время был правой рукой Геббельса в Министерстве пропаганды. Функ считался в свое время очень хорошим финансовым журналистом и весьма влиятельной фигурой, поскольку знал многих промышленников, но его слабостью была выпивка¹¹. «Функ часто появлялся с чудовищного похмелья. Мы всегда знали, когда он находится в плохой форме, потому что на вопрос Гитлера о последних событиях его стандартным ответом было: «Мой фюрер, этот вопрос еще не созрел для обсуждения». Это означало, что у него еще слишком двоится в глазах, и он не может читать конфиденциальные сводки новостей» (22).

Итак, Геббельсу, несмотря на свое огромное влияние, в рамках выстроенной Гитлером системы приходилось конкурировать и с шефом прессы Отто Дитрихом, и с имперским руководителем прессы Максом Аманном, и с министром иностранных дел Иоахимом фон Риббентропом, которые тоже пытались давать указания прессе. Важнейшими сотрудниками Геббельса на тот момент числились Леопольд Гуттерер и его адъютант Гуго Фишер, отвечавшие за нацистскую пропагандистскую машину, первый адъютант Геббельса Карл Ханке и Ганс Хинкель, которого Геббельс поставил управлять кино и театром. Еще Геббельс открыл Эжена Адамовски, второго после Геббельса яркого теоретика пропаганды. Ему «маленький доктор» доверил радиовещание, и тот работал превосходно.

К середине 1933 года в министерстве насчитывалось триста сотрудников и пятьсот человек вспомогательного персонала. А уже в 1934 году численность аппарата министерства составила 14000 человек. Статс-секретарями, т. е. заместителями министра (по штатному расписанию – трое) являлись Герман Эсер – руководитель департамента туризма; по делам прессы – с 1937 года вышеупомянутый Вальтер Функ, а после него – Отто Дитрих. Заместителем министра по надзору за работой департаментов с 1937 по 1940 год был Карл Ханке, затем – Леопольд Гуттерер, с 1944-го – Вернер Науман.

На 1940 год в министерстве имелось 15 департаментов: бюджетный, кадров, юридический, пропаганды, немецкой прессы, иностранной прессы, иностранный, туризма, радио, кино, литературы, театральный, изобразительного искусства, музыки, отдел особых задач в искусстве (в частности, изгнания евреев из области культуры). Постепенно, по ходу нашего повествования мы подробно остановимся на деятельности большинства из них. Также в министерстве имелись специальные службы, которые готовили материалы для различных пропагандистских кампаний, а также сводки по экстренным и политически острым вопросам. Эти материалы по специальным указаниям руководства направлялись на радио и в прессу.

Геббельс утверждал: «Государство, принявшее авторитарный режим управления, не должно позволять себе отклонений от избранного пути, если оно уверено в его правильности. Если в демократическом государстве национальный политический курс во многом определяется общественным мнением, то в авторитарном государстве именно оно само определяет свою политику и само же руководит общественным мнением, направляя его согласно своим целям» (23). В развитие данного тезиса, ежедневно в Министерстве пропаганды высшие чиновники, нередко сам Геббельс, проводили закрытые пресс-конференции, явка на которые представителей центральных органов немецкой пропаганды была обязательной. Собиралось около 200 человек. На пресс-конференциях сообщалось о внутренних важнейших и международных событиях и их оценке нацистским руководством, давались указания о необходимых комментариях, а также определялись основные тактические и стратегические задачи пропагандистских кампаний.

¹¹ Кстати, его дядя, Альфред Райзенауэр, любимый ученик Ференца Листа, был пианистом с мировым именем.

Геббельс ввел в современную пропаганду один из ее ключевых принципов: человек, сказавший миру первое слово, всегда прав. Срабатывает один из эффектов восприятия – при поступлении противоречивой информации, проверить которую невозможно, люди часто склонны отдавать предпочтение той, что поступила первой.

Изменить уже сформировавшееся мнение очень трудно. И современные опыты по психологии подтвердили, что наибольшее воздействие на испытуемых оказала информация, поступившая первой¹². За кулисами Нюрнбергского процесса к тому времени подсудимый Ганс Фриче откровенничал: «Можно пропагандировать как угодно. Можно даже лгать при помощи правды, просто вырывая отдельные факты из цепочки взаимосвязей – вот тебе и кривда». (24)

Ну, и конечно, соловья баснями не кормят. Чтобы «соловей» пел и заливался, начиная с 1935 года Министерство пропаганды на плановые расходы истратило 67 миллионов марок, плюс 65 миллионов внеплановых расходов, 35 миллионов на заграничную пропаганду, 45 миллионов для Германского агентства новостей, 40 миллионов для Трансокеанского агентства новостей («Транс-оушн»), 40 миллионов на театр и кино, а кроме того, в распоряжении Геббельса находился ежегодный тайный фонд в 45 миллионов марок (25).

Как следствие всех этих без преувеличения титанических усилий, в 1930-х годах в Германии стало практически невозможно читать книгу или газету, слушать радиопередачу или смотреть фильм, не вступая в контакт с нацистской картиной мира. Подобно гражданам любых других обществ современного типа, жители рейха верили фактам, приводимым экспертами, документальным фильмам, научно-популярным статьям, учебникам, выставкам. А говорить о том, что Геббельс превратил политические митинги в пышные зрелищные мероприятия, карнавалы с музыкой, флагами и парадами, даже и не приходится – почти ежедневные красочные зрелища стали визитной карточкой нацистского режима. Успешное функционирование подобной системы позволило «маленькому доктору» не без удовольствия записать в своем дневнике: «Мы сохраняем народ в едином мировоззрении. Для этого служат кино, радио и печать, которые фюрер характеризовал как самые значительные средства для воспитания народа. От них государство никогда не должно отказываться» (20.06.1941) (26).

Сегодня нас тревожит не только легкость, с которой солдаты вермахта расправлялись с населением на оккупированных территориях, но и популярность государственной системы, сумевшей мобилизовать представителей самых разных слоев общества на службу чудовищному беззаконию. Этот механизм убеждения имеет мало общего с тупым вдалбливанием. Они воевали на совесть, поскольку разделяли действовавший консенсус, укорененный в этнической гордости, идеале самопожертвования и презрении к своим жертвам. От понимания насколько данная система сохранила свою функциональность и привлекательность в глазах масс, зависит и наше собственное будущее.

В пропаганде нацистского режима впервые проявилось то, что ныне составляет самую неприятную черту современного массового общества. Конформизм и бесцветность, к которым рано или поздно приводит демократическая уравниловка, очень похожи на уравниловку тоталитарной системы. Демократия основывается на популярности, для достижения которой используются самые примитивные трафареты, и сама популярность подвержена манипулированию. А значит, формированию заинтересованными особами.

Геббельс в свое время пророчески заметил: «Кто после этой войны будет владеть средствами духовного руководства, тот будет определять будущее». И это действительно так.

---

¹² Поэтому результаты выборов весны 1933 года национал-социалисты, несмотря на свое разочарование, выдали за грандиозный успех – вот мандат доверия благодарного народа.

Часть II

Ein Volk, ein Reich, ein Führer

6. Понятие Родины

История, как-то заметил Поль Валери, представляет собой самый опасный продукт, изготовленный химией человеческого мозга, она заставляет народы мечтать или страдать, делает их больными манией величия, тщеславными, невыносимыми, порождает у них чувство горечи (1).

Но происходят эти процессы не сами по себе, их активизирует элита. Исходя из интересов сегодняшнего дня, власть имущие в прошлом ищут и всегда находят аргументы, подтверждающие предлагаемую массам точку зрения. На этом приеме чаще всего основывается столкновение народов в межнациональных конфликтах. А. Тойнби подчеркивал: «Воспоминания о счастье, оставшемся в прошлом, переходят в мечту о его возвращении. А народ, охваченный подобной мечтой, с воодушевлением пойдет за пророком, который пообещает воплотить мечту в явь» (2).

Сила Гитлера заключалась в том, что он искренне разделял со столь многими германцами привязанность к национальным образам, новым и старым – тенистые леса, жизнерадостные села под сенью древних замков, летящие валькирии и прочие видения народного сознания, которые уже столетие насаждались националистической пропагандой. Вероятно, можно утверждать, что культурные ценности Гитлера стали источником его обаяния для немецкой нации.

Основной чертой довоенного полуфеодального германского режима принцев, генералов, землевладельцев, профессоров права, которые придавали ему академическую законность, и лютеранских пасторов, которые создавали ему моральный авторитет, являлся антилиберализм. Эта управляющая каста ненавидела Запад как за его либеральные идеи, так и за его грубый материализм и бездуховность, которые (по их мнению) воплощали эти идеи. Они желали сохранить Германию в «чистоте» от либерального влияния, и это был один из мотивов возобновления средневековых планов нашествия и заселения Востока с целью создания континентальной Германской империи, что позволило бы Германии стать независимой от англосаксонской мировой системы. «Восточники» проводили фундаментальный водораздел между «цивилизацией», которую они считали космополитической, аморальной, антигерманской, материалистической и расово нечистой, и «культурой», которая по своей сути чистая, национальная, духовная и истинно германская (3).

После Первой мировой войны данный вопрос с новой силой поставил историк культуры Артур Мёллер ван дер Брук в его изданной в 1923 году книге «Третий рейх», о которой мы уже вспоминали. Немцы, утверждал он, были ведущими создателями Европы. Их Первый рейх – средневековая империя, сформировала Европу. Именно германские племена основали объединившую основное пространство Европы империю Карла Великого, на фундаменте которой позже сложилась Священная Римская империя германской нации, и начали геополитический натиск на Восток.

Вторым их творением была империя Бисмарка, однако она испытала влияние либерализма и не выдержала испытания серьезной войной. Теперь же, если верить Бруку, немцы имели новую возможность: посредством очищения общества от либерализма и капитализма, они могли бы построить третье, окончательное государство, которое воплотило в себе все германские ценности и существовало бы тысячу лет...

Еще в августе 1841 года на маленьком острове Гельголанд Хоффман фон Фаллерслебен сочинил строчки, которые легли в основу немецкого национального гимна: «От Мааса до Мемеля, / От Ача и до Белта / Германия превыше всего». Маас находится в Голландии, а Мемель – в Литве, Ач в итальянском Южном Тироле. И только Белт в настоящее время является германской территорией и расположен в земле Шлезвиг-Гольштейн. Готовность к восприятию себя как части громадного немецкоязычного мира создала психологическую основу, благодаря которой национал-социалистическое руководство могло требовать от нации жертвенности и активного содействия власти в достижении национального единения. На вопрос «Что есть первая заповедь национал-социалиста?» правоверному нацисту полагалось отвечать: «Люби Германию превыше всего и своего единоплеменника как самого себя!»

И, конечно же, истерический «патриотизм» неотделим от нарочитой «духовности». Геббельс торжественно уверял на могиле Хорста Веселя, будто сей герой умирал «за Гете, за Шиллера, за Канта, за Баха, за Кёльнский собор». И заявлял далее, что «мы вынуждены драться за Гете пивными кружками и ножками стульев, но когда придет час победы, мы снова раскроем объятия и прижмем к сердцу духовные ценности» (4). Он же в другом своем выступлении рисует просто-таки идиллическую жизнь немецкого народа: «Мы были безобидным народом, который занимался своими делами, давая миру наших поэтов, музыкантов и философов, и не понимали, что существуют другие нации, которые только и ждут подходящего случая, чтобы нас раздавить» (5). Боже мой, я только вчера слышал подобную сентенцию по украинскому телевидению! Хорошее мнение людей о себе и, соответственно, поддержание ими своего реноме служит надежным средством для скрытого управления ими.

Немецкая пропаганда старалась подчеркнуть, что их стомиллионный народ всегда нес культуру другим странам и способствовал их процветанию, однако ныне немецкое меньшинство в этих государствах подвергается преследованию. Порой данный тезис перерастал в открытую брань. Во время чехословацкого политического кризиса Геринг прилюдно возмущался: «Мелкий сегмент Европы будоражит человечество. Эта ничтожная раса пигмеев (чехи. – К.К.) без какой бы то ни было культуры – никто не знает, откуда они взялись – угнетает культурный народ» (6). И действительно, а откуда они взялись?

Молодые государства, родившиеся в результате Версальского мира, искали пути национальной самоидентификации, подвергая национальные меньшинства, в частности немецкое, ополячиванию, очехиванию и т. п. Естественно, этнические немцы в новых странах сопротивлялись ассимиляции, стараясь максимально сохранить свои этнические корни. Немецкий культуролог Ранхард Виттрам из Риги писал в 1936 году: «Говорить на родном языке все чище, искать подлинное и природное в немецком во внешнем и внутреннем убранстве жилища, в нравах и обычаях и любом искусстве, становится неодолимой потребностью» (7).

Национал-социалистический Третий рейх по мере обретения им сил притягивал себе немцев, разбросанных по всему миру. Германская пресса охотно подыгрывала этим настроениям. Регулярно публикуя положительные отклики зарубежной диаспоры на строительство национал-социалистического государства, нацистские СМИ охотно доносили до отечественного читателя и слушателя восторженные статьи и стихи, сочиненные их соотечественниками за рубежом: «Когда мы, немцы, распеваем свои песни под широким небосводом, / Наш призыв звучит и под звездным небом чужих земель. / Слава тебе, Гитлер, – спаситель Германии, немецкая путеводная звезда, / Веди нас сквозь бури, пока снова не возродится наша Империя!» (8).

Интересы Германии простирались всюду, где жили этнические немцы. В ноябре 1933 года французская газета «Пти паризьен» опубликовала документы, тайно вывезенные из Германии коммунистами. Среди опубликованных материалов имелась программа развертывания усиленной немецкой пропаганды в странах американского континента. Намечалось открытие якобы нейтрального телеграфного агентства для распространения пронемецких новостей, антифашистски настроенным журналистам планировалось подсовывать лживые сообщения.

Немецкие агенты, имея в своем распоряжении ряд подготовленных статей, должны добиваться их публикации в газетах всей Южной Америки. И только словами дело не ограничивалось.

В апреле 1938 года Гитлер обратился ко всем немцам, проживавшим вне пределов Германии, с призывом принять участие в голосовании во время выборов в рейхстаг, для чего немецкие корабли были посланы к берегам многих южноамериканских республик. Суда становились на якорь за пределами трехмильной полосы территориальных вод, и принимали на борт этнических немцев, которые участвовали, таким образом, в голосовании на корабле. Более того, пропагандистские акции Третьего рейха распространились даже на необитаемые континенты.

Первые нацистские экспедиции в Антарктиду начались с 1938 года, когда к берегам Ледяного континента подошло судно «Швабенланд». На нем плыли на Южный полюс ученые, которым под руководством капитана Альфреда Ритшера предстояло исследовать новый материк. Вернувшись на родину 12 апреля 1939 года, Ритшер доложил: «Я выполнил миссию, возложенную на меня маршалом Герингом. Впервые германские самолеты пролетели над антарктическим континентом. Каждые 25 километров наши самолеты сбрасывали вымпелы. Мы покрыли зону приблизительно в 600 тысяч квадратных километров» (9).

Впрочем, случалось, гордость за родину принимала и менее поэтичные формы торговли продуктовыми товарами: так набор деликатесов «Пруссия» в магазинах «Кемпински» стоил 50 марок, а набор деликатесов «Фатерлянд» – 75. Любовь к Отечеству для особо ярых патриотов всегда имеет свою цену.

В 1941 году Гитлер изрек: «Тот, кто не интересуется историей, тот подобен человеку, не имеющему ушей или глаз». Интуитивно люди чувствуют, что их связь с историей – огромная и жизненно важная ценность, хотя редко могут это обосновать логически. И здесь начинается поле для иррациональных построений, например, что живые имеют несравненно больше обязательств по отношению к своим умершим предкам и будущим поколениям, чем по отношению к «расово чуждым» друзьям и соседям. Вот, может, один из самых важных секретов нацистской пропаганды. Апелляция к народным ценностям оказалась куда более эффективной, чем прямая идеологическая обработка в нацистском духе.

Возвращение к национальным традициям имело еще один неожиданный аспект. Издавна Германия славилась своими народными целителями, ратававшими за жизнь на природе, естественные продукты и полный отход от городских привычек, что было созвучно положениям нацистского мировоззрения, в свете которого история предопределялась течением естественных биологических и расовых законов. Немецкий антисемитизм в значительной степени явился проявлением движения «назад в деревню», прочь от городского космополитизма. Под влиянием моды на все «арийское» и «нордическое» даже движение за солнечные ванны в Германии приобрело антисемитский привкус. Еще во времена Веймарской республики, в 1920-е годы, существовало как бы два вида нудизма: некий «еврейский» нудизм (олицетворяемый черной танцовщицей Жозефиной Бейкер), который был торгашеский, космополитичный, эротичный и аморальный; и нудизм истинно германский – нордический, бесполой, чистый и добродетельный. Так что поосторожней со всей этой гомеопатией и минеральными водами, а то – мало ли что.

Опираясь на стереотипную идеализацию жизни вне городов, нацистский режим провозглашал амбициозную аграрную программу, суть которой сводилась к тому, что крестьянство – это соль земли и главная опора Третьего рейха. Руководить ее осуществлением Гитлер поставил Вальтера Дарре (известного в ту пору автора книги «Крестьянство как источник жизни нордической расы»). Кроме того, вся молодежь Третьего рейха получала широкий пласт историко-культурных и этнографических знаний, связанных с сельской обрядовостью, приметами и поверьями, образом жизни предков. Существовали также специальные фольк-школы, которые во время обучения акцентировали внимание учащихся на жизнь среди природы. Для проведения народных празднеств в горах Гарц и в других подходящих местах под открытым небом

сооружались многочисленные «Горные театры», оформленные как естественные, обустроенные самой природой сценические подмости.

При непосредственном участии СС возрождались языческие обряды и верования, связанные, например, с плодородием земли. Кроме того, Гиммлер финансировал исторические изыскания, вроде поиска останков древнего саксонского короля Генриха I (Птицелова), закончившиеся их пышным перезахоронением: «Участники церемонии спустились в склеп, где перед открытым гробом стояли в карауле офицеры СС, и остановились на почтительном расстоянии. Один только Гиммлер проследовал к гробу царственного защитника своей расы. Командир СС, который контролировал раскопки, доложил: «Я представляю вам лежащие в этом гробу останки Генриха Птицелова». Генрих Гиммлер обследовал кости и объявил их подлинными. Затем гроб закрыли, запечатали и торжественно похоронили в склепе» (10).

Фанатичная любовь рейхсфюрера к историческим и национальным раритетам порою приводила к казусам. Так, он послал в дар своему итальянскому коллеге Артуру Боккини в подарок на день рождения кусочек коры дуба, посвященного богу Вотану, а в поздравительном письме пространно описал историческое, духовное и божественное значение сморщенного деревянного фрагмента. Привыкший к роскошествах итальянец был шокирован.

Сам же Генрих Гиммлер рассматривал себя как реинкарнацию средневекового немецкого императора Генриха Льва: «Гиммлер знает о его жизни чуть ли не больше, чем кто-либо другой, и считает предпринятую Генрихом колонизацию Востока одним из величайших достижений в германской истории» (11).

Может быть, вся эта проникновенная любовь к древней истории, народным традициям, сельской культуре и могла бы вызывать патриотическое умиление, если бы не предупреждение А.Тойнби о том, что «обращение к архаизму неизменно приводит к применению силы» (12). Идея Гиммлера была не банальная и весьма продуктивная – разжечь в молодежи архаичные взгляды на смерть, предложив, как способ ее преодоления, самим стать служителями смерти. Так удалось создать особый, небывалый тип нечеловечески храброй армии – СС.

Так что же послужило толчком процесса, в результате которого в общем-то невинные исторические ролевые игры обратились в неслыханный в новое время геноцид?

7. Доктрина чистоты крови

Ну, что ж, мы уже немного поговорили о создании расовой доктрины нацистов и определили, что над шлифовкой расистского учения работали многие лучшие умы эпохи. Но упомянутыми интеллектуалами далеко не исчерпывается список предтеч национал-социализма.

Вернемся в XIX век. После смерти Фихте в 1814 году его преемником в Берлинском университете стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. По Гегелю, государство есть все или почти все. Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни героям, которые его возглавляют. Он предвидел, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Напомним также о главном труде Жозефа Артюра де Гобино, которым стало четырехтомное, опубликованное в Париже в период с 1853 по 1855 год «Эссе о неравенстве человеческих рас». Гобино считал, что именно раса является ключом к пониманию истории и цивилизации. Подлинное сокровище белой расы составляют арийцы. Гобино признавал немцев, проживающих на западе Германии, лучшими представителями всех арийцев. По его мнению, где бы ни появлялись немцы – они везде содействовали прогрессу.

А другой француз – Жорж Ваше де Ляпуж (1854–1936) – внимательно присмотрелся к антропологическим особенностям людских черепов. По его исследованиям выходило, что человечество делится на длинноголовых (долихоцефалов) и короткоголовых (брахицефалов). Длинноголовые блондины в общественной жизни исполняют функции мозга и нервов, а короткоголовые и их метисы играют роль мышц и костей. Длинноголовые блондины не способны к обыденной систематической работе, поэтому везде и всегда стремятся сформировать правящий слой. Великая Французская революция, во главе которой стояли по преимуществу блондины, лишь узаконила антропологический факт: плоды инициативы длинноголовых блондинов достаются безынициативным короткоголовым брюнетам. По мнению Ляпужа, истинно трагическим результатом войн Наполеона стало снижение среднего роста мужского населения Франции на 10 сантиметров и его резкое потемнение (1).

Не стояла на месте и трепетная германская научная мысль. С 1874 года вплоть до своей кончины в 1896 году в Берлинском университете пользовался огромной популярностью профессор истории Генрих фон Трейчке. Трейчке превзошел Гегеля, провозгласив войну величайшим проявлением человеческой личности. «Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства – в его власти» (2).

Одновременно немецкий антрополог Отто Амон (1842–1916) по аналогии с кастами Индии развил теорию построения европейского социума. «В первый класс входят новаторы, изобретатели, пионеры, открывающие человечеству новые пути. Второй класс – умные искусные люди, которые не обладают творческим духом, но умеют схватывать, разрабатывать и улучшать чужие идеи. Первые два класса взаимно дополняют друг друга. В третий класс входят люди со средним уровнем интеллекта. Они поддаются обучению и, не имея своих идей, могут усваивать чужие. Они не могут развивать усвоенные идеи и потому противятся любым новшествами. Четвертый класс – неполноценные люди, не способные производить, открывать» (3)¹³. Соответственно, значение народов и их ценность для мировой культуры тем больше, чем больше в народе людей первого и второго класса. Отто Амон подчеркивал также, что среди правящих классов процент людей высокого роста со светлыми волосами и голубыми глазами существенно выше, чем среди представителей низших классов¹⁴.

---

¹³ Обратите внимание, что современная буржуазная образовательная система строится на тех же принципах.

¹⁴ Полагаю, что для Украины данная теория не подходит.

Ну, и еще упомянем нескольких интеллектуалов, без которых расовая теория не получила бы своей законченности и наукообразности. Во-первых, Людвиг Вольтман (1871–1907), автор труда «Политическая антропология» (1903). Основной тезис исследования состоит в том, что «арии – последние пришельцы и завоеватели, которые вследствие своей высшей физической силы и интеллекта покорили низший народ. Они повсюду образуют господствующую расу и придают большое значение избеганию неравных браков, почему и презируют ублюдков. Самая светлая раса в то же время и самая даровитая, и благородная» (4). Это уже прямые предпосылки к практике нацистского режима. Кроме того, в 1883 году немецкий ученый Карл Пенка выпустил книгу «Истоки арийцев». Он доказал, что их прародиной была Северо-Западная Европа. А первоначальным расовым типом – нордический. Независимо от Пенки, к тем же выводам пришел Людвиг Вильзер в своей книге «Происхождение немцев» (1885).

Под влиянием сих великих научных открытий Фридрих Ницше и воспел сверхчеловека, «великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед». В сочинении «Воля к власти» Ницше утверждал: «Набирает силу отважная раса будущих правителей». Первоочередной задачей станет подготовка к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут «правителями земли». Как видим, он только повторял то, что немецкие (и не только немецкие) мыслители подробно изучили и убедительно себе доказали. А у нас до сих пор на Ницше всех нацистских собак вешают. Но в реальности – существовала целая научная школа.

Ну и, наконец, предтеча мистического общества «Туле» (из недр которого, напомним, вышли Гесс, Эккарт, Розенберг и др.) Гвидо фон Лист. В 1908 году Гвидо фон Лист, опираясь на описание Гипербореи, приведенное у Геродота, предположил, что, возможно, земная ось когда-то изменила свой наклон. А до этого на Севере всегда было светло и тепло, там господствовал вечный день, наличествовала тропическая флора и фауна. Но после изменения наклона земной оси климат стал меняться. Теснимые ледниками арийцы стали перемещаться на юг, унося свои традиции. Сегодня сложно сказать точно, в какой степени, но известно, что на мистическую составляющую нацистского движения оказал определенное влияние и русский мистик Георгий Гурджиев, который познакомил геополитика Карла Хаусхофера и его ассистента Рудольфа Гесса с тибетскими оккультными тайными учениями. Еще в 1903 году Хаусхофер вместе с Гурджиевым посещал Тибет (5).

Едва не забыл Стюарта Чемберлена с его сентенцией об основном секрете истории, который состоит в том, что чистокровная раса становится священной. По меркам нашего времени, более чем спорный тезис, а вот 5 сентября 1925 года семидесятилетие незаурядного англичанина было отмечено многословным панегириком в «Фёлькишер беобахтер», где «Основы XIX века» Чемберлена приравнивались к «Евангелию нацистского движения».

Итак, идея селекции людей по расовым, антропологическим и прочим признакам не нова. Более того, свое реальное применение теория получила отнюдь не в нацистской Германии – о чем почему-то не любят вспоминать современные демократии. Первый институт расовой биологии появился в Швеции в 1922 году. Главная цель – лишить неполноценных людей возможности иметь детей. Шведы приняли закон о стерилизации умственно отсталых и психически больных людей. Разрешалось стерилизовать также и тех, кто ведет асоциальный образ жизни. Нечто подобное происходило и в других скандинавских странах – Дании и Норвегии. В Швейцарии, Бельгии, Австрии, Японии, Соединенных Штатах врачи стерилизовали умственно отсталых женщин и неполноценных детей. И только в 1933 году в рейхе был принят особый «Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства» (6).

Мы упомянули США и, справедливости ради, особо отметим, что мода на расовую чистоту затронула не только европейский континент. В США (или САСШ, как они тогда назывались) в 1915 году странствующий проповедник из Джорджии Вильям Симмонс основал общество «Ку-клукс-клан» как организацию для контроля над национальными меньшин-

ствами, которые он отождествлял с моральным и политическим неподчинением. Его цели получили мощную поддержку в опубликованной в следующем году книге «Исчезновение великой расы», в которой некий Мэдисон Грант представил европейскую теорию «расы господ» в американском контексте. Этот псевдонаучный бестселлер утверждал, что Америка при помощи своей неограниченной иммиграции уже почти «успела ликвидировать привилегию рождения; т. е. интеллектуальные и моральные преимущества, которые человек хорошего происхождения приносит с собой в мир» (7).

Хайрам Уэсли Эванс, зубной врач из Далласа и один из самых деятельных вождей «Ку-клукс-клана», использовал этот страх «вырождения», чтобы трансформировать его в движение англосаксонской культуры расового превосходства. В какой-то момент движение насчитывало до 4 миллионов членов на Востоке и Среднем Востоке Америки. Эванс заявлял, что Клан говорит от имени «огромной массы американцев со старой пионерской закваской... принадлежащих к так называемой нордической расе, которая при всех своих недостатках дала миру почти всю современную цивилизацию» (8).

Американские интеллектуалы также не оставались в стороне и активно поддерживали расистские изыскания. В 1921 году известный американский писатель Скотт Фитцджеральд писал: «Негроидный элемент ползет на север и загрязняет нордическую расу. У итальянцев уже души чернокожих. Опустите шлагбаум иммиграции и пускайте только скандинавов, тевтонцев, англосаксов и кельтов» (9). Не нацистские теоретики были первооткрывателями расовых доктрин!

Разве что Розенберг обогатил учение тем, что причислил подавляющее большинство великих людей к «чистым арийцам» (Гомер и Эсхил, Платон и Кант, Микеланджело и Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Кранах и Гольбейн, Вермер и Гёте, Бетховен, Бах, Диккенс и Вагнер (сверххариец)). Из ученых – Коперник и Ньютон. Да еще нацистский идеолог расологии Вальтер Дарре (между прочим, среди нацистских бонз по тиражам работы Дарре уступали только «Майн Кампф» Гитлера и «Мифу XX века» Розенберга) определил, что связывающим звеном между обезьяной и древними ариями были недочеловеки. Иными словами, представители низших рас.

Развивая данный тезис, Гиммлер в брошюре «СС как антибольшевистская боевая организация» писал: «Многие считают, что этот большевизм, эта борьба недочеловеков, организованная и возглавленная евреями, является чем-то новым в мировой истории. В этом отношении мы считаем необходимым констатировать, что война между людьми и недочеловеками велась на протяжении всех лет существования человека на земле» (10).

Не смог руководитель СС, сам сын учителя, удержаться и от компетентного вмешательства в школьную программу. В 1934 году Генрих Гиммлер собственноручно написал брошюру для школьников «Расовая политика». В ней рейхсфюрер указывал, что нордическая душа реализуется «лишь посредством вечной целеустремленности, любознательности и дисциплины, поэтому никогда не знает покоя и непонятна миру, потому что ищет бесконечное и недостижимое». «Родина нордической расы находится в Северной, Западной и Центральной Европе времен ледникового периода. Нордические признаки сформировались в процессе отбора в условиях нордического климата. Холодный влажный климат и недостаток солнечного тепла выковали человека нордического типа. Он изобрел плуг, заимствованный затем другими народами, возделывал зерновые культуры и занимался животноводством» (11).

Однако вернемся к передовому шведскому опыту, т. е. программе стерилизации. После своего прихода к власти нацисты начали собственную программу стерилизации с так называемых «гибридов» – немецких детей, родившихся в Рейнской области от цветных солдат французской оккупационной армии после 1918 года. У 385 обследованных там детей обнаружили «примесь негроидной расы». Детей стерилизовали – в больницах, принадлежащих протестантской церкви!

В 1934 году начало реализации этой программы поддержала научная интеллигенция. Например, директор Мюнхенского антропологического института Т. Моллинсон, приветствуя акцию по стерилизации, заявил: «Лживый тезис о равной ценности людей, в котором нас столетиями убеждали и в который на самом деле никто не верил, создавал, тем не менее, предпосылку для того, чтобы мы поддерживали неполноценных, а ценных тащили назад» (12).

Ради улучшения качества чистокровной арийской породы еще в 1931 году Гиммлер отдал приказ эсэсовцам сочетаться браком исключительно с расово полноценными девушками. После прихода национал-социалистов к власти научная дифференциация представительниц прекрасной половины человечества по расовым признакам превратилась в государственную политику. Согласно идеям уже упомянутого нами Вальтера Дарре, в первый класс, группу расовой элиты, могли попасть не более 10 % девушек каждого года рождения. Вторую группу можно охарактеризовать как самую многочисленную – девушки с «хорошими» показателями. Барышни, попавшие в третью и четвертую расовые группы, являлись расово нежелательными – государство должно делать все возможное, чтобы у них не было детей. Девушки из третьей группы проходили стерилизацию, а несчастливцам из четвертой группы принципиально не выдавалось разрешение на замужество (существовало и такое). Юной немецкой девице полагался родословный паспорт, подтверждавший ее арийское происхождение, который высокопарно именовали «шкатулочкой сокровищ предков».

В «шкатулочку» вносились данные о матерях, отцах, дедушках и бабушках с указанием их «расы». Все вышеперечисленные меры должны были способствовать интенсивному размножению исключительно белобрых особей, к вящей радости главного радателя за чистоту крови – Генриха Гиммлера.

Правда, безраздельная любовь к нордическому типу не раз подводила sentimentalного рейхсфюрера СС. Однажды во время посещения морского порта Гиммлер увидел мощного блондина докера нордической внешности, подошел к нему и сказал: «Вы должны вступить в мои ваффен-СС. Немедленно приступайте к службе. Я лично присваиваю вам чин унтершарфюрера в гвардии Адольфа Гитлера». Кого же пригласил Гиммлер? Человека, уличенного в сутенерстве, не раз попадавшего в тюрьму! Рейхсфюрер, узнав это, был потрясен; он никогда бы не заподозрил такого при виде блондина. Однако печальный опыт не пошел впрок, и если приходилось выбирать, кого из узников освободить, Гиммлер неизменно отдавал предпочтение голубоглазым блондинам (13).

Реализация расовой политики стала одной из самых главных задач государственной пропаганды, и в конце весны 1934 года заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс дал почетное поручение расоведу Вальтеру Гроссу создать Национал-социалистическое бюро расовой политики. Еще раньше, в 1933 году, Гросс приступил к выпуску популярного иллюстрированного издания «Новый народ», брошко оформленного на манер американских журналов «Лайф» и «Лук» или немецких популярных женских журналов. Занимательные, не обремененные академическими терминами статьи по расовым вопросам приходились по вкусу читателям. Тираж журнала в 1933 году составлял 70 000, а к 1939-му он превысил 300 000 экземпляров (14). С 1935 года Бюро расовой политики приступило к выпуску образовательных фильмов, слайдов и крупноформатных плакатов, доступно разъяснявших принципы евгеники. На местах бюро функционировало через районные и окружные отделения; на национальном уровне оно подготавливало дипломированных расовых пропагандистов и преподавателей медицинских заведений.

Целенаправленная пропагандистская работа государства начиналась прямо со школьных учебных заведений. Ученикам предлагалось подсчитать, во что обходятся налогоплательщикам «здоровые» и «нездоровые» дети. Таким образом, внушалась мысль, что затраты на здравоохранение должны быть «оправданными» и в первую очередь направляться для поддержания здоровья «более ценных» представителей этноса.

Собственно, финансовая сторона вопроса ставилась во главу угла и самыми серьезными организациями. В частности, в одном из эсэсовских бухгалтерских отчетов констатируется: «До 1 сентября 1941 года было дезинфицировано 70 273 лица. При средней дневной норме на содержание больного в немецких марках 3.50 следует, что годовая экономия в немецких марках составила 88 543 980,00. Учитывая, что данное число больных могло бы прожить 10 лет, сэкономлено в немецких марках 885 439 800,00» (15). Всего же за время существования Третьего рейха стерилизации подверглось примерно 400 000 человек.

Также из экономических соображений «по медицинским показателям» некоторые категории немецких граждан попросту уничтожались.

31 января 1941 года Геббельс меланхолично записывает в своем дневнике: «Обсуждал проблему тихой ликвидации душевнобольных. 80 000 уже убраны, надо убрать еще 60 000. Трудная, но необходимая работа» (16).

И хотя в данном случае пропагандистская шумиха не допускалась, все же прослеживается логическая связь акции по массовой эвтаназии с законами «О здоровье вступающих в брак», которые закрепляли необходимость стерилизации и прерывания беременности в случаях наследственной болезни. В соответствии с указом фюрера об эвтаназии только в оккупированной Польше были уничтожены 250 тысяч больных и инвалидов. После умерщвления трупы поляков предоставлялись немецким ученым для работы, и убитые поляки послужили материалом для отличного немецкого учебника анатомии, выпущенного уже после войны (17).

Говоря о расовой политике нацистов, нельзя не вспомнить о государственном антисемитизме, чему будет посвящена отдельная глава. Сейчас же вкратце напомним, что в 1933 году евреев отстранили от службы в государственных учреждениях, от работы в печати и на радио, им не разрешали заниматься сельским хозяйством, преподаванием, работать в области театра и кино; в 1934 году евреев изгнали с фондовой биржи. Что касается запрета на медицинскую и юридическую практику, а также занятие торговлей, то в законодательном порядке он был наложен в 1938 году. Запреты систематизировались в так называемых «Нюрнбергских законах». Почти повсеместно в нацистской Германии над дверями магазинов и булочных висели надписи «Евреям вход воспрещен», аптеки не отпускали им лекарств, гостиницы не предоставляли ночлега. А поскольку национал-социалистические теории одновременно превозносили немцев как соль земли и высшую расу, то большая часть, как сказали бы сегодня, «титულიной нации» относилась к Нюрнбергским законам весьма лояльно. Дело доходило до проявлений своеобразного народного «юмора»: на крутом повороте дороги близ Людвигсхафена стоял указатель: «Осторожно – крутой поворот! Евреям – ехать со скоростью не менее 120 километров в час!» (18)

Парадоксальным было отношение нацистских идеологов к проблеме детей, родившихся от смешанных браков арийцев с евреями, так называемых «мишлинге» (метисов). Геббельс раздраженно отметил в своих записях: «Какой-то перемудрец докопался, что Иоганн Штраус на одну восьмую еврей. Я запретил это разглашать. Во-первых, это не доказано, во-вторых, я не позволю снять все сливки с немецкой культуры. В конце концов, из нашей истории останутся Видукинд, Генрих Лев и Розенберг» (19).

Нюрнбергские расовые законы различали «мишлинге» первой степени (один из родителей – еврей) и второй степени (бабушка или дедушка еврей). Несмотря на юридическую «подпорченность» людей с еврейскими генами и, невзирая на трескучую пропаганду, десятки тысяч «мишлинге» достаточно спокойно жили при нацистах. Они обычным порядком призывались в вермахт, и сотни «мишлинге» были награждены за храбрость Железными крестами. Двадцать солдат и офицеров еврейского происхождения были удостоены высшей военной награды Третьего рейха – Рыцарского креста (20). Чудны дела твои, Господи!

Сразу после начала войны последовал ряд акций, которые давали понять народу, что эта война имела для фюрера больше, чем милитаристский смысл, речь шла о всеобъемлющей

«народной» войне. Начались массовые расстрелы без суда и следствия криминальных и асоциальных «элементов, наносящих вред народу», полная ликвидация «неизлечимых душевнобольных», депортация «расово чуждых» поляков и евреев, расселение фольксдойчей. А идеологической основой «народной» войны на Востоке стал емкий лозунг: «Большевизм ведет к смешению рас, мы же боремся за чистоту крови».

В 1942 году Главное управление СС изготовило иллюстрированную брошюру под названием «Недочеловек»: «Недочеловек – это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее, это ужасное существо является человеком лишь частично. Человек думал и изобретал, для него все время существовала лишь одна цель: проложить свой путь к высшим формам существования, придать очертания бесконечному, заменить недостижимое стремлением к постоянному совершенствованию. Так он стал близким для Бога!.. Однако кроме человека жил еще и недочеловек. Он ненавидел все то, что являлось результатом творения других. Недочеловек возненавидел творения, созданные человеком. И этот подмир недочеловеков нашел своего лидера – вечного жида! Так, уже на протяжении тысячелетий по неумолимым и страшным законам происходит борьба между двумя противоположными полюсами. Снова и снова находится новый Аттила, новый Чингисхан, вламывающийся через ворота Европы и знающий лишь одно: абсолютное уничтожение всего красивого!..» (21).

Брошюру иллюстрировали призванные внушить читателю чувство отвращения портретные фотографии польских и советских граждан: «И вот они снова здесь – гунны, карикатуры на человеческие лица, воплотившиеся в действительность кошмары, пощечина всему доброму». Лицам славян, евреев и жителей Средней Азии, искаженным с помощью фототехники, эсэсовские пропагандисты противопоставили сияющие образы закаленных представителей германской расы. Книжица завершается фотографией мертвого ребенка и следующим текстом: «Недочеловек поднялся, чтобы завоевать весь мир. Горе вам, люди, если вы не сплотитесь воедино. Защищайся, Европа!»

До сих пор защищаются.

8. Образ вождя

Аристотель говорил: «Сильнейшее средство убеждения заключается в личном благородстве оратора. Обаяние личности не есть, конечно, ни доказательство, ни убеждение; это, в сущности, обольщение, подкуп слушателей». Мысль философа, безусловно, верна в том смысле, что неприятный человек не может рассчитывать на доверие. В этом смысле значительная часть жизни Гитлера была посвящена преодолению предубежденного отношения к себе – выходцу из низов, с неказистой внешностью и радикальными взглядами. Гитлер есть наглядный пример тесной связи между художественным и артистическим дарованиями. Его художественные инстинкты привели к новому пониманию того, что преподнесение театрализованного образа харизматического вождя является столь же важным фактором, как и содержание его политической доктрины. Ведь выбор избирателя, как правило, относится именно к образу, а не к человеку, поскольку у 99 % избирателей не было и не будет контакта с кандидатом.

В формировании своего запоминающегося имиджа (образа) он преуспел, и это помогло ему не раз с успехом участвовать в демократических выборах. Для придания себе некой мистической ауры он для начала фальсифицирует подлинный номер своего партбилета, вместо реального № 555 – № 7. Сама по себе семерка – число магическое, сулящее удачу, а за порядком выдачи относящее владельца такого партбилета к узкому кругу основателей партии.

Основой лидерства в партии еще в июле 1921 года нацисты провозгласили «принцип вождя» (фюрера), который вначале был узаконен в НСДАП, а затем и в Третьем рейхе. Ошибка считать, будто фюрером называли исключительно Гитлера: в каждой конторе, воинском подразделении и даже на заводе обитали свои официальные фюреры (вожди) калибром поменьше. Что касательно закрепления слова «вождь», так сказать, с «большой буквы» – «Вождь» – за одним Гитлером, то на сей счет существуют различные мнения. Одни полагают, что это Герман Эсер, который с 1923 по 1925 год являлся пропагандистским лидером НСДАП, впервые публично назвал Гитлера «фюрером». Другие относят данную метаморфозу ко времени выхода Гитлера из тюрьмы. «До путча никому и в голову не приходило звать его иначе, чем герр Гитлер. Когда они оба вышли из Ландсберга, Гесс начал обращаться к нему как «Дер Шеф», а потом ввел это словечко, «фюрер», в подражание «дуче», как звали Муссолини. Приветствие «Хайль Гитлер» также начало входить в обиход в это время. Ничего особо зловещего в этом начинании не было.

Это была старая австрийская традиция, когда говорили «Хайль то-то». Вообще, мы говорили «Хайль Геринг» или «Хайль Гесс» еще до путча, без какого-то мрачного подтекста. Это был просто способ сказать «добрый день». Члены партии стали употреблять «Хайль Гитлер» в виде своего рода пароля» (1).

Гитлер тщательно соблюдал необходимые для формирования имиджа требования: присутствие черт победителя («герой»), черты «отца», открытость (доступность), умение общаться с публикой (в том числе и через СМИ), окружение (свита), разносторонность. Перед студентами и интеллектуалами он предстал как художник и архитектор, оторванный от учебы в 1914 году необходимостью служить нации; перед людьми особо сентиментальными – как человек, обожающий детей; перед рабочими – как человек труда и т. д.

Перед ветеранами Гитлер выступал в образе солдата Первой мировой войны. Возможно, именно эта роль была для него самой близкой, он действительно живо ощущал свое военное прошлое. Очевидец свидетельствовал: «Гитлер при помощи карты стал отыскивать те места, где когда-то были расположены позиции полка «Лист». В районе Шмен-де-Лан он приказал остановиться. Вся компания вышла из автомобилей. Гитлер быстро пошел по полю к полуразвалившимся окопам. Он показывал на ямы, наполненные мусором и ржавой проволокой, с

какой-то радостью свидания и с гордостью вспоминал о том, как он двигался здесь в качестве связиста» (2).

Ну, а далее в основе официальной мифологии числились годы его «героической борьбы» за возрождение Отчизны, вплоть до прямых аналогий с известным персонажем: «Он назвал павших у Фельдхернхалле «мои апостолы» – их шестнадцать, конечно, у него не могло не быть на четыре апостола больше, чем у его предшественника. А на торжественных похоронах говорилось: "Вы воскресли в Третьем рейхе"» (3).

В качестве отца Движения Гитлер старался не забывать, что руководитель обязан быть благожелательным и справедливым по отношению к своим соратникам и подчиненным. «В декабре 1936 года молодая красивая девушка принесла письмо лично Гитлеру. Ее супруг, австриец, многое сделал для Движения и был вынужден спастись от ареста. Она просила Гитлера устроить своего жениха на работу, т. к. она зарабатывала мало, а им хотелось пожениться. Шауб (адъютант Гитлера. – К.К.) должен был без их ведома снять для очень неимущей пары двухкомнатную квартиру, полностью обставил ее мебелью, доставил белье, гардины, ковры и т. д. Затем в квартиру привезли рождественскую елку, были зажжены свечи, и Шауб привез пару на машине к новой квартире. Понятно, что оба были вне себя от радости. Ну, и работа для молодого человека, конечно, нашлась» (4). Ясное дело, при помощи инспирированных слухов подобные человеческие жесты руководителя рейха становились достоянием широкой общественности.

Его адъютант Шауб вел списки дней рождения, а также подарочные ведомости. В партийных и правительственных кругах было хорошо известно, что Гитлер всегда дарит своим партийным соратникам портрет одного и того же формата в серебряной рамочке. Прочие подарки Гитлера: картины, изделия из фарфора, серебряные доски с надписями, дамские сумочки, пледы, театральные бинокли, кофейные и чайные сервизы, золотые часы, кожаные чемоданы, автопокрышки – подбирались им лично, исходя из нужд и потребностей одариваемого им человека.

Но не только портретами и прочей бижутерией ограничивались блага от вождя, часто речь шла об очень серьезных материальных поощрениях и субсидиях из партийного фонда. Система дотаций широко распространилась в Третьем рейхе. К своему пятидесятилетию министр экономики Функ получил дотацию из «фонда Гитлера» 520 000 марок, а начальник имперской канцелярии Ламмерс и Риббентроп также получили по полмиллиона марок.

Но горе тому, кто доводил «отца нации» до гнева. Ужас наводила на некоторых иностранных переговорщиков часто истерическая реакция Гитлера, когда с ним не соглашались, однако она легко объяснялась чисто актерскими приемами. Альберт Шпеер указывал: «Вообще же самообладание было одним из самых примечательных свойств Гитлера». А Уинстон Черчилль в начале тридцатых годов в своей книге «Великие современники» писал: «Те, кто встречался с Гитлером публично, касалось ли это каких-либо дел или социальных вопросов, находили его компетентным, спокойным, хорошо информированным, и на большинство из них он производил хорошее впечатление своими приятными манерами, обезоруживающей улыбкой и личным магнетизмом».

Современные исследования показали, что обаятельной личности присущи следующие характеристики: неординарная внешность; эмоциональная заразительность; остроумие; внимательное и доброжелательное отношение к партнерам по общению; коммуникабельность; психологическая защищенность. Все вышеперечисленные качества у Гитлера присутствовали, и возможно даже в избытке.

Перед войной фюрер еще мог быть веселым и остроумным, и знал ценность этих качеств. «Часто остроумное слово совершало чудеса, – полагал он, – так было не только во время мировой войны, но и перед захватом власти». Гитлер даже знал наизусть большую часть ужасной поэмы, которую написал в его честь какой-то поклонник. Этот восторженный графоман

«нашел в словаре рифм все немецкие слова, оканчивающиеся на «-итлер», число которых довольно велико, и с их помощью произвел на свет бесконечную серию дурных куплетов. Когда Гитлер находился в хорошем настроении, он повторял эти стихи с собственными вариациями и доводил нас до слез от смеха». Ну что ж, и людоеды могут быть обаятельны. Блестящим достижением его репертуара, по свидетельству современников, стало пародирование обычно очень торопливо говорившего руководителя имперской печати Аманна, который многократно повторялся в каждом предложении на баварский манер. «Надо было буквально видеть, как он пожимал плечами с «пустым рукавом» (Аманн был однорукий. – К.К.) и крайне живо жестикулировал правой рукой: Он также охотно подражал странностям иностранных политиков. Так, он в совершенстве имитировал резкий смех короля Италии Виктора Эммануила и с большим умением показывал, как король, который был с короткими ногами и длинной верхней частью туловища, вставал и, тем не менее, не становился выше ростом» (5).

В присутствии дам кокетничал: «Многие говорят, что я должен сбрить усы. Но это невозможно. Представь мое лицо без усов!» При этом он прикрывал ладонью усы. «У меня же слишком большой нос. Его должны уменьшить усы!» (6).

Однако с мужчинами, разговаривая на данную щекотливую тему, он обходился без сентиментальности: «Не беспокойтесь, – сказал он, – я задаю моду. В свое время люди будут с радостью копировать такие усы» (7). И действительно – со временем гитлеровские усики стали такой же отличительной чертой нацистов, как и коричневые рубашки. Также к особенностям гитлеровской физиономии можно отнести романтическую прядь волос на лбу, которою его «имиджмейкер» Гофман скопировал с прически Никисле, дирижера популярного оркестра (8). Ну, а в целом – ничего выдающегося.

Он не заблуждался по поводу своей внешности. Однако же приобретение лишних килограммов становилось для Гитлера событием политической важности. Они моментально давали о себе знать округлившимся животом и оплывшей талией так, что ему было трудно застегнуть куртку на среднюю пуговицу. Едва весы показывали избыточный вес, он мгновенно отказывался от всех сладостей и ел очень мало. Борьба с предрасположенностью к полноте вытекала из осознания возникающей антипатии у обывателя к упитанному оратору.

Он всегда одевался скромно и не стремился произвести впечатление исключительно своим внешним видом, также не признавал украшений. Даже свои золотые часы Гитлер носил в кармане пиджака. Они всегда спешили на несколько минут, чтобы их владелец точно приходил на собрания и совещания. «Я привержен традиционному стилю, всему тому, что просто и надежно в обращении. Показуха меня не прельщает. Иначе люди будут мучительно размышлять, как я могу летать по стране в такой роскоши», – разглагольствовал Гитлер (9). Тем не менее, для свиты была смоделирована роскошная форма. «Мое сопровождение должно великолепно выглядеть. Тем больше бросится в глаза моя простота».

Потребности нацистского вождя и впрямь представлялись весьма скромными. До 1929 года он занимал квартиру на Тирш-трассе, где проживала мелкая буржуазия. Зимой Гитлер носил старый плащ, летом его часто можно было встретить в кожаных шортах, которые так любят баварцы. Нарочитая скромность вождя даже пропагандировалась в устном «народном» творчестве. Так в «Песне штурмовиков» пелось: «Гитлер – вождь наш неподкупный, / Он равнодушен к деньгам, / Которые иудеи / Бросают к его ногам». Не знаем как насчет иудеев, а на публике, особенно в период борьбы за власть, вождь никогда не скупился на чаевые. К примеру, при оплате такси платил почти столько, сколько стоила сама поездка. Он давал чаевых в три или четыре раза больше, чем принято, и заявлял, что производит тем весьма положительный эффект, поскольку служба хвасталась деньгами на кухне, а иногда даже просила дать автограф.

Когда в январе 1933 года нацисты пришли к власти, Гитлер официально отказался от канцлерского жалования, заявив, что ни одно жалование в «Третьей империи» не превысит

тысячу марок. Он также демонстративно приказал закрыть в резиденции рейхсканцлера все помещения личного пользования, оставив себе лишь две небольшие комнатки, фотографии которых распространялись в Германии: на одной была изображена спальня фюрера – железная кровать, тощий гардероб, небольшой столик; на другой – кабинет: несколько обычных стульев, круглый столик, письменный стол, заваленный бумагами и книгами.

Гитлер чрезвычайно внимательно относился к тому, как он выглядит в глазах окружающих. Сама одежда Гитлера определялась исключительно целесообразностью. К обтягивающей одежде он испытывал отвращение, ибо свои речи он подкреплял оживленными движениями рук. Прежде, чем отважиться появиться на публике в новом костюме или головном уборе, он фотографировался в нем. Возможно, эта обдуманная черта подготовки к выступлениям послужила предпосылкой тех доверительных отношений, которые сложились у Гитлера с фотографом Гофманом, который, в конечном счете, стал кем-то вроде личного имиджмейкера: «Он всегда был очень осторожен в отношении любого нового костюма или новой шляпы, если собирался их надеть. Сначала он хотел убедиться, что костюм, шляпа или что-то там еще действительно ему идет, и для этого он всегда просил меня сфотографировать его в новой одежде. Только если получавшаяся фотография его полностью удовлетворяла, он позволял себе появиться в этой одежде на публике» (10).

Известные политики, показываемые в домашней обстановке, выглядят более очеловеченными. Приманкой здесь является обыкновенное обывательское любопытство к личной жизни знаменитостей. Когда Генрих Гофман заново переиздавал свою книгу: «Гитлер, каким его никто не знает», фюрер лично подбирал для издания новые фотографии, которые демонстрировали жизнерадостного, непринужденного человека. Его в коротких кожаных штанах можно было лицезреть то в лодке, то лежащим на лугу, то в окружении восторженной молодежи или в ателье художников. И всюду он был запечатлен раскованным, приветливым, доступным.

Однако строжайше запрещалось помещать фотографии Гитлера в очках, а впоследствии с палкой. Это могло «принизить» образ фюрера в сознании масс. «Я сфотографировал его с шотландским терьером Евы по кличке Бурли. «Не печатайте этот снимок, – сказал он. – Государственный деятель не может позволить себе фотографироваться с маленькой собачкой, какой бы она ни была забавной и милой». Видимо, из подобных соображений «после 1933 года он перестал носить свои любимые баварские шорты и даже просил меня больше никогда не печатать фотографий, на которых он в шортах, и изъять из продажи те, что еще остались» (11).

Осторожность Гитлера легко объяснима, поскольку реакция публики на непривычный имидж вождя может быть непредсказуемой. К примеру, население Берлина весьма терпимо относилось к тщеславным выходкам Геринга, но когда в берлинских кинотеатрах показали кинофильм про жизнь семьи Геббельса в собственном прекрасном доме на Шваненвердере, публика фильм освистала, и его немедленно изъяли из проката. Что позволено толстому жизнелюбцу, недопустимо для партийного аскета.

По глубокому убеждению Гитлера, он не имел права появиться на публике с подругой или обзавестись детьми, хотя известно, что с маленькими немцами его часто связывала сентиментальная дружба. Возможно, для диктатора это оставалось одной из немногих возможностей почувствовать себя обычным человеком. И – вот парадокс истории – дети тоже любили дядю Адольфа. Например, дети Винифрида Вагнера (дочери Рихарда Вагнера) были в восторге от Дяди Волка¹⁵. Когда он приезжал в гости, ребяташки возбужденно скакали вокруг «дяди» и ныли, пока он не соглашался рассказать им об одном из своих приключений. Потом они, окружив его, сидели и слушали, от страха покрываясь гусиной кожей, пока Гитлер описывал им опасности, которые он преодолевал в своих путешествиях. Он показывал им собачью плетку и

¹⁵ Таково было его прозвище в этом семейном кругу.

утверждал, что это его единственное оружие, с помощью которого он побеждал злых великанов, которые вставали у него на пути, и т. д. и т. п. (12).

Но это все лирика, а для реального появления на публике требовались несколько иные навыки. Гитлер никогда не ходил быстро. Его шаг был, по существу, всегда размеренным, почти церемониальным, когда он подходил для приветствия. Подобное поведение действовало на другого человека, привыкшего двигаться более свободно и естественно, отрезвляюще. Гитлер также настойчиво репетировал статические позиции, позы, манеру казаться изваянием: «Для меня было неожиданным, как он мог часами стоять с вытянутой рукой. Во время чаепития он говорил, что «ежедневные тренировки с эспандером позволили ему добиться такого успеха, но для этого требовалась непоколебимая воля»» (13).

В особенности Гитлер старался смотреть в глаза каждому марширующему, чтобы у того появлялось ощущение, что вождь смотрел именно на него. И тогда можно было часто слышать: «Фюрер видел меня, он определенно смотрел на меня». Встречи взглядами в течение нескольких секунд вполне достаточно для взаимопонимания. У людей до сих пор существует представление о том, что: а) волевой человек не боится смотреть в глаза людям и б) если человек задерживает свой взор на тех или иных людях, значит, они ему чем-то интересны. И это производит сильное впечатление. «Я находила глаза Гитлера выразительными. По большей части они смотрели любознательно и испытующе и заметно оживлялись во время разговора. Они могли смотреть добросердечно или выражать расслабление, но также равнодушие и презрение», – так, можно сказать с любовью, вспоминала о Гитлере его секретарь (14).

И еще одна сторона работы политика – непосредственное общение с элитой. И здесь фюрер старался максимально проявить свое обаяние и гостеприимство. Как у правителя Третьего рейха у Гитлера возникало особенно много обязательств в период январских празднеств, начиная с новогоднего приема у фюрера и вплоть до празднования Дня национал-социалистической революции (30 января). В определенный день собирали людей какой-нибудь профессии: дипломатов, промышленников, партийных активистов. В наиболее важных случаях зазывали от ста до двухсот человек. В первые годы после 1933 года адъютант приглашал также дам, но, как правило, лишь замужних, преимущественно с мужьями, чтобы избежать сплетен¹⁶.

Простые смертные, в свою очередь, могли запросто пообщаться с Гитлером, скажем, на популярном немецком курорте Хайлигендамм. Хотя Гитлер никогда не купался в море, но он каждый день в течение нескольких часов прогуливался по пляжу, беседуя с отдыхающими. Либо в Мюнхене, где фюрер, даже став главой государства, открыто посещал рестораны и кофейни как частное лицо, не опасаясь осады любопытными.

Все эти тщательно продуманные ходы – от создания имиджа вождя нации до великолепной организации публичных выступлений – привели к тому, что популярность Гитлера в Германии стала приобретать порою несколько сюрреалистический оттенок. Так, некая восторженная почитательница фюрера всерьез утверждала, что ее собака умеет произносить слова «Адольф Гитлер», поскольку даже ее маленький собачий рассудок признает величие фюрера (15)¹⁷.

Однако не только для эксцентричных особ, но и для вполне трезвомыслящего Шпеера «слова, что фюрер обо всем думает и всем управляет, не были пустой пропагандистской формулировкой» (16). Соответствовать данному представлению можно, лишь удерживая в памяти огромное количество текущих дел, запоминая имена множества людей, при этом не забывая и совершенствовать стратегические цели. Привлекательность Гитлера заключалась в его ора-

---

¹⁶ А смутные слухи о личной жизни фюрера все же циркулировали, в том числе о Еве Браун и ее семье, которая долго сопротивлялась внебрачной связи их дочери с самым могущественным человеком рейха.

¹⁷ К слову сказать, в 1933 году журнал «Белое знамя» писал: «Брат наш, национальный социалист, знаешь ли ты, что твой фюрер является самым большим противником любых измышлений над животными, прежде всего вивисекции, «научных пыток» животных – этого ужасающего извращения еврейско-материалистической медицины?»

торском даре, он знал это и использовал на все сто процентов. Несомненно, что с юности Гитлер оказался наделен необыкновенной памятью, но его секрет состоял в том, что он постоянно учился и совершенствовал свои знания.

У него выработалась привычка во время чаепития или непринужденных бесед у камина несколько раз говорить на тему, запомнившуюся ему при чтении, чтобы она тем самым прочнее сохранилась в его памяти. Конечно же, подобный ежедневный тренинг приносил свои плоды.

Обязательным правилом для публичного человека является знание того, что оптимальный для его выступления фон создается, когда большая часть, порядка 60 % получаемой информации, является эмоционально нейтральной, 35 % вызывает положительные эмоции и 5 % – отрицательные (17). Удел большинства слушателей – огромная неутоленная потребность в положительных эмоциях. Поэтому всякому, кто сумеет поднять настроение собеседника, тот платит своим расположением и благодарностью. А это, в свою очередь, помогает ломать сложившиеся стереотипы, даже если они отрицательные.

«По плакатам и карикатурам я знал Гитлера в форменной рубашке с портупеей, на рукаве – повязка со свастикой, прядь, свисающая на лоб. Однако здесь (выступление перед берлинскими студентами, начало 1930-х годов. – *К.К.*) он явился в ладно сидящем костюме и демонстрировал сугубо буржуазные манеры, отчего выглядел человеком разумным и сдержанным. Многочисленная профессура занимала самые удобные места в центре; именно их присутствие и придавало мероприятию необходимую солидность и достоинство. Даже бурные аплодисменты не сбили Гитлера с менторского тона. Выглядело это так, будто он открыто и без обиняков делится своими заботами о будущем. Его ирония смягчалась полным достоинства юмором, его южнонемецкий шарм пробудил во мне родственные чувства: порой он повышал голос и говорил проникновенно со всё крепнущей силой убеждения» (18). «Его слова ложатся точно в цель, он касается душевных ран каждого из присутствующих, освобождая их коллективное бессознательное и выражая самые потаенные желания слушателей. Он говорит людям только то, что они хотят услышать» (19).

Но огромная популярность, прежде всего, объяснялась тем, что именно Гитлеру народ приписывал успехи в хозяйстве и внешней политике, и с каждым днем все больше видел в нем воплощение глубоко укоренившейся мечты о могущественной, верящей в себя, внутренне единой Германии. Знаменитые центурии Нострадамуса нацистские пропагандисты быстро переименовывали, заменив имя Наполеона (так обычно трактовались знаменитые центурии) на имя Гитлера. А снимок рук фюрера, сделанный его личным фотографом Генрихом Гофманом и распространявшийся огромными тиражами, приобрел фактически статус иконы (20). По некоторым оценкам, 1133 улицы и площади, например Ратхаусплац в Вене, приобрели имя Адольфа Гитлера. Геббельс не слишком преувеличивал, когда накануне дня рождения Гитлера сказал по радио: «Германский народ нашел в фюрере воплощение своей силы и наиболее яркое выражение своих национальных целей» (21).

Рост популярности Гитлера не остался незамеченным и за границей. Уинстон Черчилль подчеркнул во время своей речи в палате общин: «Наши тревоги и надежды сосредотачиваются вокруг одного экстраординарного человека, стоящего у вершины власти в Германии. Он вывел свою страну из положения побежденной; он вернул ей одно из первых по могуществу мест» (22).

Лично знакомый с Гитлером министр иностранных дел Советского Союза Вячеслав Молотов был куда саркастичнее в своих оценках: «Гитлер. Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи» (23).

Впрочем, Молотов говорил это спустя несколько десятилетий после победоносной для СССР войны. Задним умом все мы крепки. И для того, чтобы не повторить уже сделанных в нашей истории ошибок, после того, как мы изучили идеологическую триаду «страна – народ – вождь», перейдем к рассмотрению практических приемов нацистской пропаганды.

Часть III

Прикладная пропаганда

9. Наглядная агитация

Я уже писал о том, что едва ли не первое, чем занялся Гитлер, когда возглавил пропагандистскую работу в НСДАП, это символы партии. Но еще в юности, где-то до 1913 года, он уже набрасывал эскиз рисунка на обложку задуманной им книги, где изображалось знамя со свастикой. Название будущей книги гласило – «Германская революция», автор А. Гитлер (1).

Он исходил из того, что символика должна быть простой и лаконичной. Считается, что самое сильное воздействие на нас оказывают наипростейшие символы – крест, звезда, свастика и круг. Они – воплощение гармонии и бесконечной силы. Гитлер выбрал свастику, наименее «затертый» к тому времени символ.

Уже в VI тысячелетии до нашей эры свастика имела хождение в Иране. Позднее она встречается на Дальнем Востоке, в Средней и Юго-Восточной Азии, в Тибете и Японии. Широко использовала свастику и доэллиническая Греция. Культура греков в любой области служила для Гитлера образцом совершенства. Однако, говоря о греках, он почти всегда подразумевал дорийцев. Разумеется, причиной тому популярная гипотеза ученых его времени, состоявшая в том, что пришедшие с севера дорические племена имели германское происхождение, а потому их культура не имела никакого отношения к Средиземноморью.

В свастике исследователи усматривают солярный (солнечный) знак.

Геополитик Карл Хаусхофер (тот самый, который ездил с Гурджиевым в Тибет) считал, что свастика – символ грома, огня и плодородия у древних арийских магов. При этом характерно то, что никаких исторических доказательств использования свастики германскими племенами нет. А вот на Кавказе и в Литве свастика в качестве орнаментального украшения использовалась еще совсем недавно – до середины XX века.

Итак, свастика являлась довольно распространенным символом: её использовало в качестве элемента оформления своих денежных знаков Временное правительство в России, она украшала шлемы немецких добровольцев в Прибалтике, когда там развернулась война за независимость балтийских государств, да и сам Гитлер рисовал ее на обложке задуманной им в юности книжки. Но считается, что непосредственно на флаг НСДАП свастика сошла с герба общества «Туле», которое, как мы помним, оказало большое влияние на молодое национал-социалистическое движение и лично на Адольфа Гитлера.

Флаг с новым партийным символом впервые украсил трибуну при создании местной группы в Штарнберге в мае 1920 года. Вскоре после утверждения новой эмблемы партии штурмовики и члены партии стали носить на рукаве повязку с изображением свастики. Чтобы унифицировать изображение и цветовую гамму партийного флага, в 1922 году был утвержден общий образец – черная свастика в белом круге на красном фоне. Составленный Гитлером циркуляр гласил: «Партийные флаги вывешивать на всех публичных собраниях на ораторской трибуне, у входа в зал и т. д., на демонстрациях носить с собой. От членов партии неукоснительно требовать, чтобы они всегда и везде появлялись только с партийным значком. Евреев, которые будут находить это неприличным, безжалостно бить» (2).

В 1923 году зримый символ движения был дополнен маршевой «Песней о свастике»: «Свастика в белом круге / На огненно-красной основе / Была избрана народом / В суровый час участи. / Горячо и глубоко, как при болях / Смертельно израненное дорогое Отечество / Призывало о помощи. / Свастика в белом круге / На огненно-красной основе / Воодушевляет нас

гордым мужеством / Бьётся в нашем круге / Не сердце, которое трусливо нарушает верность / Мы не боимся смерти и черта / С нами в союзе Бог!» (3).

Цветовая гамма флага тоже имела большое значение, особенно для человека с художественными навыками, каким, безусловно, являлся Гитлер. Скорее всего, Адольф как профессиональный художник учитывал, что интенсивность восприятия убывает по определенной шкале: 1) желтый на черном; 2) белый на синем; 3) черный на оранжевом; 4) оранжевый на черном; 5) черный на белом; 6) белый на красном; 7) красный на желтом и так далее. В этом ряду черное на белом и белое на красном по интенсивности зрительного восприятия находятся на соседних позициях и вполне гармонируют между собой. Шпеер вспоминает: «Однажды мы разговаривали о флаге партии. Я сказал, что мне не нравится черный цвет для свастики, которая является символом солнца и должна быть красного цвета. «Если сделать так, то я не смогу использовать красный цвет для фона, – сказал Гитлер, и продолжил. – Существует только один цвет, который цепляет массы, – это красный». Волнующий цвет красных флагов использовался не только из-за его возбуждающего действия, но и потому, что узурпировался традиционный окрас левых, цвет социализма. «Майн Кампф» гласит: «Красный цвет олицетворял социальную идею движения, белый – националистическую, свастика – цель борьбы за победу арийской расы».

В 1934 году власти издали распоряжение, согласно которому всякий немец должен приветствовать «немецким приветствием» нацистские знамена. Каждая семья обязана иметь флаг с изображением свастики. Считалось также желательным, чтобы свастика была вышита лично женой главы семьи. Пример тому показал министр пропаганды – партийный символ на флаге семьи Геббельсов вышила сама Магда Геббельс. Любопытно, что во многих районах, и особенно в рейнских провинциях, население, стремясь выразить свое пассивное несогласие с режимом, во время различных праздников редко вывешивало полотнище со свастикой, но неизменно поднимало старый черно-бело-красный флаг (4).

Альберт Шпеер, будучи архитектором, считал, что «придуманное лично Гитлером знамя со свастикой куда лучше подходило для архитектурного оформления, чем бывшее германское знамя, разделенное на три полосы. Во время массовых мероприятий его использовали для украшения ритмически разрозненных фасадов... да еще с добавлением золотых лент, усиливавших воздействие красного цвета» (5). Конечно, подобное оформление подразумевало символическую цветовую нагрузку, которую партийная пропаганда заботливо разъясняла зрителям: «Город Мюнхен украшен красно-коричневыми знаменами, которые должны символизировать пролитую кровь. На знаменах изображение трех золотых рун, посвященных богу древних германцев Вотану» (6). О рунах мы еще поговорим, а пока вернемся к флагам.

Гитлеру также принадлежит идея личного штандарта, который отмечал присутствие вождя. Некоторые исследователи полагают, что фюрер использовал свой личный штандарт в качестве оберега. Но это вряд ли, несмотря на ряд новомодных сенсационных исследований о потусторонней природе Третьего рейха. Вопреки широко распространенному мнению, Гитлер не доверял астрологам и любым оккультным наукам, хотя и активно использовал мистическую символику в пропагандистских целях. «Вымпел фюрера» со свастикой и четырьмя орлами по углам выполнял прикладную функцию – повышал значимость торжественных собраний, где предполагалось появление вождя, украшал личный автомобиль фюрера, будучи поднятым над рейхсканцелярией, символизировал пребывание там главы государства.

Эмблемой, заимствованной у древних римлян, стали знаки военного легиона, трансформировавшиеся в штандарты отдельных партийных организаций НСДАП. Штандарт состоял из черной металлической свастики, обрамленной серебряным венком, который держал когтями взмывающий позолоченный орел. Под этой конструкцией располагались название партии «НСДАП» на металлической прямоугольной основе, украшенной бахромой и кистями, и флаг

со свастикой, на которой вышивалась строка из поэмы Дитриха Эккарта «Йойрио» (1919) – «Германия, проснись!»

В символический ряд Третьего рейха оказались также включены орел и дуб (дубовые листья), апеллирующие к имперскому началу. Эти символы государственности хорошо известны со времен императорского Рима, кроме того, дуб сам по себе считается священным деревом древних германцев.

В своей пропагандистской работе гитлеровцы активно использовали и другие древнегерманские символы, особенно руны. Так, две руны «зиг», символизовавшие солнечный диск в движении, а также гром и молнию, составляют знак СС. Руна «тейваз», посвященная богу войны, использовалась, наряду с одиночной «зиг», в эмблеме гитлерюгенда с целью привить молодежи воинственность. В обрядах, связанных с сельским хозяйством, часто применялась руна «альгиз», руна с идеографическим значением корней и деревьев (7).

Один из самых характерных символов безжалостной нацистской военной машины, значок дивизии «Мертвая голова» (череп с перекрещенными внизу костями), служивший эмблемой в эсэсовской дивизии того же названия, был заимствован у одноименного воинского подразделения кайзеровской армии. А там, в свою очередь, он появился под влиянием розенкрейцеров; но, в отличие от молвы, которая приписывала этому символу значение смерти и разрушения, имел первоначально совсем иной смысл, связанный с победой человеческого духа над материей. В общем, не так все страшно.

Хотя полностью без мистики не обошлось. Самое знаменитое кольцо Третьего рейха – «Мертвая голова», которое носили эсэсовцы, имело руническую символику. Рейхсфюрер СС Гиммлер так расшифровывал знаки кольца для своих подчиненных: «Череп на нем является напоминанием, что мы в любой момент должны быть готовы отдать свою жизнь на благо общества. Руны, расположенные напротив мертвой головы, – символ процветания из нашего прошлого, с которым мы возобновили связь через мировоззрение национал-социализма. Две «зиг»-руны символизируют название нашего охранного отряда... Кольцо овито листьями дуба, традиционного немецкого дерева. Это кольцо нельзя купить, и оно никогда не должно попасть в чужие руки. После вашего выхода из СС или смерти оно возвращается к рейхсфюреру СС» (8). «Властелин колец» Гиммлер искренне верил, что они способны связывать каждого награжденного им члена СС с духовным центром Черного ордена – замком Вевельсбург и его хозяином. Ну, это уже чистой воды бесовщина, которую я оставляю толкиенистам и отечественным историкам, которые, приплясывая на груде трипольских черепков, воображают себя наследниками арийцев.

Кроме собственно партийной символики, основой наглядной агитации нацистов, особенно в период борьбы за власть, стал плакат. Дешевизна производства, простота распространения, оперативность делали плакатное искусство незаменимым подспорьем во время многочисленных предвыборных кампаний 1920–1930 годов.

«Я в подробностях объяснил фюреру наш пропагандистский план, – откровенничал Геббельс в своем дневнике. – Надо было выиграть предвыборную борьбу большей частью за счет плакатов и речей. Наши финансовые ресурсы были ограниченными» (9). Геббельс долго размышлял над тем, какой цвет выбрать для печатания нацистской наглядной агитации, и выбрал багровый, который до того использовала уголовная полиция, объявляя всегерманский розыск особо опасных преступников. Чтобы создать впечатление величия и несокрушимой мощи, НСДАП то и дело организовывала мощные уличные шествия, а параллельно постоянно действовали ее многочисленные распространители листовок и расклейщики плакатов. Целые города или кварталы за одну ночь окрашивались в кричащий, кровавый цвет. Штурмовики оклеивали стены домов своими плакатами и сдирали агитацию своих противников. Иногда они поливали транспаранты соперников особой жидкостью, которая самовоспламенялась по прошествии определенного времени. Неожиданно загоравшиеся на улицах костры привлекали

сотни зевак и ставили в тупик полицию, а в целом являлись доказательством того, что полиция не в состоянии поддерживать порядок¹⁸.

Афиши, приглашавшие на митинг, всегда были проникнуты духом борьбы и декларировали простые, но жесткие лозунги, которые набирались огромными буквами: «Даешь Берлин!», «Вперед, по трупам павших бойцов!», «Присоединяйся к нашей борьбе», «Сражайся вместе с нами», «Адольф Гитлер – это победа». Особенно удавались Геббельсу лозунги вроде тех, которые несли на транспарантах пятьдесят штурмовиков, совершавших марш от Берлина (где нацистская партия была уже запрещена) до Нюрнберга, на съезд партии, проходивший в августе 1927 года. Один из них гласил: «Марш Берлин – Нюрнберг: мы запрещены, но не убиты!»

В лозунги превращались и фразы, брошенные фюрером во время выступлений: «Вымирание или будущее?», «Во имя национального единства!», «Свобода и хлеб!», «Роковой час Германии». Порою плакаты использовались как своего рода объявления, разъяснявшие принципы национал-социалистического движения. Так, один из постеров гитлерюгенда гласил: «Все мы верим в Адольфа Гитлера, нашего вождя. Мы верим, что национал-социализм – единственный символ веры для нашего народа. Мы верим, что есть Господь, который создал нас, ведет и направляет. И мы верим, что это Бог послал нам Адольфа Гитлера, чтобы Германия стала краеугольным камнем вечности». Или, как говорилось в одном из плакатов, выпущенном в ходе очередной кампании: «Гитлер – наша последняя надежда».

Следующей проблемой искусства нацистской наглядной агитации стал поиск художественных образов борцов за национал-социализм. В коммерции попытки использовать подражание в целях психологического воздействия предпринимались всегда – действенность любой рекламы выше, если потребители хотят стать похожими на изображенных в ней персонажей. Отсюда «типичные» образы на рекламных стендах, а сегодня – красивые и привлекательные герои видеороликов. Рисунки давали образ германского героя нового типа: жесткого, напряженного до предела бойца со знаменем, винтовкой или мечом, в полевой форме SA или SS, а то и вовсе обнаженного; внушающего представление о силе, стойкости и агрессивности. От плакатов исходило впечатление мужественности и угрозы врагам: «Еврей, напрасно ты пытаешься спрятать под маской свой отвратительный облик! Мы тебя найдем и выставим на посмешище истинным тевтонам Берлина» (10).

Женщины изображались как героические представительницы нордической расы, доблестные спутницы героев. Порою, хотя и не часто, нацистская пропаганда показывала, что партия поддерживает и традиционные немецкие ценности: сцены семейной жизни – женщина, кормящая грудью ребенка; дети с нацистским знаменем, счастливо смотрящие в отдаленное будущее; отец, гордо стоящий рядом с семьей.

Иногда нацистские произведения искусства, и в частности плакатного, создавались в подражание стилю Альбрехта Дюрера, намекая на исторические корни режима. Но после прихода к власти значительно убедительней выглядели картинки, которые отражали саму суть национал-социалистического движения: «Несколько немцев рассказали мне о плакатах, развешанных на видных местах в провинциальных городах и требующих не иметь никаких дел с польскими рабочими и обращаться с ними строго» (11).

Кроме всяческих недочеловеков популярным персонажем наглядной агитации стал концентрированный образ врага, отщепенца, воруемого чужое топливо – «углекрада». (Здесь можно увидеть и ассоциативную связь с «ворующим чужое добро» евреем.) Виктор Клемперер рассказывает занимательный случай: «Об особом влиянии именно плаката с «углекрадом» среди множества других говорит одна сценка, свидетелем которой я стал на улице в 1944 году,

¹⁸ Идея подобного трюка пришла в голову Геббельсу, а нацистские ученые спешно разработали окончательную рецептуру и состав.

т. е. в то время, когда образ «углекрада» уже никак нельзя было отнести к самым последним и популярным. Молодая женщина тщетно пыталась образумить своего упрямого мальчишку. Тут к мальчику подошел пожилой солидный господин, положил руку ему на плечо и серьезно сказал: «Если ты не будешь слушаться маму и не пойдешь с ней домой, то я отведу тебя к «углекраду»!». Несколько секунд ребенок со страхом смотрел на господина, потом испустил вопль ужаса, подбежал к матери, вцепился в ее юбку и закричал: «Мама, домой! Мама, домой!» «Углекрад» породил много подражаний и вариантов: потом появился «времякрад», один из тральщиков назвали «Минокрадом», а в еженедельнике «Рейх» напечатали карикатуру, осуждавшую советскую политику, с подписью «Польшекрад» (12).

Почти одновременно с «углекрадом» появился подслушивающий шпион, изображаемый в виде подкрадывающейся жуткой тени; мрачная фигура в течение многих месяцев со всех газетных киосков, витрин, со спичечных коробков предупреждала о том, что нужно держать язык за зубами. Некоторые «шедевры» пропаганды доставлялись гражданам прямо на дом: «На прошлой неделе каждая семья получила листовку от местного отделения «Союза немцев за рубежом». «Германский народ никогда не должен забывать, что именно зверства поляков заставили фюрера защищать наших немецких соотечественников с помощью оружия! Под рабской покорностью своим германским работодателям поляки скрывают свое коварство; под их дружелюбием таится подлость. Будьте справедливы, какими всегда были немцы, но никогда не забывайте, что вы принадлежите к расе господ!» (13).

Кроме проверенных и недорогих приемов наглядной агитации в виде плакатов и листовок, пропаганде нацизма способствовали лекции с использованием наукообразных слайдов с сопроводительными текстами для чтения вслух, таблиц и схем. «Бюро расовой политики» массово распространяло в школах и вузах настенные диаграммы, доказывавшие применимость законов Менделя к человеческой наследственности и предостерегавшие девушек против соблазнительных «с еврейской внешностью» и прочих мутантов, готовых погубить генетически ценный урожай.

Известно: если вы используете таблицы, делайте их простыми и ясными. А когда имеете дело с диаграммами и картами, «научность» не помешает. Нацисты быстро установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие. Фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического дела. Географические фальшивки заполнили учебники, журналы, книги. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта бывшего расселения народа, утраченных исконных земель и т. д. до сих пор воздействует на подогретые национальные чувства любого народа безотказно, о чем свидетельствуют изыски современных «картографов». Хотя и здесь чувство меры не помешает – Геббельс сразу после нападения на СССР, предвидя значительный спрос, распорядился аккуратно изъять из продажи изображения Советского Союза. «Карты России большого масштаба я пока придерживаю. Обширные пространства могут только напугать наш народ» (25.06.1941).

Картографический арсенал и его воздействие нацистская пропаганда использовала и в дни поражений, чтобы поднять боевой дух, как в тылу, так и на фронте: «Более тонкая пропаганда та, что старается усилить поддержку войны народом, описывая тяжелые последствия в случае победы союзников. Завтра «Фелькишер беобахтер» опубликует карту, которая покажет, как будет выглядеть Германия в случае победы Англии и Франции. На этой карте Франции принадлежит Рейнская область, Польша – восточная Германия, Дании – Шлезвиг-Гольштейн, Чехословакии – Саксония, а южнее на карте изображена огромная империя Габсбургов, включающая в себя большую часть Южной Германии. То, что осталось от Германии, обозначено как «Оккупированная территория». Умная пропаганда, и народ на нее клонет» (14).

Французский философ Мишель Фуко определил: «язык точности» (не обязательно карты и таблицы, но и язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии». Те же статистические данные выглядят как нельзя более объективными и строгими фактами.

Язык цифр всегда кажется убедительным, ибо создает ореол неоспоримой авторитетности. Сила «языка чисел» объясняется тем, что он кажется нам максимально беспристрастным, что он, дескать, не может лгать. Люди как-то забывают, что официальные органы статистики во всех странах представляют собой часть государственного аппарата. И уже на первоначальном этапе – сборе статистических сведений – данные легко могут быть сфальсифицированы. Но искаженные цифры подаются с показной точностью, чтобы придать им максимум правдоподобия. То же самое касается и социологических опросов – путем должной постановки вопросов, корректировки выборки и обработки данных можно легко получить «освященный наукой» результат.

Еще один пример смоделированной «объективности» – документальная фотография. Особенности восприятия «информации в образах», эффективность ее воздействия заложены в самой ее природе. Наглядность и легкость восприятия делают ее общедоступной, а потому «документальное» воздействие фотоснимков часто используется в политических кампаниях. Действительно, даже в портретной фотографии заложены большие пропагандистские возможности: она способна закреплять положительный или отрицательный образ какой-нибудь личности. Например, снимок анфас подчеркивает решимость кандидата: будущий депутат смотрит прямо на вас, ему не страшны ни враг, ни препятствие, ни какая-либо проблема. Фотографии в три четверти строятся на «восходящем движении»: лицо приподнято навстречу свету, который как бы и возносит его, и т. п.

Добавление к тексту хотя бы небольшой порции художественных зрительных знаков резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения, ведь тех, кто читает подписи к иллюстрациям, в два раза больше читающих сами тексты. Насыщенные фотоиллюстрациями, сопровождаемые примитивным текстом, массовые издания апеллируют к сознанию читателей через эмоции. В чем, к слову сказать, секрет сумасшедшей популярности комиксов у западного читателя. Реальной популярности – незадолго до Второй мировой войны забастовка типографских рабочих в США вызвала перебои в поступлении комиксов в киоски, и возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио – чтобы успокоить любимый город (15).

Существовало довольно много документальных фотоальбомов, посвященных рейхсканцлеру, – «Гитлер, каким его никто не знает», «Гитлер по ту сторону будней», «Гитлер в своих горах», «Молодежь и Гитлер», в которых имиджмейкеры успешно подавали публике образ вождя, бывшего в частной жизни самым обычным человеком. Впервые появившиеся в 1934 году, эти огромные, изящно переплетенные тома предназначались для рассматривания в домашней обстановке. Как в альбомах для филателистов, в них предусматривались пустые места и печатались подписи к отсутствующим фотографиям, которые можно приобрести, покупая производимые спонсором сигареты или лакомства.

В альбом «Адольф Гитлер: фотографии из жизни фюрера», первый тираж которого насчитывал 700 000 экземпляров, были включены фотографии Гитлера как в 1920-е годы, так и фотографии последнего времени, на которых можно лицезреть, как канцлер отдыхает от бремени государственных дел. В отличие от «неформальных» фотографий Муссолини, на которых он выглядел, как яркий, самоуверенный мачо, частная жизнь Гитлера представала в ауре обыденности. Гитлер вполне мог быть сфотографирован в чуть помятом костюме и нередко смотрел на зрителя с застенчивой улыбкой.

Выходившие большими тиражами фотоальбомы, такие как «Гитлер: в свободную минутку» и «Адольф Гитлер, каким его никто не знает» позволяли публике заглянуть в частную жизнь лидера, тщательно сконструированную для массового потребления. На этих неформальных снимках Гитлер представал обычным человеком, равнодушным к восторгам поклонников, любящим свою собаку, наслаждающийся прогулками и обожающим скоростные автомобили. Смысл подобных фотосессий удачно выражала одна из подписей: «Даже фюрер

может быть счастлив!» Кроме того, возлюбленная фюрера Ева Браун тоже часто фотографировала Гитлера в домашней неформальной обстановке. Некоторые работы талантливой ученицы выкупил ее прежний шеф Генрих Гофман и растиражировал в виде открыток.

Но основную массу подобной продукции составляли, конечно, более помпезные фолианты. Фотоальбом «Германия пробуждается: становление, борьба и победа» издавался в 1933-1934 годах четырьмя тиражами по 100 000 экземпляров. Эссе, написанные для этого альбома видными нацистами, знакомили читателей с «великими идеями» национал-социализма. Теоретические рассуждения иллюстрировали фотографии и живописные изображения штурмовиков, портреты нацистских вождей, репродукции шедевров немецкого искусства и сценки, где Гитлер представал в окружении пылкой молодежи.

В 1934 году в этой же серии вышла книга «Государство труда и мира: один год правления Адольфа Гитлера», посвященный грандиозным общественным стройкам. Кроме того, по результатам поездок рейхсканцлера за пределы рейха выходили альбомы Генриха Гофмана «С Гитлером в Италии», «С Гитлером в Богемии и Моравии», «С Гитлером в Польше».

Издавались и другие увлекательные наглядные пособия по теории и практике национал-социализма. Например, фотоальбом «Вечный жид: фотодокументы». Его автор, журналист Ганс Дибов, рассматривал такие специфические темы, как «происхождение еврейского носа» или родство между пустынными кочевыми евреями и евреями городских гетто. На основе этого альбома зимой 1937/38 года власти устроили шумевшую выставку, которую посетили более полумиллиона человек. На фотографиях были запечатлены евреи в Палестине, разъезжающие в дорогих автомобилях, евреи в гетто и евреи в Нью-Йорке, расположившиеся на веранде турецкой бани. Подпись «Лицо – зеркало души» сопровождала портреты известных евреев с взглядами, полными «великой еврейской ненависти». Типичный заголовок: «Германия – первая страна, легально разрешившая еврейский вопрос». Польский журналист описывал необычно тихие толпы людей, впитывавших нацистскую «документалистику»: «Жутко было смотреть на их беспощадные лица» (16). Общество, признавшее существование еврейского вопроса, оказалось готово смириться с гражданской смертью евреев.

Печатались и более научнообразные произведения местных интеллектуалов – вроде книги историка Петера Деега «Придворные евреи». Внушительный том – более чем в 500 страниц, отпечатанный на высококачественной бумаге с обилием сносок, глянцевыми фотографиями, библиографией, факсимильными копиями документов и вклейкой с фамильным древом Ротшильдов, наглядно показывавшим, как носители этой фамилии, распространяясь по миру, наращивали свою финансовую мощь.

Для читателей попроще и победнее издавались иллюстрированные брошюры – «Расовая политика во время войны», «Способен ли ты мыслить расово?», «Забота о расе в Германии», «Раса и религия», «Расовое мышление и колониальный вопрос» и пр. Брошюры популярно разъясняли, что такое этническое здоровье и в чем заключается вред для расы. Карманные книжки вроде «Речей канцлера Гитлера» и «Молодая Германия хочет

работы и мира» предсказывали экономическое возрождение. Простым доступным языком эти дешево отпечатанные издания в красно-белых обложках объясняли, что борьба рас определяет историю, что ее делают великие люди и что немцы имеют право на новые территории. Хотя самой популярной брошюрой в то время стала «Мир и безопасность». В ней Гитлер в очередной раз заявлял о себе как о противнике милитаризма. Она была призвана успокоить тех, кто опасался, что фюрер развяжет новую войну.

Плюс политкорректировка используемых терминов: слово «захват» подменялось на «заселение», «угнетение» на «управление» – и вот уже «благородная» миссия немецкого народа носит «цивилизационный» характер. Так и сегодня: просто слово «бедность» вызывает возмущение и сострадание, а научнообразный «низкий доход» – категория экономическая; с бедностью нужно бороться, а низкий доход можно поднимать до более высокого уровня.

Большим успехом у читателей пользовались нацистские песенники, такие как «СА-лидербух» – сборник песен штурмовых отрядов, что вышел в издательстве Хубера в 1933 году. Он включал стихотворения Дитриха Эккарта, маршевые солдатские и патриотические песни различных авторов, народные немецкие песни и песни штурмовых отрядов («Свободу улицам!», «Фюрер зовет» и др.).

Бесчисленные изображения Гитлера, присутствие его имени в названиях улиц, городов, заводов, институтов создавали иллюзию вездесущности вождя. Портреты и фотографии фюрера можно было увидеть повсюду: в школьных классах, учреждениях, на железнодорожных вокзалах, уличных перекрестках, на плакатах и даже на почтовых марках; в праздники они проецировались на огромные экраны. На портретах в разнообразии официальных поз представлял решительный и безупречный фюрер с взглядом, устремленным вдаль. Почтовые открытки изображали его в образе Зигфрида, величественно парящего в воздухе и разящего ужасных врагов (7).

В 1933 году дом в Оберзальберге, где жил Гитлер, стал местом паломничества, кусочки ограды у него часто забирали как реликвии, а одна женщина – было дело – собрала землю со следом ноги Гитлера. С 1933-го по 1937 год, когда бы Гитлер ни останавливался в своей резиденции, тысячи людей ежедневно поднимались на гору в надежде увидеть фюрера во второй половине дня, когда он обычно прогуливался перед домом. В такие моменты его фотографировали играющим с детьми, передавали ему в руки письма и петиции. Гитлер гостеприимно приглашал детишек угоститься сладостями на террасе, а сам не возражал прогуляться в обществе нескольких человек из пришедших. Не забывала официальная пропаганда и про родственников фюрера. После присоединения Австрии к Германии Марии Шикльгрубер (бабушке Гитлера) воздвигли памятник, к которому водили школьников.

Но находились и такие фанатичные приверженцы, кто хотел общаться со своим кумиром ежечасно и, так сказать, парить с ним в своих мыслях. Сводки СД сообщали о сооружении домашних алтарей с фотографией Гитлера на месте дароносицы. Подробное описание подобного алтаря дает в одном из своих романов Эрих Мария Ремарк: «На стене против окна висел широченный портрет Гитлера в красках, обрамленный еловыми ветками и венками из дубовых листьев. А на столе под ним, на развернутом нацистском флаге, лежало роскошное, переплетенное в черную кожу с тисненой золотой свастикой издание «Майн Кампф». По обе стороны стояли серебряные подсвечники с восковыми свечами и две фотографии фюрера: на одной – он с овчаркой в Берхтесгардене, на другой – девочка в белом платье подносит ему цветы. Все это завершалось почетными кинжалами и партийными значками» (18).

Впечатляет, не правда ли? Такова была сила воздействия культа фюрера и стремление большинства немцев под его руководством достичь лучшей жизни для себя и своих детей. А тем временем, как мы помним, также не лишенный сантиментов Гиммлер в 1937 году, выступая в Орденском замке СС Фогельзанг, раскрывал своим приближенным истинные цели нового государства: «Образцом для нашего будущего поколения вождей должно стать современное государственное образование по типу древних спартанских городов-государств. От 5 до 10 процентов населения – лучшие, избранные люди – должны господствовать, повелевать. Остальные должны подчиняться и работать. Только таким образом будут достигнуты высшие ценности, к которым должны стремиться мы сами и немецкий народ» (19). Гиммлер не нес отсебятину, но развивал мысли такого доброго и человеческого фюрера.

К сожалению (или к счастью), многие из нас, слепо преданные каким-либо идеалам не понимают, что стали пешками в чужой игре. И раз мы уже записались пешками, то должны знать, что есть ферзи и короли, реализующие за наш счет свои далеко идущие планы.

10. Массовые мероприятия

Ранее мы вспоминали пропагандистский план Геббельса в одной из избирательных кампаний: «Надо было выиграть предвыборную борьбу большей частью за счет плакатов и речей. Наши финансовые ресурсы были ограниченными». Геббельс недаром рассуждал не только о плакатах, но и митингах. Работа с людьми на подобных встречах являлась одним из самых излюбленных приемов нацистов. На первом этапе Движения они стремились каждые восемь дней организовывать массовый митинг. Как результат, нацистские пропагандисты накопили гигантский опыт проведения подобных мероприятий и научились просчитывать реакцию публики. Если Министерство пропаганды устраивало массовый политический митинг в берлинском Дворце спорта, то уже по количеству проданных билетов специалисты могли судить о степени желанности людей обсуждать предложенную ими тему.

С 13 марта 1933 года, после создания министерства, Геббельс стал контролировать одновременно и партийный, и правительственный аппарат пропаганды. Между ними возникло определенное разделение труда. Министерство продумывало сценарии агитационных акций, а отдел пропаганды НСДАП – обеспечивал их массовым участием. Кроме того, преимущественно по партийной линии осуществлялось изучение реакции масс на различные агитационные мероприятия.

Сценарии мероприятий, в которых участвовал Гитлер, расписывались до минуты. Даже в ошеломляющих по масштабу празднествах с огромными массами людей фюрер лично проверял мельчайшие детали: он тщательно обдумывал каждое действие, каждое перемещение, равно как и декоративные детали украшений из флагов и цветов и даже порядок рассаживания почетных гостей. И это далеко не мелочи, как говаривал старина Мюллер из «Семнадцати мгновений весны». Ведь от того, сколько человек окружают оцениваемого аудиторией лидера, каковы их облик и поведение, зависит, какие особенности во внешнем облике лидера мы выделим и оценим.

Даже рядовые рабочие визиты Гитлера в низовые нацистские организации тщательно подготавливались. Сперва в намеченное гау прибывал высокопоставленный уполномоченный. Он сообщал, какой гостиничный номер снять Гитлеру, как его встречать, сколько бутылок минеральной воды поставить в президиум; регламентировалось все – церемониал встречи Гитлера, поведение председательствующего, размер платы за аренду и прочее: «Адольф Гитлер не говорит с кафедры, кафедра поэтому убирается» и т. д.

Собрания происходили, как правило, вечером, в полном соответствии с концепцией Гитлера, прописанной им в «Майн Кампф»: «Утром и даже днем нервные силы человека еще достаточно велики, для того, чтобы они могли противостоять попытке навязывания чужой воли, они сопротивляются чуждому мнению. И наоборот, вечером они легче поддаются превосходящей силе другой воли». Электрическое освещение, чередуемое с периодически наступающим полумраком, использовалось для создания особой атмосферы единения и чуда, что было подсмотрено Гитлером в практике христианского богослужения: «Той же цели (подавлению собственного мнения. – К.К.) служит также искусственно созданный, но все же таинственный сумеречный свет католической церкви, горящие свечи, курение фимиама, курительные чаши и т. п.» (1).

Пока знамена, маршевые ритмы и крики погружали массы в состояние предпраздничной суматохи, сам он, нервничая, сидел в гостинице, пил минеральную воду и выслушивал частые донесения о настроении в зале. Нередко он давал еще несколько полезных указаний или под-

сказывал особо тщательно сформулированные сообщения для оглашения их в зале. И только когда нетерпение масс грозило выдохнуться, он отправлялся в путь¹⁹.

Итак, фюрер появлялся в зале только после того, как толпа была соответствующим образом подготовлена. Вступительное слово председателя собрания длилось не более пяти минут. А со времени появления Гитлера на трибуне до начала его речи должно было пройти 10–15 минут (5–10 минут было отведено на овации). Точно просчитанному ритуалу открытия митинга соответствовала и его заключительная часть. В шум и восторженные крики врывалась музыка оркестра, исполнявшего «Германскую песнь» («Германия превыше всего») или партийный гимн «Песня Хорста Весселя»: «Выше знамя! / Сплотить ряды! / СА марширует / Мужественным твердым шагом / Товарищи, расстрелянные / Красным фронтом и реакцией / Незримо маршируют / В наших рядах вместе с нами».

Гитлер салютовал направо и налево и уходил, пока музыка еще играла. Целью стремительного ухода было стремление оставить нетронутым катарсис, в котором пребывала публика в конце выступления, впечатление сплоченности и единства, да и просто необходимость задержать собравшихся, пока Гитлер покидал переполненное помещение.

После речи Гитлер ни с кем из руководителей гау не беседовал. Все текущие дела разрешал не он, а кто-либо из его свиты. Претензии вождь тоже не выслушивал – во время речи он выкладывался настолько, что просто не был в состоянии адекватно реагировать на просьбы. Один из гауляйтеров нашел своего фюрера уже наутро после одной из речей. «С усталым и унылым видом сидел в одиночестве, сгорбившись, за круглым столом и медленно, с неохотой ел свой обычный овощной суп» (2).

Для прочих пропагандистских мероприятий специальное «Ведомство по организации праздников, досуга и торжеств» разработало «Типовые программы торжеств национал-социалистического движения и указания по порядку проведения национал-социалистических митингов на основе сложившихся в период борьбы традиций». То же ведомство даже издавало специальный журнал для нацистских массовиков и затейников.

Модель стандартного нацистского политического собрания создана при непосредственном участии Геббельса. Он ввел в практику торжественный внос знамен в начале собрания через живой коридор, образованный шеренгами штурмовиков; он также установил порядок проведения партийных собраний, по его распоряжению каждое собрание открывалось музыкальной увертюрой. Вообще, значение музыки в пропаганде достойно отдельной главы, сейчас лишь напомним, что в эмоциональном воздействии особую роль играют ударные инструменты и звучание фанфар. Известно, что маршевая музыка рождает энтузиазм, бравурная – возбуждает. И напротив, траурная музыка угнетает, вызывает отрицательные эмоции.

Предполагалось наполнить каждое гуляние или народный праздник политико-идеологическим смыслом, что вплотную связано с внешним оформлением проводимого мероприятия. Из кадров хроники мы хорошо представляем, как во время шествий фасады домов исчезали за цветными декорациями, знаменами, вымпелами и символами нацистского движения. Специализированные издания для пропагандистов давали советы своим подопечным относительно декора: не следует заклеивать окна наглядной агитацией, броские лозунги сделают наряднее тусклый городской пейзаж, грузовики с громкоговорителями, везущие огромные плакаты, эффектнее всего использовать в сумерках. Во время фольклорных праздников киоски, торговые места, открытые концертные площадки украшались в сельском стиле соответствующих земель, в качестве строительного материала использовались дерево, солома, камыш, черепица, то есть традиционные крестьянские материалы.

---

¹⁹ Нештатные ситуации происходили очень редко. Например, в Штральзунде, когда из-за нелетной погоды Гитлер прибыл на митинг лишь в половине третьего ночи. Но 40-тысячная толпа терпеливо прождала его почти 7 часов, и когда он закончил свою речь, уже занималось утро. Однако это лишь исключение, подтверждающее правило.

Кроме создания праздничной атмосферы с помощью музыки и художественного оформления, нацистские пропагандисты удачно использовали особенности нешироких улиц старинных немецких городов – прохождение 50 тысяч штурмовиков в колонну по четыре человека по узким проулкам какого-нибудь провинциального города при соответствующей режиссуре могло продолжаться 6–8 часов, что создавало впечатление чего-то немыслимого, грандиозного, необъятного.

Психологи утверждают, что приемы побуждения более эффективны, если они направлены не только на сознательную, но и на подсознательную сторону психики человека. В качестве примера можно привести классическое действо нацистской пропаганды – церемонию освящения знамен. Летом 1926 года на втором съезде НСДАП Гитлер торжественно вручил тогдашнему начальнику охраны СС Берхгольду самую священную реликвию нацистского движения – «знамя крови». То самое знамя, с которым члены НДСАП шли 9 ноября 1923 год во время «пивного путча», когда погибли шестнадцать партийцев, возведенных теперь в ранг мучеников и героев. Согласно официальному мифу, знамя было обагрено их кровью. Данная памятная дата использовалась для ритуала «освящения знамен», когда новые партийные штандарты рукой фюрера прикладывались к окровавленному знамени «пивного путча», как бы вбирая часть его сакральной энергии. Напряжение нарастало с каждым новым залпом, сопровождавшим прикосновение, и, таким образом, «освящение» следующего штандарта тем самым окровавленным знаменем. Ежегодная церемония просчитывалась до тонкостей и вызывала массовую истерию, наподобие религиозной.

Постепенно обряд модифицировался. 9 ноября 1935 года Гитлер провел большое торжество в честь павших в ходе марша к Фельдхернхалле. Он распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в перестрелке с полицией, и поместить их саркофаги в Фельдхернхалле, ставшем национальной святыней. Его стены накануне основного действия затянули коричневой тканью и украсили горящими светильниками. «Во время церемонии в честь мучеников партии многочисленные оркестры играли «Похоронный марш», который я сочинил на смерть нашей маленькой дочери Герты. Это звучало очень впечатляюще, и Гитлер поздравил меня». (3).

Незадолго до полуночи Гитлер проехал на «встречу» с покойными соратниками, стоя в открытой машине. Факелы штурмовиков и эсэсовцев образовывали вдоль улицы две колышущиеся огненные линии, за ними стояла густая толпа. На следующий день после этой мистической церемонии «Фёлькишер беобахтер» описывала ночное «свидание» фюрера: «Он стоит неподвижно перед саркофагами. Человек, который уже перешагнул пределы всего земного» (4).

Спустя три года, 9 ноября 1938 года, саркофаги убитых участников путча на лафетах перевезли с кладбища в так называемый «Храм чести», выстроенный по приказу Гитлера на Кенигсплац. Ну и снова – «Город Мюнхен украшен красно-коричневыми знаменами, которые должны символизировать пролитую кровь. На знаменах три золотые руны, посвященные богу древних германцев Вотану. Пламя, поднимающееся над наполненными маслом чашами, установленными на многочисленных пилонах, символизирует жертвенные огни германских жрецов и костры, из огня которых, по древнему преданию, герои северных саг поднимались в Валгаллу – аркадию древних германцев» (5).

По пути следования марша 1923 года были установлены сотни обтянутых кумачом пилонов, на постаментах которых золотыми буквами организаторы начертали имена «павших за движение». Во главе колонны шагала рядом с Гитлером группа «старых бойцов» в коричневых рубашках или нацистской форме образца 1923 года (серая куртка и лыжное кепи «Модель-23», выданные службой по организации торжеств). Руководитель церемонии по очереди выкрикивал имена погибших партийных активистов, а из колонн формирований партии в ответ на каждое имя звучала соответствующая церемониальная фраза – «Здесь!» «Последняя пере-

кликча» в обязательном порядке транслировалась по радио²⁰. Открывая мемориал, Гитлер сказал: «Отныне они обрели бессмертие. Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения».

Заключительная часть траурного действия – перекличка, орудийные салюты и т. д. – получила тогда официальное наименование «воскрешение из мертвых». Даже в кинотеатре театральность пышного действия и исполненный драматизма текст производили сильное впечатление. По свидетельству очевидца, люди сидели, охваченные благоговейным трепетом, никто не смел кашлянуть, не слышалось обычного шороха от кульков со снедью и вообще – ни звука (6).

Саги и мифические герои в ряду прочих символов описанной нами церемонии оказались отнюдь не случайно. Метафоры, и в частности поэтические метафоры, воздействуя большей частью в обход сознания, способны вызвать эффект «внутреннего озарения» и направлять мысли адресата в направлении, желаемом для автора (исполнителя, манипулятора). Именно так немецкие нацисты использовали великий труд Рихарда Вагнера «Кольцо нибелунга» – оперный цикл, созданный на основе великого германского эпоса «Песнь о Нибелунгах», который возвратил Германии, в частности Третьему рейху, много популярных германских легенд.

Эти легенды нацисты активнейшим образом задействовали для воссоздания оккультных ритуалов, языческих традиций (вроде нынешней Рун-веры) и подгонку древней истории под вкусы новой правящей верхушки, в числе которой можно особо выделить «доктора археологии» рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. В узком кругу Гитлер потешался над археологическими изысканиями «верного Генриха»: «Гиммлер приходит в восторг при виде каждого черепка и каждого каменного топора, которые удалость выкопать. Этим мы лишь показываем, что металы каменные дротики и сидели вокруг костра, когда Греция и Рим уже находились на высшей ступени культурного развития. У нас есть основания помалкивать насчет своего прошлого. А Гиммлер трезвонит о нем на весь свет. Воображаю, какой презрительный смех вызывают эти разоблачения у сегодняшних римлян» (7). Однако, повторяю, шутки в узком кругу посвященных не имеют никакого отношения к тому, что элита скормливает плебсу в качестве государственной идеи.

В замке Вевельсбург, главной резиденции СС, приказом рейхсфюрера были введены многие языческие (древненемецкие) обряды, обязательные для всего эсэсовского состава и местного населения. Например, праздники весны, урожая, летнего солнцестояния; особую церемонию разработали также и для эсэсовских свадеб – все по древнему, исконно народному образцу. И напротив, обряд крещения новорожденного в семье эсэсовца представлял совершенно новый ритуал «наречения» младенца, проходивший перед портретом Адольфа Гитлера, его книгой «Майн Кампф» и знаком свастики. Вот как проистекали крестины в организации «Лебенсборн», созданной под патронатом СС для матерей-одиночек. «В комнате, украшенной бюстом фюрера, портретом его матери, знаменами национал-социалистского движения, цветами и лавровыми венками собираются матери, их дети и «крестные» от СС. Затем заведующий домом произносит речь о смысле и цели обряда «имянаречения». При этом он отсылал их к обрядам древних германцев, указывая, что христианская церковь лишь переняла эти обычаи, превратив их в крестины. После этого обращения под тихие звуки национального гимна Германии происходит само «имянаречение» детей. При этом заведующий задавал матери вопрос: «Немецкая мать, обязуешься ли ты воспитывать твоего ребенка в духе национал-социалистского мировоззрения?» После положительного ответа, заведующий обращался к «крестному эсэсовцу»: «Готов ли ты наблюдать за воспитанием этого ребенка в духе родовой общности охранных отрядов?» На что эсэсовец изъявлял согласие и пожимал протянутую руку заведующего. После чего заведующий домом касался эсэсовским кинжалом ребенка и произносил:

²⁰ Идею «последней переклички» Геббельс заимствовал у итальянских фашистов, которые таким образом чтили память своих погибших товарищей.

«Настоящим я беру тебя под защиту нашей родовой общности и даю тебе имя! Носи это имя с честью!» Далее матерям выдавалось свидетельство о присвоении их детям имени, а затем следовало чаепитие» (8)²¹.

Большое значение для «наглядности» идеи, как реальное воплощение ее силы, имеет и внешнее оформление людей, то есть одежда. Еще в 1921 году в Италии молодые фашисты стали носить черные рубашки военного образца как обязательную боевую форму. Точно так же, как титул «фюрер» был только онемеченной формой «дуче», так коричневая нацистская рубашка – только модификацией черной. Общая униформа может производить впечатление, более того – нести пропагандистскую нагрузку. Гитлеровцы удачно использовали старую прусскую традицию, в соответствии с которой служебная униформа считалась почетной одеждой мужчины, а облачение офицера вообще имело культовое значение. Что, в общем-то, легко объяснимо – человеку в военной форме общественное мнение устойчиво приписывает такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, настойчивость. Плюс, разумеется, тевтонские милитаристские традиции.

В нацистском партийном учебнике облачению штурмовика посвящен особый раздел: «1. Служебный костюм штурмовика – это почетная одежда. Костюм и осанка (манера держаться) определяют отношение к штурмовикам со стороны народа... 4. Служебный костюм штурмовика носят на служебном месте СА. Кроме того, желательно, чтобы его носили по возможности часто и вне служебного места СА». Правда, из пункта 7 того же устава следовало, что «после часа ночи штурмовики в служебном костюме не имеют права посещать общественные кафе». Оргии, пивные пятна, ну и все прочее²².

Гражданская одежда национал-социалистов и сочувствующих им граждан тоже имела свои отличительные особенности – это и упомянутые нами ранее кепи с лыжными куртками, а позже униформа из реквизита автогонщика: шлем, очки-консервы, грубые перчатки-краги.

Такое внимание, которое мы уделяем внешнему виду нацистов, определяется тем, что деятельность, связанная с выполнением приказов и требований (солдаты, партийные функционеры и даже спортсмены), способствует внушаемости, а униформа наиболее декларативный признак принадлежности к той или иной структуре, объединенной общей дисциплиной. Но при этом униформа воспринималась как благодеяние и признак высокого доверия.

Более того, иногда наличие или отсутствие формы само по себе давало повод для грандиозных пропагандистских акций. В последние годы Веймарской республики власти, стараясь добиться гражданского мира, запрещали публичное ношение партийных униформ. На что штурмовики реагировали довольно остроумно: поскольку ношение партийных галстуков и портупей не было запрещено, они надевали их прямо на голое тело. Смех, вызываемый видом марширующих полуголых колонн СА, также сработал на расширение популярности нацистской партии.

Вообще, важнейшим инструментом гитлеровской пропагандистской мобилизации было шествие колонн в ногу; оно принуждало всех к одинаковым движениям и одному ритму, имевшему порою опьяняющее воздействие. У человека в колонне отсутствовала собственная воля и собственные желания, он слушал команды, держал равнение на идущего рядом. Часто шествие нескольких колонн переходило в перестроение для митинга.

Сходство жестов людей в группе свидетельствует о сходстве их настроений, копирование жестов лидера характерно для его последователей. Например, одновременный взмах рук в нацистском приветствии во время массовых мероприятий. К слову сказать, «германское приветствие» было копией «фашистского», рожденного буйной фантазией поэта Габриэле Д'Ан-

---

²¹ Кстати, эсэсовский кинжал – это тоже освященный сакральный символ для эсэсовца, и здесь мы можем наблюдать ассоциативную связь с партийной церемонией «освящения знамен».

²² То, что униформа была полувоенной (на заре Движения коричневые рубахи членов СА и гитлерюгенда являлись просто списанной колониальной формой кайзеровской армии), лишь облегчало введение необходимой дисциплины.

нунцио в 1919 году, когда он, при поддержке мятежных элементов итальянской армии, захватил город Фиуме (порт, переданный Югославии по Сен-Жерменскому договору). Позже этот ритуальный жест переняли итальянские фашисты и лишь потом германские нацисты и обоглащенный ими народ.

В 1930-е годы почти всякая немецкая организация имела свою форму, практически весь народ оказался в форменной одежде, что стало действенным орудием ликвидации индивидуализма. Даже обычным строительным рабочим из организации Тодта из конфискованных запасов бывшей чехословацкой армии выдавалась единая форма оливкового цвета. Дело дошло и до секретарей: «По распоряжению Гитлера президент Объединения театральных художников Бенно фон Арент разработал для нас, секретарш, соответствующую униформу. Она представляла собой костюм из итальянского офицерского материала серого цвета с золотыми пуговицами и петлицами. На левом лацкане мы носили вместо круглого партийного значка серебряную эмблему, спроектированную самим фюрером. На ней был изображен орел, держащий свастику» (9). А вскоре и Риббентроп озаботился проблемой мундиров для Министерства иностранных дел: «Я удостоился чести появиться во время своей первой аудиенции у Папы Римского в забавной униформе с золотыми пуговицами, ремнем с портупеей и в жесткой шляпе. Форма Риббентропа отличалась особым рисунком, на рукавах у него был вышит глобус, на котором сидело нечто, напоминавшее орла» (10).

Естественно, громадное значение нацистские пропагандисты уделяли одежде, или, как бы теперь сказали, «прикиду» подрастающего поколения. Помните уродливую школьную форму советского образца и все переживания, с нею связанные? Так вот – разработку формы для гитлерюгенда поручили лучшим модельерам тогдашней Германии. Дабы служить рекламной организации форма должна казаться красивой и удобной: знаки различия, шевроны были разработаны с учетом всех эстетических требований. Общий набор – коричневая форменная рубашка, черный треугольный галстук, черные шорты до колен, коричневые ботинки с гольфами (зимой – черные высокие сапоги). Причем шорты не воспринимались как детская одежда: «Дети носят матросские костюмчики с длинными брюками. Юноши одеты в шорты и открытые рубашки. Детей родители по воскресеньям водят на прогулки. Юноши в воскресенье отправляются в походы» (11).

Далее антураж дополняли коричневая фуражка, солдатский ранец, ремень с портупеей и крепившимися на нем сухарным мешком, флягой и, что восхищало, походным ножом. Походный нож с рукояткой, украшенной «руной победы» и свастикой, являлся настоящим оружием, с клинком 12–14 см. Девушки носили синюю юбку с ремнем, белую блузу (летом с коротким рукавом), черный галстук, платок на голову, коричневый жилет с четырьмя карманами и китель. В походе униформу дополняли солдатская фляга, планшет и ранец, а зимой – коричневое пальто.

Разумеется, военная форма также была поручена лучшим дизайнерам. Обмундирование немецкого офицера конструировал сам Хьюго Босс – столь значимая психологическая нагрузка возлагалась на внешний вид солдата и офицера вермахта. Некоторые специалисты считают, что для поддержания боевого духа войска, а значит, и победы немцев на Западном фронте в конце 1930-х годов, внешний вид армии сыграл не последнюю роль.

Форма в частях СС, в свою очередь, разительно отличалась от армейской: они носили черные брюки, галстуки и фуражки, ремни с девизом «Моя честь – моя верность», загадочные знаки отличия. Кроме того, использовались алюминиевые нити и многочисленные шнуры, сплетенные из них. В целом, все это производило довольно эффектное впечатление. Карл Буххарт, верховный комиссар в вольном городе Данциге, вспоминал о посещении штаб-квартиры Гиммлера: «У входа в здание застыла черная стража. Казалось, люди в черном были лишены всего человеческого. Они порождение самого бога войны Ареса» (12). К этому опи-

санию можно лишь добавить, что рядовые «Лейб-штандарта «Адольф Гитлер»» (именно они обеспечивали охрану фюрера) набирались из юношей ростом от 184 см и выше.

Эффектную эсэсовскую форму охотно надевали не только модельные юноши. В стремлении заручиться симпатиями немецкой элиты Гиммлер начал раздавать чины группенфюреров СС важным лицам Третьего рейха – всяческим видным деятелям в области экономики, политики и культуры. Как результат, они получили не только чины, но черные эсэсовские мундиры. А потому порою самое невинное собрание гражданских руководителей стало походить на военизированное сборище.

Сам Гитлер регулярно появлялся на людях в некой изобретенной им для себя полувоенной форме, которая должна была олицетворять неугасимый военный дух, а именно в коричневом френче и высоких сапогах. Правда, можно предположить, что привычный Гитлеру френч помогал ему, в числе прочего, непринужденно держаться на публике (новая одежда сковывает).

Одетая в форму нация, и так склонная к конформизму и дисциплине, стала идеальной аудиторией для «раскованных и непринужденных» народных праздников. И пусть режим требовал лишь ритуальных форм участия людей в различных массовых мероприятиях, но сознание они все-таки изменяли.

Для любых манифестаций, от школьных – на предмет встречи иностранного гостя – до мобилизации миллионов рабочих, специалисты разработали четкие схемы. Не без иронии отзывался статс-секретарь министерства (Карл Ханке) о «группах народного ликования», то есть специальных «засланных казачках», которые первыми начинали аплодировать, скандировать лозунги и использовать другие методы для раскачки аудитории (13). Хотя до 1939 года, то есть начала войны, потребность в таких приемах была невелика – энтузиазм масс казался неподдельным.

Многим современникам тридцатые годы в Германии запомнились как череда ярких праздников и сейчас мы кратко остановимся на некоторых из них. Особенно «народным» и красочным считался День урожая, праздник, который давал государству воздать должное крестьянам – основным кормильцам рейха. Для него стали естественными трибунами склоны горы Бюкельберг. В праздновании одновременно участвовали около миллиона человек. Многочисленные оркестры, танцевальные группы, море флагов, вымпелов и праздничных венков урожая, самолеты и дирижабли в воздухе – все это создавало непередаваемую атмосферу грандиозного гуляния. Культивировались народные танцы в местных нарядах, представления самодеятельных артистов, кукольных театров, самодеятельных хоров и оркестров, показательные выступления и соревнования спортивных клубов.

С прибытием Гитлера раздавался 21 пушечный залп, что означало начало праздника. Апогеем праздника урожая было прохождение Гитлера сквозь многотысячные шпалеры заранее построенных крестьян к «Алтарю урожая» (символа изобилия, подаренного крестьянами Германии). От подножия горы Гитлер шел 800 метров к вершине. В качестве второго по значению события дня фигурировало «чествование крестьян и крестьянок, ведущих героическую и самоотверженную борьбу за пропитание народа»; оно выражалось в хвалебных речах, адресованных селянам, в подарках передовикам. Ну, в общем, все нам это неплохо знакомо.

Узнаваем и праздник городских рабочих – День труда, Первое мая, которое тоже отмечалось с неопишуемой помпезностью: «В ту же ночь возник проект грандиозной трибуны, за ней три гигантских флага, каждый превосходит высотой десятиэтажный дом» (14). Циклопические декорации стали неотъемлемой чертой пролетарских гуляний на государственном уровне.

В 1935 году в Германии начали отмечать и День зимнего солнцестояния. Главным действующим лицом нового праздника являлись отряды СС. На горе Броккен зажигали огонь, и он шестью лучами от факелов, которые несли эсэсовцы, «расходилась до границ рейха». Гитлерюгенд принимал обязательство хранить священное пламя до дня летнего солнцестояния, когда СС вновь повторяли свою факельную эстафету. Вообще, рассказывать о Третьем рейхе и

не вспомнить факельные шествия было бы непростительной ошибкой – все-таки недаром они считаются одним из наиболее узнаваемых образов нацистского режима.

Когда-то, на заре существования партии, Гитлер устроил митинг в первой половине дня и не сумел установить никакой связи со своими слушателями, что повергло его в глубочайшее уныние. Этот отрицательный опыт он зафиксировал в «Майн Кампф», в своих рекомендациях о времени проведения мероприятий. С тех пор он назначал все собственные встречи с массами только на вечерние часы или на вторую половину дня и старался придерживаться установленного правила даже в период предвыборной гонки, хотя по мере роста числа выступлений время проведения митингов приходилось ужимать до минимума.

Однако вечерняя пора давала нацистским организаторам массовых действий нестандартные возможности для новых режиссерских ходов, таких как эффектные факельные шествия. Собственно, как мы помним, приход Гитлера к власти и начался с подобной огненной феерии – в ту памятную ночь 30 января 1933 года в течение четырех часов около 700 тысяч человек с факелами прошли по Вильгельмштрассе: «Ночью наблюдал за окном кабинета бесконечные колонны штурмовых отрядов, марширующих в факельном шествии, мимо рейхсканцелярии. Власти объявляют, что факельные шествия продлятся всю ночь». Через три года, 30 января 1936 года 35 тысяч старейших членов партии повторили «историческое» действие. В относительно скромных масштабах, но в значительно более комфортных условиях: организаторы факельного шествия 1936 года загодя позаботились о коксовых печках для обогрева зевак на зимних улицах Берлина.

Вспомним и еще один огненный парад, который стал едва ли не самым знаменитым в короткой истории Третьего рейха: вечером 10 мая 1933 года, около полуночи, в сквере напротив Берлинского университета завершилось факельное шествие, в котором приняли участие тысячи студентов. Свои факелы они побросали в собранную здесь огромную гору книг, а когда их охватило пламя, в костер полетели новые кипы. Всего подверглось уничтожению 20 тысяч томов. Были сожжены труды Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Стефана Цвейга, Ремарка, Альберта Эйнштейна и др. Из иностранных авторов в костер полетели работы Джека Лондона, Эптона Синклера, Герберта Уэллса, Зигмунда Фрейда, Эмиля Золя, Марселя Пруста и других²³.

Кульминация всех нацистских праздников – партийные съезды в Нюрнберге. Четырехдневные, потом семидневные и, наконец, пышные восьмидневные и дорогостоящие торжества, начиная с 1933 года, носили характер государственных мероприятий: «Съезд победы», «Съезд труда», «Съезд триумфа воли», «Съезд свободы». На 1939 год нацисты запланировали проведение «Съезда мира», но он не состоялся, ввиду начала Второй мировой войны.

К 1936 году порядок проведения этих сборищ сложился окончательно. Первый день партийного съезда под звон колоколов начинался торжественным въездом Гитлера в Нюрнберг. Церемония открытия мероприятия похожа на литургию: огромное помещение бывшего выставочного зала, где заседали делегаты, задрапировано белым шелком, а стена за президиумом – красным, золотая свастика в обрамлении зеленых дубовых листьев осеняла собравшихся. «Гитлер возвращает пышную зрелищность, красочность и мистицизм в однообразную жизнь немцев XX столетия. Везде море разноцветных флагов. Даже приезд Гитлера обставлен театрально. Оркестр перестал играть. В зале, где собралось тридцать тысяч человек, установилась тишина. Потом оркестр заиграл, когда Гитлер совершал свой великий выход. Он появился в глубине зала и, сопровождаемый своими помощниками, медленно зашагал по длинному проходу, и в этот момент тридцать тысяч рук поднялись в приветствии. Затем огромный симфонический оркестр сыграл увертюру Бетховена «Эгмонт». Громадные прожектора освещали

²³ Справедливости ради отметим, что организованное Геббельсом аутодафе берлинцам не понравилось, а Геринг публично возмущался сожжением огромного количества книг.

сцену, где сидел Гитлер в окружении сотни партийных чиновников и армейских и морских офицеров. За ними – «кровавый флаг», пронесенный по улицам Мюнхена во время злополучного путча. За ним – четыреста или пятьсот штандартов СА. Когда музыка закончилась, Рудольф Гесс медленно зачитал имена нацистских «мучеников» – коричневорубашечников, погибших в борьбе за власть. Это была переключка мертвецов, которая, судя по всему, сильно растрогала тридцать тысяч сидящих в зале. Естественно, что в такой атмосфере каждое брошенное Гитлером слово воспринималось как ниспосланное свыше» (15).

Под оглушительные фанфары Гитлер подходил к трибуне, и когда он ее достигал, вспыхивали прожектора, подсвечивая трибуну. Французский посол Франсуа-Понсе: «Прожекторы гаснут за исключением тех, которые высвечивают фюрера, кажется, что он стоит над колыханием масс как в сказочном корабле» (16). Его рассказ подхватывает американский журналист Уильям Ширер: «Ослепительный свет выделяет главную трибуну, увенчанную сияющей золотом свастикой в дубовом венке. На левом и правом пилонах из огромных чаш пылает огонь» (17). После программной речи фюрера первый день работы съезда заканчивался оперой «Нюрнбергские мейстерзингеры», обычно в исполнении знаменитого Берлинского филармонического оркестра под руководством Вильгельма Фуртвенглера.

На второй день рано утром Гитлер на балконе гостиницы принимает парад знамен гитлерюгенда, свезенных в город со всей страны. В это время на Луитпольд-арену постепенно сходятся партийные формирования. Гремит музыка, пространство и трибуны празднично убраны, все ожидают прибытия вождя. Приезжает Гитлер, и съезд начинает обычную работу... На секунду отвлечемся и отметим, насколько важно пребывание политика на фоне различных значимых символов. Первые лица страны находятся в окружении символов власти государства (флаг, герб и т. п.), политики выступают на фоне лозунгов своей партии и своих портретов. Участие в подобных постановках напрямую связывает нас с прошлыми этапами развития цивилизации, когда подъем человека на новый уровень общественного признания оказывался возможным только в рамках существующих магических ритуалов. Разумеется, и Гитлер, слушая выступавших, восседал на фоне государственных символов в окружении массы соратников.

Третий день начинался парадом имперской трудовой службы. Под колокольный звон и многоголосое пение поднимались бесчисленные знамена Немецкого рабочего фронта (ДАФ). Четвертый – посвящался всевозможным спортивным представлениям, также необыкновенно красочным и театрализованным. «Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Театральные представления, где образы предстают перед толпой в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние». (18).

Пятый день именовался Днем политического руководителя – то есть народу во всей красе демонстрировали себя партийные функционеры. Правда, если членов СА, ДАФ, СС и вермахта еще можно было показывать при дневном свете, то многие из партийных функционеров оказались неповоротливыми толстяками. Поэтому, по предложению Гитлера, колонны функционеров пускали в темноте – поздно вечером при свете факелов устраивался впечатляющий митинг. И излюбленные факелы задействованы, и животы спрятаны. А над стадионом, где происходило действо, с помощью направленных вверх зенитных прожекторов моделировался грандиозный «Собор света». «130 резко очерченных световых столбов на расстоянии всего лишь двенадцати метров один от одного вокруг всего поля видны на высоте от шести до восьми километров и там сливались в сияющий небосвод. Порой через этот световой поток проплывало облако» (19). «Собор света» – это один из первых и наиболее удачных случаев применения поставочного электрического света в массовых мероприятиях²⁴.

²⁴ Во время одного из своих полетов по Германии, а именно после речи в Гёрлице, Гитлер случайно открыл для себя, какое магическое воздействие на десятки тысяч напряженно всматривающихся людей оказывает зрелище освещенного самолета на фоне ночного неба; он снова и снова стал прибегать уже намеренно к этому приему, чтобы вызвать в людях то настроение жертвенности и жажды вождя, которому он потакал.

Естественно, во время партийных съездов возможности электрической подсветки использовались весьма активно. Аккредитованный на съезде американский корреспондент Уильям Ширер: «Под звуки фанфар Гитлер выходит на высокий центральный блок главной трибуны, и по команде с трибун на другой стороне вниз на арену устремляется поток из более чем тридцати тысяч знамен, серебряные наконечники и бахромы которых вспыхивают в огне прожекторов» (20). Альберт Шпеер: «Предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятками колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена, и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие» (21). И снова Ширер: «Сегодня вечером еще одно пышное зрелище. Двести тысяч партийных чиновников собрались на лугу Цеппелинов, украшенном двадцатью одной тысячей флагов, которые расцвели в свете прожекторов, как фантастический сад. И в этой залитой светом прожекторов ночи спрессованные, как сардины в банке, простые люди в Германии достигали высочайшего в понимании немецкого человека состояния. Происходило соединение душ и умов отдельных людей: до тех пор, пока под действием мистических огней и магического голоса австрийца они полностью не слились в единое германское стадо» (22).

Седьмой день знаменовался показом строевой подготовки СА и СС. Затем Гитлер совершал один из самых запоминающихся ритуалов Третьего рейха – в гордом и печальном одиночестве под звуки траурной музыки он шел по «улице фюрера» (т. е. через строй военнослужащих) и возлагал венки «мученикам» Движения. «В церемонии смерти его темперамент и пессимизм неустанно открывали все новые потрясающие эффекты; когда он под звуки скорбной музыки шел по широкому коридору между сотнями тысяч собравшихся почтить память павших через Кенигсплац в Мюнхене или через Нюрнбергскую площадь партийных съездов, то это действительно были кульминации впервые разработанной им художественной демагогии» (23).

И, наконец, восьмой день – десерт – парад военной техники вермахта.

Дабы вынести такую насыщенную программу перед съездом Гитлер по несколько недель проводил в одиночестве в горах – отдыхал. А после съезда его опять увозили в горы, где он с чувством исполненного долга мог примерить к себе слова провозвестника современной пропаганды Гюстава Ле Бона: «Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять» (24). О чем, собственно, и говорим.

11. Работа с аудиторией

Один из факторов популярности Гитлера в своей стране состоял в том, что большинство жителей Германии имели хотя бы теоретическую возможность повидать его лично на массовых мероприятиях и таким образом соприкоснуться с его аурой, стать «ближе» к нему. В первые месяцы 1933 года под окнами рейхсканцелярии регулярно собирались толпы, которые громогласным хором изъявляли желание увидеть фюрера. И тому ничего не оставалось делать, как периодически появляться перед публикой к ее немалому удовольствию. Очевидец одной из подобных встреч вспоминал: «Я помню жителей Линца, которые, выстроившись перед гостиницей, непрерывно кричали до поздней ночи: «Один народ, один рейх, один фюрер» или «Мы хотим видеть нашего фюрера». Тем временем группа людей скандировала: «Любимый фюрер, будь так любезен, подойди к подоконнику». И Гитлер появлялся перед ними вновь и вновь» (1).

Важность такого периодического общения ощущал и сам рейхсканцлер. На партийном съезде 1936 года он воскликнул, обращаясь к собравшимся: «Когда мы собираемся здесь, нас охватывает чувство чуда этой встречи. Не каждый из вас видит меня, и не каждого из вас вижу я. Однако я чувствую вас, а вы чувствуете меня! Вера в наш народ сделала нас, маленьких людей, – великими, сделала нас, бедняков, – богатыми, сделала нас, робких, потерявших мужество, запуганных людей, – смелыми и отважными, дала заблуждавшимся прозрение и объединила нас» (2).

Еще в августе 1920 года Гитлер, рассуждая о перспективах партийной пропаганды, сказал, что его целью является использование «тихого понимания», чтобы «разжечь и подтолкнуть... инстинктивное». «Способность восприятия масс очень ограничена и слаба, – писал он в «Майн Кампф». – Принимая это во внимание, всякая эффективная пропаганда должна быть сведена к минимуму необходимых понятий, которые должны выражаться несколькими стереотипными формулировками. Самое главное: окрашивать все вещи контрастно, в черное и белое» (3). Соответственно, сами лозунги должны быть простыми, обладать способностями к бесконечным повторам и вариациям, иметь эмоциональную широту, которая позволяет каждому индивиду приписывать ему свои собственные ценности. «Когда все эти условия соблюдены, даже стенографический знак может воплотить в себе целую программу» (4).

Наглядным подтверждением тому служит история рождения нацистского лозунга (или приветствия) «Зиг хайль!» (Да здравствует победа!) После одного из выступлений перед огромной аудиторией Гитлер на какое-то время задумчиво замолчал, и в этот момент стоявший рядом Гесс, находясь под впечатлением от речи фюрера, вдруг начал скандировать: «Зиг хайль!» Многотысячная толпа тут же подхватила лозунг, который позже прочно закрепился в обиходе Третьего рейха (5). «Первое сформулированное внушение тотчас передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение» (Ле Бон).

Психологическое заражение аудитории во время массовых акций проистекает как результат удачных, убедительных речей, например, когда персонаж «режет правду-матку» и яростно обличает виноватых. Для повышения эффективности речь изукрашивается и инсценируется, по сути, она – произведение искусства, которое предназначено для восприятия слухом и зрением, причем слухом – вдвойне, поскольку шум толпы, ее рукоплескания, гул недовольства и чувство единения действуют на отдельного слушателя с той же силой, что и сама речь. Заражение происходит, поскольку в толпе индивид менее склонен обуздывать и скрывать свои инстинкты – толпа анонимна и не несет никакой ответственности. Вопрос в пробуждении инстинктов.

Для полного достижения данной цели необходимо тщательно учитывать особенности аудитории. Таковыми являются состав слушателей, уровень их подготовки, интересы, социаль-

ное положение, пол, возраст, мотивы их участия во встрече. Особое значение имеют в связи с этим этнические и религиозно-культурные особенности аудитории. Мужчин в процессе общения интересует, прежде всего, доказательность, логика, факты. Их внимание привлекают примеры из истории, политики. На первом месте для них компетентность выступающего. Для женщин большое значение имеют эмоциональная сторона дела, проявление человеческих качеств. Их внимание сразу привлекают примеры, касающиеся семьи, детей, мужчин, быта (6). Средний человек мыслит, как правило, иррационально, значит, пропаганда должна быть обращена не к разуму человека, а к его эмоциям. Упрощения в пропаганде необходимы, и чем значительнее размер аудитории, тем больше потребность в упрощении. В практической политике действительно большого успеха можно добиться не академическими рассуждениями, а воспламеняющими речами и ударными лозунгами, например «Свобода, Равенство, Братство», «Вся власть Советам!» или «Бандитов в тюрьмы!»

Такие пропагандисты как Гитлер, Геббельс, Штрайхер постоянно держали руку на пульсе народа, в любой момент они могли точно определить, какие лозунги приведут в движение массы, какие слова разожгут воображение толпы. Гитлер: «Я знаю, что завоевать людей можно не столько написанным словом, сколько, в гораздо большей степени, – устным словом, что любое великое движение на этой земле обязано своей мощью именно великим ораторам, а не великим писателям» (7). Его успехи на данном поприще признавали и иностранные наблюдатели. «Таймс» 25 марта 1939 года констатировала: «Действительно, Гитлер является одаренным пропагандистом. Он знает, что нетренированная память слушателя повторяет его мысли, и из этой слабости он извлекает максимальную выгоду. В своих комментариях о массе он так же циничен, как наши собственные авторы рекламных текстов» (8).

«Меня часто спрашивают, в чем секрет необыкновенного ораторского таланта Гитлера. Я могу объяснить его лишь сверхъестественной интуицией Адольфа, его способностью угадывать желания слушателей, – рассуждал долгое время близкий к нему Эрнст Ханфштангль. – Вот Гитлер входит в зал. Принюхивается. Минуту он размышляет, пытается почувствовать атмосферу, найти себя». От себя добавим: пауза продолжительностью 5–7 секунд и внимательный взгляд на слушателей – первый прием привлечения внимания к оратору. Пауза позволяет аудитории настроиться на восприятие того, что ей предстоит услышать. Возникает и элемент любопытства: «А как он начнет?»

Первые слова Гитлер говорил негромко, словно ища опоры в слушателях. «Начало было монотонным, обычным, чаще всего связанным с легендой его восхождения. «Когда я, безымянный фронтовик, в 1918 году...» Таким формализованным началом он не только еще подстегивал ожидание уже во время самой речи, но и получал возможность почувствовать атмосферу зала и настроиться на нее. Какой-нибудь выкрик из зала мог вдохновить его на ответ или острое замечание, и тогда вспыхивали долгожданные первые аплодисменты. Они давали ему чувство контакта, ощущение восторга, и четверть часа спустя «в него вселяется дух...» (9) «Внезапно он взрывается: «Германия растоптана. Немцы должны объединиться. (Статус обвиняющего всегда воспринимается как более высокий, нежели статус оправдывающегося. – К.К.) Интересы каждого должны быть подчинены интересам всех. Я верну вам чувство собственного достоинства и сделаю Германию непобедимой». Его слова ложатся точно в цель, он касается душевных ран каждого из присутствующих, освобождая их коллективное бессознательное и выражая самые потаенные желания слушателей. Он говорит людям только то, что они хотят услышать». Опытный выступающий умеет создать у каждого слушателя впечатление, что он обращается лично к нему, встречи взглядами в течение нескольких секунд вполне достаточно для взаимопонимания. «Обращаясь к промышленным магнатам, в первые секунды он испытывает то же самое чувство неопределенности. Но вот глаза его загорелись, он почувствовал аудиторию, все в нем перевернулось: «Нация возрождается лишь усилиями личности. Массы

слепы и тупы. Каждый из нас лидер, и Германия состоит из таких лидеров». – «Правильно» – слышались возгласы со всех сторон» (10).

Макс Домарус, собравший и опубликовавший речи Гитлера с 1932 по 1945 год, так отзывался о нем как об ораторе: «Свои речи Гитлер почти незаметно для других приспосабливал к конкретной аудитории. Их содержание, может быть, было всегда одинаковым, но он любил менять жаргон, в зависимости от местности или от состава аудитории. Например, если он выступал перед интеллектуалами, университетскими профессорами или студентами, то в первой части он использовал абстрактный стиль, с множеством оговорок – то есть такой стиль, какой нередко применяется в академических аудиториях. Во всех своих речах Гитлер злоупотреблял иностранными словами, но применял их всегда правильно! Эти слова казались ему звучными и особо впечатляющими, а кроме того, способными вызвать симпатии у присутствующих в аудитории специалистов. Даже трудные названия титулов и церемониальные обращения он мог употреблять так же безупречно, как шеф дипломатического протокола» (11).

Эту же мысль подтверждает и Ханфштангль: «Я посетил множество его публичных выступлений и начинал понимать их структуру, которая обеспечивала их привлекательность. Первый секрет заключался в подборе слов. У каждого поколения есть свой собственный набор слов и фраз, которые, если можно так выразиться, отмечают на календаре время мыслей и высказываний, принадлежащих этому поколению. Описывая трудности домохозяйки, у которой недостаточно денег, чтобы купить продукты для своей семьи, он пользовался точно теми же фразами, которые употребила бы эта домохозяйка, если бы могла сформулировать свои мысли. Если от прослушивания других публичных ораторов создавалось болезненное впечатление, что они снисходят до своей аудитории, то у Гитлера был бесценный дар точно выражать мысли своих слушателей». Очень важное замечание, ведь постоянный рефрен, будто Гитлер говорил каждому собранию только то, что оно хотело слышать, лишь поверхностно отражает суть дела. Он выражал чувства тысяч людей – их потрясение, их страх и ненависть, превращая толпу в динамичный фактор политики. Именно глубинная связь с массами позволила Гитлеру подняться над образом уверенного в своих силах демагога и обеспечила ему несравненно больший успех, чем Геббельсу, хотя тот и действовал более тонко и хитроумно (12).

Продолжаем: «У каждой его речи было прошлое, настоящее и будущее. Каждая часть была полным историческим обзором ситуации. В его жестах было что-то от мастерства великого оркестрового музыканта, который вместо простого отстукивания тактов своей палочкой выхватывает в музыке особые скрытые ритмы и значения. Продолжая музыкальную метафору, первые две трети речи Гитлера имели ритм марша, постепенно их темп убыстрялся, и наступала третья, завершающая часть, которая представляла уже скорее рапсодию. Зная, что непрерывное выступление одного оратора может быть скучным, он блестяще изображал воображаемого оппонента, часто перебивая самого себя контраргументами, возвращаясь к исходной мысли, перед тем полностью уничтожив своего гипотетического противника. Все это переплетение лейтмотивов, вычурностей, контрапунктов и музыкальных контрастов с точностью отражалось в модели его выступлений, которые по своему построению были симфоническими и всегда завершались наивысшей кульминацией, похожей на рокот вагнеровских тромбонов» (13).

Речи Гитлера действовали на тщательно подготовленную аудиторию в первую очередь своим ритмом, мелодикой, структурой интонации, достигаемой темпом речи, динамикой, высотой и окраской голоса. Многие слушатели не понимали, что он говорит, но слышали, как он говорит. Тому же Ханфштанглю запомнилось впечатление, которое производил голос Гитлера: «Он говорил со странным акцентом, словно пришелец с баварских гор. И эта окраска голоса сообщала какую-то горную отдаленность от привычного: внушала нечто мистическое» (14).

Восприятие слова в большой степени зависит от того, каким тоном оно произнесено. Например, при хорошем расположении духа резонаторы расширяются, голос оратора становится глубже и богаче оттенками. Он действует на других успокаивающе и внушает больше доверия. Исследователи делают вывод, что значительная часть успеха Гитлера как оратора объясняется манерой его речи – с необычными модуляционными способностями, позволявшими ему охватывать голосом 2,5 октавы. Подобные перепады давали возможность подавлять мыслительную функцию в коре головного мозга его слушателей и одновременно активизировалась эмоциональная область ствола мозга. Он был в состоянии в любой момент, чтобы подчеркнуть ритм речи, говорить на частоте колебаний звука между 200 и 300 Герц, хотя его нормальная тональность лежала в диапазоне 160–170 Герц (15). Кроме того, Гитлер всегда внимательно изучал акустику перед выступлением в зале.

Истинное мастерство оратора проявляется также в единстве слова и жеста. Лучший и самый совершенный жест – тот, который не замечают слушатели, так они увлечены содержанием речи оратора, а «жест» вписан в нее. Гитлер использовал ораторскую жестикуляцию, редко встречавшуюся до этого в Германии, которую скопировал у Фердья Вайсса, мюнхенского комедианта, специализировавшегося на выступлениях перед публикой в пивных (16). «Как оратор – удивительное триединство жеста, мимики и слова. Прирожденный разжигатель», – еще на заре их знакомства писал в своих дневниках о Гитлере Йозеф Геббельс. Сегодня установлено, что непосредственно с помощью слов передается 7 % информации, с помощью звуковых средств (включая тон голоса, интонацию и т. п.) – 38 %. На долю жестов, поз мимики говорящего, его внешнего вида и фона приходится 55 %. Словесное общение в беседе дает 1/3 информации, 2/3 – невербальные сигналы (17).

«Меня всегда восхищало, как он играет своими руками, слегка женственными и очень артистичными, – отмечал Уильям Ширер. – Сегодня он работал ими красиво, казалось «говорило» руками, раскачиваясь при этом всем телом, не меньше чем словами и голосом. Я обратил также внимание на его умение использовать мимику, глаза (он их выпучивал), поворот головы для выражения иронии, которой в сегодняшней речи было предостаточно» (18).

Итак, подобно звезде немого кино, Гитлер интенсивно жестикулировал и гримасничал. Но, в отличие от актера, он сам писал свои тексты. Его речи были тщательно подготовлены и произносились по записям, всегда находившимся у него под рукой, но как феномен они рождались все же в импровизации, в обратной связи с аудиторией. Секретарь фюрера Криста Шредер подробно описала технологию их создания: «Шеф, как правило, находился рядом в рабочем кабинете, стоя над письменным столом и отмечая ключевые слова для своей речи. Затем он становился рядом с машинкой и, начиная издали, диктовал тихим голосом. Он постепенно набирал форму, и речь его становилась быстрее. Безостановочно следовали предложения, тем временем он прохаживался по комнате. Затем его словесный запал иссякал. Едва он приступал в своей речи к рассмотрению проблемы большевизма, им овладевало волнение. Часто у него срывался голос, что происходило и при упоминании Черчилля или Рузвельта. Краснота заливала его лицо, и глаза гневно блестели: он останавливался как вкопанный, будто перед ним непосредственно стоял упомянутый враг. Во время диктовки у меня возникало головокружительное сердцебиение, как будто волнение Гитлера передавалось мне» (19).

Ему требовалось от четырех до шести часов, чтобы набросать общую схему будущего выступления, которую он записывал на 10–12 больших листах, но в конечном итоге каждый лист превращался в 15–20 ключевых слов. Когда приближался час выступления, начинал ходить по комнате взад-вперед, репетируя про себя аргументацию. «Перед официальным выступлением Гитлер стал читать вслух наиболее резкие и действующие на психику немцев места из своей речи, подбирая при этом соответствующие интонации, жесты и мимику» (20).

Репетиции были необходимы, чтобы не терять по ходу выступления визуального контакта с аудиторией, что всегда воспринимается ею как равнодушие оратора к слушателям: «Говорит

сам для себя, мы его не интересуем». (То, что мы так часто видим у нынешних политических деятелей.) Затем следовали правки и несколько редакций текста. После сделанных исправлений все следовало перепечатать начисто.

«Его политическая аргументация основывалась на том, что можно назвать «системой горизонтальной восьмерки». Он двигался вправо, критикуя, и поворачивал назад влево в поисках одобрения. Он продолжал обратный процесс и возвращался в центральную точку со словами «Германия превыше всего», где его ждал гром аплодисментов. Он нападал на бывшие правящие классы за предательство своего народа, их классовые предубеждения и феодальную экономическую систему, срывая аплодисменты левых, а затем набрасывался на тех, кто был готов забыть истинные традиции немецкого величия, к восторгу правых. К окончанию выступления все присутствующие были согласны со всем, что он говорил» (21). И, соответственно, под давлением общего мнения, оставшиеся в подавляющем меньшинстве соглашались с внушаемым им суждением.

Гюстав Ле Бон, анализируя данный эффект в своей работе «Психология народов и масс», подчеркивал: «В толпе сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи отдельных единиц, образующих одно целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу общественному» (22).

Кроме продуманной аргументации Гитлер придавал большое значение подчеркиванию ключевых слов. Всегда учитывая в своих выступлениях характер аудитории, Гитлер, тем не менее, производил впечатление волевого неконъюнктурного человека, постоянно употребляя эпитеты «непоколебимый», «решительный», «неумолимый» и «абсолютный»²⁵.

Тема уверенности оратора в своих силах прослеживается и в «Майн Кампф»: «Масса предпочитает господина, а не просителя. Бесстыдство такого духовного террора масса так же мало сознает, как и возмутительное нарушение своих человеческих свобод» (23). Иначе говоря, толпа склонна доверять человеку, доказавшему свое превосходство, как в силу своего ораторского мастерства, так и высокой нравственности преследуемых им целей. «Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее» (24). Однако нацистские пропагандисты вскоре обнаружили, что массы, толпа, народ – не такие глупые, как их порой изображают интеллектуалы; что если к людям с улицы найти правильный подход, если их воспринимать серьезно, а не просто льстить их низменным инстинктам – у массы может появиться чувство жертвенности, великодушия, самоотдачи. (Вспомним хотя бы историю «оранжевого майдана».) «Толпа нередко преступна – это правда, но нередко она и героична» (25).

Установление контактов с новой аудиторией посредством заверений в искренности и объективности также можно рассматривать как один из исходных приемов нацистской агитационной методики. «Он не держится перед толпой с некоторой театральной властью, которую я наблюдал у Муссолини, он не выдвигает вперед подбородок и не отбрасывает голову назад как дуче, не делает стеклянные глаза. В его манере держаться даже чувствуется какая-то наигранная скромность» (26). Однако в арсенале фюрера наличествовала не только демонстративная скромность, но порою и некая ироничность: «Хотя Гитлер почти целый вечер был

---

²⁵ Современные политтехнологи расширили данный ряд, подкупая слушателей ключевыми словами о возможности выбора – все производные от глагола «мочь», «выбирать», «хотеть», «желать», слова «вариант», «свобода», «независимость» и др. Темы группируются по возможным точкам уязвимости: один набор должен подтолкнуть группу к разделению, эксплуатируя различие «мы – они», другой – акцентирует тему неизбежности. Неизбежности победы одних и проигрыша других. Третий – тему легитимности друзей и союзников и нелегитимности оппонентов. В данном случае уверенность оратора повышает вероятность того, что сообщение будет принято и одобрено аудиторией.

беспощаден и источал ненависть, в его речи имелись и юмористические моменты. Слушателям показалось очень смешным, когда он сказал: «В Англии все полны любопытства и без конца спрашивают: «Почему он не приходит?»» (Оратор имел в виду самого себя – речь о возможном вторжении в Англию. – К.К.) Спокойствие. Спокойствие. Он идет! Он идет!». И этот человек голосом выжимал каждую каплю юмора и сарказма» (27).

Парадоксом можно считать, что насколько страстные и убежденные речи Гитлера завораживали очень многих его слушателей, настолько бессмысленно утомительными и неприятными оказывались они – часто для тех же самых людей – будучи изложенными на бумаге. На раннем этапе Движения по крайней мере 80 % речей Гитлера являлись импровизацией, в которой, как правило, ему не приходилось себя ограничивать в выборе слов, а реакция слушателей всегда вдохновляла Гитлера на еще более страстные обвинения в адрес своих оппонентов. Однако по мере роста политической популярности и, соответственно, цены каждого сказанного слова Гитлер стал осмотрительнее: «Я больше и лучше выступаю не по бумажке, но теперь, в ходе войны, я должен скрупулезно взвешивать каждое слово, ибо мир наблюдательный и чуткий. Если бы я однажды сказал несправедливое слово, руководствуясь стихийным настроением, это могло бы привести к большим осложнениям» (28).

Речи, которые Гитлер произносил без заготовленной бумажки, следовало тщательно редактировать, и перед публикацией он всегда требовал показать ему вариант, подготовленный для печати, дабы самому внести окончательную правку. Возможно, этим объясняется удивительный парадокс, что, будучи одним из величайших ораторов в истории, Гитлер не оставил ни одного запоминающегося крылатого выражения, точно так же нет ни одного яркого исторического анекдота о нем. Они просто вычеркнуты?

Геббельс откровенно врал, когда в своей классической работе «Фюрер как оратор» отмечал: «Отличительная черта хорошей речи в том, что она не только хорошо звучит, но и легко читается. Речи фюрера – это стилистические шедевры, импровизирует ли он с трибуны, заглядывает ли в короткую записку или читает ее с рукописи в важных международных случаях. Если кто-то не присутствует при этом непосредственно, он никогда не сможет сказать, была ли заранее написанная речь произнесена как неподготовленная, или незапланированная речь произнесена так, словно написана заранее. Его речи всегда готовы в печать» (29). На самом деле речи Гитлера были неудобоваримы для чтения из-за бесконечных повторов, свойственных его ораторской манере, и нуждались в тщательной редакции (см. выше).

Хотя нам сейчас невозможно представить Адольфа Гитлера воплощением добродетели, но именно в этом состояла тайна его огромной популярности среди его немецких соотечественников. Будто о нем писал Макиавелли: «Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстанет как само милосердие, верность, прямоту, человечность, благочестие, особенно благочестие, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим» (30). И волна народной любви к вождю, искусно направляемая, как его собственными усилиями, так и работой Министерства пропаганды, достигала своей кульминации 20 апреля – в день рождения фюрера.

Ему дарили произведения искусства и посвящались оды. Торты с искусными украшениями и надписями, корзинки с деликатесами и прочие продукты питания по личному распоряжению Гитлера мгновенно доставлялись в различные больницы. Канцелярию фюрера заваливали горами комплектов для новорожденных, постельного белья, махровых полотенец, которые, в свою очередь, немедленно раздавались нуждавшимся супружеским парам.

Култ фюрера настолько проник в женское сознание, что женщины в его присутствии падали в обморок от восторга: «Сегодня около десяти часов вечера я оказался в толпе из десяти тысяч истериков, которыми был запружен крепостной ров перед отелем Гитлера. Они кричали: «Мы хотим нашего фюрера!» Я был слегка шокирован лицами этих людей, когда он появился на минуту на балконе. Они смотрели на него как на мессию, в их лицах появилось явно что-

то нечеловеческое. Думаю, задержись он чуть подольше, большинство женщин попадали бы в обморок от возбуждения» (Уильям Ширер).

Конечно, главному герою культа тоже приходилось нелегко, а порою и неловко, но уж не нам его жалеть. Так, когда Гитлер выходил из туалета, «в коридоре уже было полно людей, и он должен *был* проходить словно сквозь строй до своей комнаты с поднятой рукой и несколько вымученной улыбкой». (Криста Шредер)

Если во время Нюрнбергских партийных съездов из-за туч выглядывало солнце, толпа приходила в восторг и кричала: «Погода фюрера!» Поскольку так получалось, что на дни его массовых митингов всегда выпадала хорошая погода, в народе прижилось выражение «гитлеровская погода». Однако самого Гитлера глубоко беспокоили счастливые атмосферные совпадения. Он боялся, что эта вера глубоко укоренится в народе, а неизбежные изменения подорвут его репутацию. Великий демагог прекрасно понимал, насколько может быть неустойчиво настроение толпы. «Высказанное подозрение тотчас превращается в неоспоримую очевидность. Чувство антипатии или неодобрения, едва зарождающееся в отдельном индивиде, в толпе тотчас превращается у него в самую свирепую ненависть». (Гюстав Ле Бон)

Вторым по значению оратором Третьего рейха значился, безусловно, Йозеф Геббельс. И в силу своей должности руководителя нацистской пропаганды, и по неоспоримому таланту. Сам Гитлер признавал, оценивая своих соратников: «Я слышал их всех, но единственный человек, которого я могу слушать не засыпая, – это Геббельс. Он действительно умеет произвести впечатление». В устах серьезного профессионала такая оценка дорогого стоит.

Еще на заре национал-социализма, подстрекая берлинцев к недовольству республикой, Геббельс использовал язык, который называл «новым и современным, не имеющим ничего общего с устаревшими выражениями так называемых расистов». Он применял простые, но меткие метафоры и сравнения, сразу доходившие до слушателей. Все его речи пронизывал повелительный тон, призывы полагаться на силу и помнить об обязанностях. Они пестрят выражениями типа: «Продвинем вперед наше движение!»; «Вперед, ломая сопротивление врагов!»; «Мы маршируем, и будем биться стойко и самоотверженно!»; «Массовая пропаганда – наше главное оружие!», создающими настроение постоянной активности, борьбы и движения к цели.

Порою речи Геббельса рождали ощущения, что их извергает иступленный фанатик, но в действительности «маленького доктора» никак нельзя назвать человеком с буйным темпераментом. Геббельс был прилежен, трудолюбив, крайне педантичен, а приверженность партийной доктрине сочеталась в нем с широким кругозором и ясным умом. А эмоциональное нагнетание необходимо профессиональному оратору для поддержания у человека постоянного интереса к тому, о чем рассказывает пропаганда, и чтобы информация легче входила в подсознание. Когда говорят эмоции и чувства, разум молчит. Возбужденный человек гораздо легче совершает необдуманные поступки, а именно к таковым его подталкивали руководители Третьего рейха.

В профессиональной карьере Геббельса, так же как и у его шефа, имелись немалые достижения в манипулировании сознанием огромных толп людей. Сознание могущества толпы, обусловленного ее численностью, дает возможность сборищам людей проявлять такие чувства и совершать такие действия, которые невозможны для отдельного человека. Например, в начале тридцатых годов, выступая в Берлине, во Дворце спорта, Геббельс поразил молодого интеллектуала Шпеера тем, что, используя «фразы, из которых каждая поставлена на выигрышное место и четко сформулирована», сделал так, что «бушующая толпа, обуреваемая все более фанатичными взрывами восторга и ненависти, текла вниз по Потсдаммерштрассе. Исполнившись отваги под воздействием Геббельса, люди демонстративно заняли всю мостовую, перекрыв движение машин и трамваев». (31)

Однако представлять теоретиков нацизма лишь партийными демагогами было бы абсолютным непониманием феномена их популярности. А значит, и затруднением в поисках противоядия на будущее. Тот же Геббельс активно пропагандировал передовые для своего времени идеи эмансипации и громил консерваторов, считавших, что женщина обязана появляться лишь со своим мужем, не может пить, курить или носить короткие волосы. Свободомыслие Геббельса доходило до обличения показного аскетизма, который исповедовали многие нацистские фанатики. По его мнению, люди должны красиво и празднично одеваться, вкусно питаться и интересно проводить досуг.

И демонстративный «либерализм» одного из апостолов нацизма также укреплял социальную базу нацистского режима, во всяком случае среди интеллигенции Третьего рейха.

Вершиной ораторского мастерства Геббельса считается произнесенная им в феврале 1943 года речь о тотальной войне. Незадолго до того, потрясенный поражением под Сталинградом, Гитлер, которому нечего было сказать своему народу в очередную годовщину прихода нацистов к власти, поручил министру пропаганды 30 января 1943 года прочитать в «Спортпалате» (берлинском Дворце спорта) речь от имени фюрера. По ходу выступления Геббельсу сообщили, что в небе появились английские бомбардировщики. Геббельс понимал, что если он прервет митинг и поспешит в бомбоубежище до первых взрывов, это станет его поражением, поражением его пропаганды. Поэтому он остался на трибуне и объявил многотысячной толпе, что митинг откладывается на час. Те, кто хочет спуститься в укрытие, могут это сделать, добавил министр. Кто-то поторопился уйти, но основная масса не сдвинулась с места. Им явно пришлось по душе, что Геббельс остался с ними. Некоторое время слышались только отдаленные разрывы бомб. Тысячи глаз смотрели на Геббельса, он понимал настроение зала и сохранял полную невозмутимость. Затем он начал говорить. Его речь была откровенной до предела. Несколько раз он назвал войну «тотальной». Поведение аудитории в «Спортпалате» безошибочно подсказало ему, что в будущем он мог позволить себе говорить о тотальной войне намного решительней, чем предполагал ранее (32).

И главный пропагандист рейха немедленно взялся за дело. Само понятие «тотальная» война подразумевало грандиозную мобилизационную программу в тылу, перестройку промышленности на военный лад и ряд других мер, которые, по мысли нацистского руководства, должны были привести Германию к победе в той изнурительной войне против сильнейших государств мира, которую она же сама и развязала.

«Геббельс задумал свою речь как своего рода опрос общественного мнения, в котором знаменитые «десять вопросов» (которые оратор периодически задавал залу. – К.К.) должны были выяснить отношение людей к тотальной войне. Он намеревался спросить, готов ли народ пойти на любые жертвы ради победы. И он очень надеялся, что люди ответят ему «Да!» Он перечитывал речь вслух, запоминая, где следовало выдержать паузу, а где прибавить пафоса и выразительности: снова удалялся к себе, вставал против зеркала, жестикулировал, смеялся, вновь напускал на лицо серьезное выражение, выкрикивал несколько слов, потом переходил на трагический шепот – он репетировал свое представление: Геббельс разместит в толпе несколько сотен своих людей, которые будут подыгрывать оратору. Так делалось на всех его выступлениях» (33).

Итак, 18 февраля 1943 года Геббельс в своей речи призвал народ Германии к «тотальной войне». Причем он обращался не столько к рядовым гражданам, сколько к тем представителям привилегированных слоев, которые никак не хотели согласиться с программой мобилизации всех тыловых ресурсов. Германия по военным меркам жила слишком роскошно и это представляло опасность для государства в минуту напряжения всех сил нации. Нацистский режим, грабивший всю Европу ради социальной поддержки своих граждан, никак не мог решиться на радикальные меры. Даже Гитлер рекомендовал своему министру вооружений, как вспоминает сам Шпеер, вместо недвусмысленного запрета на бессмысленное модничанье немецких

женщин в разгар войны, ограничиться «тайным созданием искусственного дефицита краски для волос и других косметических изделий» (34). И все же речь Геббельса вызвала грандиозный общественный резонанс, и партийные функционеры волей-неволей пошли навстречу его требованиям. Поздно вечером Геббельс разделся и встал на весы. Эта речь стоила ему потери почти трех килограммов веса.

Наконец-то были предприняты конкретные меры, сразу же горячо одобренные широкой общественностью Третьего рейха. В частности, Геббельс приказал закрыть в Берлине все дорогие рестораны и увеселительные заведения. Однако обращенный лично к партийным руководителям призыв Геббельса отказаться от излишне расточительного образа жизни не встретил восторга среди партийной верхушки. И когда Геббельс, как градоначальник Берлина, среди прочих закрыл любимый ресторан рейхсмаршала Геринга, это привело к острому конфликту между ними.

Сам Герман Геринг пользовался большой популярностью среди немцев. В Берлине любят толстяков: здесь лишний вес воспринимается как синоним радости, как доказательство хорошего характера его обладателя. Да и вообще, если верить психологам, видя полного, с округлыми формами мужчину, люди чаще всего утверждают, что он болтливый, добродушный, сговорчивый человек, открытый людям, любящий житейский комфорт и большой любитель поесть. Одним словом, обаяшка.

Геринг тоже охотно представал в образе храброго, добродушного человека, а в некоторых случаях даже защитника евреев. Кроме того, история любви Геринга и его рано умершей от рака первой жены Карин, так сказать, трогательная «лав стори» германского летчика и шведской дворянки, давно уже была взята нацистской пропагандой на вооружение и имела неизменный успех у сентиментальных немцев. Помнится, одна из таких публикаций, преисполненных возвышенной лирики, называлась «Высокая песня любви: становление Германии».

Берлинцы беззлобно посмеивались над страстью Геринга к медалям, но хотя он нередко становился жертвой их иронии, «Дядя Герман» оставался очень популярен. Это легко объяснить, ибо люди инстинктивно тянутся к тому, у кого хорошее настроение, т. к. надеются, что оно передастся и им. Рассказывают, что развеселый Геринг обожал забираться на гигантскую фисгармонию и оттуда управлять, на радость своим маленьким племянникам, миниатюрной железной дорогой. Посол Франции и посол Соединенных Штатов застыли в изумлении, когда он однажды предложил принять участие в этой нехитрой забаве (35).

Если же речь заходила о приеме гостей, Геринг развлекал их с императорской щедростью, порою эксцентрично одеваясь в костюм героя германского эпоса Зигфрида: «Геринг устроил грандиозный «нордический» праздник, праздник авиации! Берлинцы, приглашенные во дворец своего Нерона, восхищались его сказочными коллекциями. Финские всадники в меховых шапках и с копьями в руках охраняли ворота поместья. На поверхности озер покачивались ладьи викингов, в парках разыгрывались поединки средневековых рыцарей» (36). И среди всяческих излишеств у него во дворце имелась аскетичная келья, точно скопированная с кельи святого Иеронима, какой она изображена на гравюрах Альбрехта Дюрера. Но, невзирая на все эти «слабости» (а на самом деле тщательно выверенные пиар-ходы), Геринг тоже стал отличным партийным оратором, хотя все, что он делал, являлось подражанием стилю Гитлера и заимствованием его фраз.

Иной стиль поведения выработал нефотогеничный и мышастый Гиммлер, который набирал основные пропагандистские баллы не в публичных партийных выступлениях, а в ежедневном личном общении.

В подражание Гитлеру и его стилю работы с сотрудниками, Гиммлер завел себе картотеку для распределения личных подарков и вознаграждений.

В картотеке отмечалось, когда получатель родился, какое звание и должность имеет, какой чин и место в партии, сколько у него детей, какова девичья фамилия его жены, где

он живет. И, что особенно мило, как к нему следует обращаться: как к близкому знакомому («ты»), «дорогой однопартиец» или просто «однопартиец», а то и вовсе «господин». Точно также фиксировались все подарки. В их число входили тарелки, календари СС, фарфоровые фигурки. Дамы чаще всего получали полфунта шоколада или фунт кофе, консервированные сардины, масло или бекон. На Рождество Гиммлер нередко дарил полгуса или книги. При своей занятости рейхсфюрер никогда не упускал случая вручить подарок лично (37).

Естественно, кроме вышеперечисленных звезд первой величины из нацистского пантеона, и другие вожди нацистской партии не оказались обделены актерским дарованием. Известен случай, когда на съемках знаменитого фильма «Триумф воли» в 1935 году по техническим причинам оказался забракован отснятый материал, где вожди партии приветствуют Гитлера, и потребовалась пересъемка в павильоне. Первым под свет софитов вышел Рудольф Гесс. «Точно так же как перед 30 000 слушателей, он торжественно воздел руку. С присущим ему пафосом искреннего волнения он обратился именно туда, где на сей раз не сидел Гитлер, и, соблюдая выправку, вскричал: «Мой фюрер! Я приветствую вас от имени партийного съезда. Съезд объявляю открытым. Слово имеет фюрер». Говоря так, он производил столь убедительное впечатление, что с этой минуты я стал сомневаться в искренности его чувств. Трое остальных (Штрайхер, Розенберг, Франк. – К.К.) тоже правдоподобно разыграли каждый свою роль, обращаясь в пустоту павильона, и все проявили себя одаренными артистами» (38).

Кстати, о хозяине Нюрнберга и всей Франконии Юлиусе Штрайхере и его пиар-акциях. Об антисемитском издании «Штурмовик», который он возглавлял, мы еще поговорим, но и прочие находки этого журналюги носили воистину поразительный характер. Так, в конце 1935 года Штрайхер публично пригласил к себе на роскошный рождественский ужин... 15 коммунистов, заключенных в Дахау (39). Видимо, по его мысли, общая трапеза должна символизировать национальное примирение в праздничные дни. Интересно, как сложилась дальнейшая судьба благодетельствованных ужином узников Дахау?

Более серьезные люди – из карательного аппарата – конечно, вели себя скромнее, как и должно законопослушным и честным бюргерам.

Например, легендарный шеф гестапо Мюллер был крайне набожен, ходил в церковь, отличался скупостью – больше 40 пфеннигов на «Зимнюю помощь» нацистам в копилку не бросал (40). Бережливость, видимо, какая-то особая черта нацистских людоедов.

Однако вернемся к публичной деятельности и выступлениям перед аудиторией. Ораторское искусство в нацистской Германии ценили высоко и для пропагандистской работы была разработана целая иерархия партийных ораторов, включавшая 6 категорий: «оратор-специалист» (экономика, международные вопросы, антисемитизм и пр.), «районный оратор» (каналы устной агитации на провинциальном уровне, данные специалисты особенно активно использовались для распространения всякого рода слухов), «областной оратор» (универсальные ораторы гауляйтерств), «ударный оратор-кадет», «ударный оратор» (эти обеспечивали централизованные кампании национального масштаба), «государственный оратор» («звезды» нацистской пропаганды); во время войны также было введено звание «фронтowej оратор». Причем рядовым агитаторам рекомендовалось избегать обсуждения таких щекотливых тем, как антисемитизм, подготовка к войне, принудительная стерилизация и негативное отношение вождей к организованной религии. Это считалось работой для специалистов более высокого уровня, которых готовили специальные курсы.

О размахе подготовки подобных профессионалов свидетельствует хотя бы то, что только в одном лагере, устроенном Бюро расовой политики в 1930-е годы неподалеку от Берлина, прошли восьмидневные курсы интенсивной подготовки почти полторы тысячи ораторов. И каждый год через курсы, где «миссионерское рвение сочеталось с военной дисциплиной», проходило более тысячи членов СС. Здесь готовили специалистов, которые могли «со знанием дела» обсудить любую расовую проблему – будь-то в школе или собрании домохозяек. Агитацион-

ная работа на местах осталась одной из немногих сфер, которую Министерство пропаганды отдало на откуп пропагандистским организациям НСДАП, вплоть до ортсgruppe – низовых звеньев НСДАП, отвечавших за работу в городских кварталах. Во главе их стояли ортсгруппенляйтеры, а, по сути, рядовые штурмовики, которые еще недавно занимались уличными побоями и в новой ситуации строительства нацистского государства никак не могли найти себе достойного применения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.